

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
Российская ассоциация политической науки (Татарстанское отделение)

ЭТНОПОЛИТИКА И МИГРАЦИЯ КОНФЛИКТЫ, СОГЛАСИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

**Сборник статей
Международного научного симпозиума
г. Набережные Челны
23 июня 2014 г.**

Выпуск 3

Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии

**КАЗАНЬ
2016**

Kazan (Volga Region) Federal University
Brest State University named after A.S. Pushkin
Russian Political Science Association (Tatarstan Regional Branch)

ETHNOPOLITICS AND MIGRATION CONFLICTS, CONSENSUS AND TOLERANCE IN THE 21st CENTURY

**Collection of International scientific symposium articles
Naberezhnye Chelny, Russia
June 23, 2014**

Part 3

Scientific seminars. Round tables. Discussions

**KAZAN
2016**

УДК 323.1:316.347(082)

ББК 66.094я43

Э 89

*Печатается по решению Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Научные редакторы:

доктор юридических наук, профессор **О.И. Зазнаев**;
кандидат исторических наук, доцент **В.Т. Сакаев**

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор **А.Г. Большаков**;
доктор политических наук, профессор **С.А. Сергеев**

Этнополитика и миграция: конфликты, согласие и толерантность в XXI веке: сборник статей Международного научного симпозиума, (г. Набережные Челны, 23 июня 2014 г.) / науч. ред.: О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 266 с. (Вып. 3. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии)

ISBN 978-5-00019-572-7

В настоящий сборник вошли статьи, подготовленные по итогам работы Международного научного симпозиума «Политическая наука в поисках интеллектуальных ответов на вызовы этнической и миграционной политики XXI века», состоявшегося 23 июня 2014 г. в г. Набережные Челны. В книге нашли отражение новейшие взгляды на теоретические проблемы этничности и ее роли в политических процессах, существующий позитивный и негативный опыт политического управления в полиэтничных обществах, основные тренды развития этнополитической и миграционной ситуации, механизмы влияния миграции на политический процесс в условиях глобализации, социально-политические риски миграции, новые и перспективные направления национальной и миграционной политики.

Содержание данного издания относится к тематике исследования международного проекта «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (ALLMEET)», Agreement number – 2013 – 5030/001 - 001, Project number – 544410-TEMPUS-1-2013-IT-TEMPUS-JPES.

УДК 323.1:316.347(082)

ББК 66.094я43

ISBN 978-5-00019-572-7

© Издательство Казанского университета, 2016

УДК 323.1:316.347(082)

ББК 66.094я43

E84

Scientific editors

doctor of Juridical Sciences, professor **O.I. Zaznaev**;

PhD in History, associate professor **V.T. Sakaev**

Reviewers:

doctor of Political Sciences, professor **A.G. Bolshakov**;

doctor of Political Sciences, professor **S.A. Sergeev**

E84 Ethnopolitics and Migration: Conflicts, Consensus and Tolerance in the 21st Century: Collection of International scientific symposium articles (Naberezhnye Chelny, June 23, 2014 / eds.: O.I. Zaznaev, V.T. Sakaev. – Kazan: Kazan University Press, 2016. – 266 pp. (Part 3. Scientific seminars. Round tables. Discussions).

ISBN 978-5-00019-572-7

The given collection of articles was prepared as a result of the work of International scientific symposium “Political science in search of intellectual responses to challenges of ethnical and migration politics of the XXI century”, which took place on June 23, 2014 in Naberezhnye Chelny. The book reflects modern views on theoretical problems of ethnicity and its role in political processes, positive and negative experience of political administration in multiethnic societies, main trends of development of ethnopolitical and migration situation, mechanisms of migration influence on the political process in conditions of globalization, social and political risks of migration, new and promising tendencies of national and migration politics.

The given book refers to the subject-matter of the research of the international project “Actions of Lifelong learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (ALLMEET)”, Agreement number – 2013 – 5030/001, Project number – 544410-TEMPUS-1-2013-IT-TEMPUS-JPES.

УДК 323.1:316.347(082)

ББК 66.094я43

ISBN 978-5-00019-572-7

© Kazan University Press, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	8
СЕКЦИЯ 1	
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	
<i>Зазнаев О.И.</i> Состояние политологии: размышления после XXIII Всемирного конгресса политической науки.....	10
<i>Понедельков А.В., Кузина С.И., Федан М.А.</i> Этногенез и модернизация (проблемы конфликта идентичностей).....	16
<i>Сакаев В.Т.</i> Глобальная политика в первой половине XXI века: политико-демографический анализ.....	21
СЕКЦИЯ 2	
ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Задворнов А.Н.</i> Идеал соборности как основа консолидации российского культурно-исторического сознания.....	30
<i>Каюмов А.Т.</i> Разнообразие современной культуры: диалектика единого и множественно-дискретного.....	36
<i>Трушин Е.Э.</i> Космополитизм и изменение национальной идентичности на примере американского общества.....	46
<i>Красильников В.А.</i> Сущностные характеристики различий в рассмотрении понятия «небытие» на примере учений древнеиндийской и древнегреческой философии.....	50
СЕКЦИЯ 3	
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Воржецов А.Г.</i> Формирование демократического государства в многонациональных федерациях: опыт России.....	63
<i>Нуруллина Р.В.</i> Эволюция функциональной роли этничности в процессе исламского возрождения (на примере Татарстана).....	71
<i>Аетдинов Э.Х.</i> Рецидивы национализма в Российской Федерации в начале XXI века.....	75
СЕКЦИЯ 4	
ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	
<i>Суслов Е.В.</i> Этнополитический тренд как доминирующий вектор причинной обусловленности победы венгерской партии «ФИДЕС» на парламентских выборах в апреле 2014 г.....	86
<i>Тюрикова И.И.</i> Канадский мультикультурализм: от «мягкого» варианта к «жесткому».....	95
<i>Сидоров В.В.</i> Институциональные аспекты образования современных наций-государств.....	101
<i>Гуджатуллаев Р.А.</i> Этнополитические конфликты в контексте сепсессионистских процессов.....	105

СЕКЦИЯ 5

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Шапаров А.Е.</i> Ценностная ориентированность государственной миграционной политики: уроки для России.....	110
<i>Агеев В.Н.</i> Миграционная политика в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект.....	118
<i>Игонин Д.И.</i> Экспертный дискурс иммиграционной политики в условиях Республики Татарстан.....	124
<i>Сахапов Р.Р., Мальцева Е.Н.</i> Миграционное законодательство на современном этапе.....	134
<i>Фардеева И.Н.</i> Перспективы отмены визового режима между Российской Федерацией и Европейским Союзом.....	142

СЕКЦИЯ 6

МИГРАЦИИ И ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

<i>Zannoni F.</i> Intercultural Cities in Europe.....	148
<i>Vieira da Silva M. do C., Urbano C.</i> Migrations, Ethnicity and Education in Portugal.....	157
<i>Vieira I., Baptista L.</i> Frontiers and diversity in metropolitan contexts: the case of Cape Verdeans in Lisbon Metropolitan Areas.....	167
<i>Lachert J.</i> Emigration from Poland after 2004.....	180
<i>Левченко М.В.</i> Современные миграционные процессы в Германии: история, проблемы, пути решения.....	184

СЕКЦИЯ 7

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Мустафина Д.Н.</i> Этнические маркеры в контексте глобализации: региональная языковая политика.....	191
<i>Перотто М.</i> Языковая ситуация в Татарстане и в Италии: аспекты симметрии и асимметрии.....	198
<i>Горячева О.Н.</i> Особенности реализации принципа двуязычия в Республике Татарстан.....	207
<i>Славина Л.Р.</i> Языковая политика в сфере образования в Канаде.....	211

СЕКЦИЯ 8

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Красильникова О.В.</i> Психологическая адаптация мигрантов: методологические проблемы исследования.....	215
<i>Ханова А.Ф.</i> Диагностика межэтнической напряженности: психолингвистический подход.....	224
<i>Гибадуллин Р.М.</i> Этноисторическое восприятие территории региона как идеологическая и научная проблема.....	232

<i>Худайкулов Н.Н.</i> Проблема механизма адаптации трудовых мигрантов из среднеазиатских республик.....	238
<i>Сайфуллин Р.Г.</i> Миграции, этносы и пассионарность.....	242

СЕКЦИЯ 9

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<i>Скакун Е.В.</i> Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.....	245
<i>Кавецкий С.Т.</i> Некоторые особенности партийной системы Республики Беларусь.....	251
<i>Северин Э.Н.</i> Права человека в контексте исследования политической науки.....	257
Сведения об организаторах симпозиума.....	263

*Памяти нашего коллеги и друга,
кандидата философских наук, доцента
Фарита Масхутовича Гиниятова посвящаем*

ОТ РЕДАКТОРОВ

Одним из современных вызовов является глобальная миграция, которая стала серьезным фактором социальных изменений во многих странах мира, включая Россию. Политическая власть и гражданское общество должны своевременно реагировать на случаи возникновения этнополитических конфликтов в результате миграции населения и изменения демографической структуры, а также координировать и регулировать данные процессы. Достижение межэтнического и межконфессионального согласия является одним из государственных приоритетов. Поэтому грамотная и эффективная национальная политика Российской Федерации призвана упрочить межэтническую стабильность в стране, создать условия для социально-экономической и политической модернизации.

Предлагаемый читателю сборник статей подготовлен по итогам состоявшегося 23 июня 2014 года в г. Набережные Челны Международного научного симпозиума «Политическая наука в поисках интеллектуальных ответов на вызовы этнической и миграционной политики в XXI века». Организаторами симпозиума выступили Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина (Республика Беларусь) и Татарстанское отделение Российской ассоциации политической науки. В симпозиуме приняли участие более 30 ученых из Российской Федерации, Республики Беларусь, Италии, Польши и США.

Работа симпозиума проходила в форме пленарного заседания «Новые направления и подходы в политической науке» и секций «Политико-философские основания этнической и миграционной политики», «Этнополитические процессы в Российской Федерации», «Этничность и политика в зарубежных странах», «Миграционная политика в Российской Федерации: политические и правовые аспекты», «Миграции и политика мультикультурализма в Европейском Союзе», «Языковая политика: российский и зарубежный опыт», «Междисциплинарные подходы к исследованию этнических и миграционных процессов», «Современные политические процессы в Республике Беларусь».

Кроме того, во время симпозиума состоялся круглый стол «Механизмы совершенствования этнической и миграционной политики в Российской Федерации и Республике Татарстан», который был организован в рамках реализации проекта ТЕМПИС «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia («Непрерывное обучение в течение всей жизни, направленное на развитие межкультурного образования и толерантности в Российской Федерации», ALLMEET)», Agreement number – 2013 - 5030/001 - 001, Project number – 544410-TEMPUS-1-2013-IT-TEMPUS-JPES. ALLMEET (подробнее о проекте ALLMEET см. <http://www.allmeet.org/ru/>) – это проект направленный на совершенствование межэтнического взаимодействия, взаимоотношений «принимающего» общества и мигрантов, снижение напряженности и конфликтности в российских регионах. В проекте участвуют шесть российских университетов, включая КФУ, а также университеты и образовательные центры из Италии, Нидерландов, Португалии и Великобритании. Сосредоточив внимание на теме культурной интеграции, проект призван способствовать повышению качества деятельности учреждений высшего образования в Российской Федерации в этой области.

Дискуссионное поле симпозиума продолжает традиции научных мероприятий, проведенных кафедрой политологии КФУ на базе Набережночелнинского института КФУ с 2010 г., – Всероссийской научной конференции «Политика в изменяющемся мире: конфликты, решения, инновации», посвященной 20-летию создания кафедры политологии Казанского университета (2010 г.), «круглых столов» (2011 и 2012 гг.), в центре внимания которых были проблемы политической, гражданской и этнической идентичности, а также Международного научного симпозиума «Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века» (2013 г.).

*О.И. Зазнаев
В.Т. Сакаев*

СЕКЦИЯ 1 НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Зазнаев О.И.

доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
political.science@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ XXIII ВСЕ- МИРНОГО КОНГРЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В июле 2014 года в Монреале состоялся XXIII Всемирный конгресс политической науки, который провела Международная ассоциация политической науки (МАПН) – профессиональная организация, объединяющая политологов всего мира. МАПН была создана в 1949 году под эгидой ЮНЕСКО. Ассоциация содействует развитию политической науки во всех уголках мира и помогает выстроить академические связи между Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее цель – создание открытого глобального сообщества политологов, в котором могут все принимать участие [1]. Сегодня с МАПН ассоциировано более 50 национальных ассоциаций. Каждые два года проходит Всемирный конгресс политической науки – самое престижное научное мероприятие в области политологии. Он дает возможность представить результаты своей работы перед широкой аудиторией, обменяться идеями, завязать академические контакты и инициировать новые исследовательские проекты.

Каждый конгресс МАПН – это «зеркало», в котором отражается состояние, проблемы и перспективы политологии, это «выставка достижений» политической науки, это повод для саморефлексии и оценки состояния политологии в мире. XXIII Всемирный конгресс политической науки стал толчком для размышлений на эту тему.

1. Первый вопрос, который возникает при знакомстве с конгрессом, таков: можно ли сегодня говорить о мировой (глобальной) политологии? Есть ли единая и общая для всех стран политическая наука, или существуют разрозненно американская, европейская, немецкая и российская политология?

Известному американскому политологу Габриэлю Алмонду принадлежит интересная метафора об отдельных «столиках» (школах и сектах), за которыми сидят разные группы политологов [2]. По аналогии можно сказать, что сегодня в мире существуют «столики» стран/регионов: самый большой «стол» – амери-

канский, затем стоят «столики» европейских стран, далее идут маленькие «столики» латиноамериканских, африканских и азиатских стран. Несмотря на интеграционные процессы в науке, существует явная разобщенность политологов в мире. Поэтому задача, стоящая перед мировой наукой, – «посадить» политологов разных стран за один стол и научить общаться на одном языке. И дело здесь не столько в умении говорить на английском, французском или ином языке, сколько в способности понять друг друга, используя общий для всех «язык» политической науки. Эта задача крайне непростая, поскольку сегодня зачастую происходит «варение в собственном соку» и слабое взаимопроникновение идей ученых разных стран.

Всемирный конгресс политической науки продемонстрировал, что интеграция национальных политологов в мировую политологию предполагает интеграцию в англо-американскую политическую науку, которой далеко за сотню лет (в отличие от российской политологии, которой всего лишь четверть века). Эта интеграция не простое копирование, не простое подражание, не согласие во всем и вся, не слепое следование американским или западным ценностям. Это творческое восприятие всего того положительного, что было создано в течение долгого времени. Российская политология находится в состоянии «догоняющего» развития. Вопрос заключается в том, хочет ли она достигнуть мирового уровня? В условиях, когда в России громко слышны голоса сторонников «державной» (своей собственной) политологии, идея о том, что нужно брать лучшее в мире и ориентироваться на апробированные теоретические модели мировой (читайте: американской) науки, имеет слабый шанс на реализацию. Если российская политология будет идти своим собственным путем, то, скорее всего, она будет обречена на «топтание на месте» и воспроизводство банальных истин.

2. Всемирный конгресс в Монреале показал, что продолжается расширение предметного поля политической науки. Появляются новые объекты изучения и идет поиск новых сторон «старых» политических феноменов. Происходит развитие политологии «вширь».

Приведу несколько ярких примеров. На одной из секций обсуждалась новая для науки проблема виртуального неравенства (среди разных групп и разных стран) и ее влияние на политическое участие и публичную политику, в частности, проблема неравного доступа к Интернету [3, с. 272].

Одна из секций конгресса касалась вопроса так называемой «диффузии публичной политики» между странами и разными уровнями власти в стране, когда соседи передают друг другу какие-либо элементы политики, обучаются

другу у друга, подражают друг другу, соперничают друг с другом в поиске более эффективных механизмов власти [3, с. 250-251]. Показательно название одного доклада этой секции: «О пределах диффузии политики: является ли норвежская пенсионная реформа шведской?» [4], что является новым «словом» в науке.

Новая тема, получившая свое освещение на форуме, – политические династии [3, с. 209]. В американском конгрессе, японском парламенте, в Греции, Саудовской Аравии и на Филиппинах имеет место наследственная передача власти. При этом проблема политических династий плохо изучена в политологии. Лишь экономисты анализировали династии, а политологи обходили эту тему стороной, считая, что политические династии являются причиной коррупции и источником стагнации. Любопытна постановка вопроса в одном из докладов этой секции: «Объясняет ли принадлежность к политической фамилии успех политической карьеры испанских членов парламента?» [5].

Несколько секций Конгресса было посвящено политическому юмору [3, с. 282, 308], что следует тоже признать новаторством в политических исследованиях, в частности, в одном из докладов говорилось о юморе как форме политического сопротивления. Без сомнения, новый объект изучения – «повседневная политика», поскольку, по свидетельству докладчиков, происходит «политизация повседневности», когда праздники, культурные практики, социальная деятельность, спорт и религиозные культы политизируются, и «личное становится политическим» [3, с. 135].

Таким образом, новые темы обогащают политическую науку и дают возможность политологам начать поиск ответа на вопросы, которые прежде никто не задавал.

3. Всемирные конгрессы политологов интересны всегда тем, что на них презентуются новые научные результаты. Политологи решают новые исследовательские проблемы либо предлагают новое решение старых проблем. Без новизны не обходится ни один конгресс. Не стал исключением и конгресс в Монреале. Обращает на себя внимание то, что организаторами был выбран преимущественно проблемный, а не страноведческий подход при создании программы мероприятия, хотя, возможно, проще было бы строить секции по странам и регионам. XXIII Всемирный конгресс политической науки четко высказал свою претензию на новые научные «открытия».

Во-первых, ряд выступающих предложил новые термины, например, термин «отравляющая демократия» [6].

Во-вторых, были вскрыты новые взаимосвязи между переменными. Так, в одном из докладов утверждается, что разные типы избирательной системы ведут к разным тратам во время избирательной кампании [7].

В-третьих, некоторые докладчики в своих выступлениях стремились опровергнуть устоявшиеся в науке постулаты. Так, один из докладов говорит о том, что Вестминстерская система в Великобритании никогда не представляла собой идеальный тип мажоритарной модели, и сегодня она четко движется в сторону консенсусной модели в результате конституционных реформ и всеобщих выборов 2010 года [8].

В-четвертых, некоторые авторы смогли обнаружить новые аспекты политических явлений. Так, одна из секций была посвящена «адаптивной динамике» федеративных систем [3, с. 353-354]. Докладчики говорили о том, что есть две модели развития – модель реформы и модель адаптации, приспособления федераций к новым реалиям (таким, как миграция, экономические изменения и др.).

В-пятых, ряд выступлений стал результатом поиска ранее неисследованной прежде проблемы. Например, новое слово в науке – конституционные изменения форм правления (например, смена парламентской системы на полупрезидентскую), обусловленные карьерными амбициями политиков [3, с. 154]. Докладчики отвечали на вопрос о том, как премьер-министры становятся президентами, и, наоборот, президенты – премьер-министрами.

4. Прошедший конгресс показал прогресс не только в предметной области политологии, но также и в сфере методологии политических исследований. Целый ряд докладов отличали новые подходы или новые методы. Так, оригинальным подходом отличался доклад, посвященный анализу применения концептов политической науки и теории международных отношений через призму международной истории [3, с. 231], в которой автор указывает на временной лог между явлением и его концептуальным осмыслением. Наверное, каждый обратил внимание на выступление на необычную тему: «Изучение политического через музыку» [9]. Весьма свежо звучит название секции «Соединение кейс-стади и качественного сравнительного анализа» [3, с. 115-116].

На конгрессе в выступлениях хорошо просматривалось применение количественных методов, в частности, в докладах на секциях, посвященных анализу конфликтов, войн, мира и сотрудничества. Так, доклад автора этой статьи был сделан на тему «Измерение президентской власти в посткоммунистических странах: работа над ошибками» [10]. В настоящее время в политологии нет адекватного решения для измерения силы глав исполнительной власти. Несмотря на широкое использование нескольких методик для измерения президентских

полномочий, необходимо провести их критическое исследование. При обсуждении ошибок в измерении президентских полномочий, автор пытался устранить некоторые из проблем измерения, предлагая метод, основанный на вычислении индекса формы правления. Эта методика пригодна для изучения посткоммунистических реалий и стран с неформальной политикой.

Новаторским следует признать выступление на тему «Понимание изменений партийных систем: от концептуализации к измерению» [3, с. 169]. Как известно, политологи измеряют партийные системы, и на этот счет есть несколько методик. В докладе предпринята попытка измерить не сами партийные системы, а их изменения, что представляется весьма любопытным.

5. Политическая наука должна давать ответы на вызовы современности. Неслучайно основной темой конгресса стала тема «Вызовы современному правлению». Политологи задаются вопросами о том, как они реагируют на быстро меняющуюся реальность, и как текущие события влияют на науку? «Жареные» события, как правило, не были предметом обсуждения на конгрессе, что мне представляется вполне справедливым. Так, на конгрессе не было секций по украинским событиям, хотя было обсуждение итогов референдума в Шотландии.

Политология предлагает ответы на вызовы современности, но вопрос заключается в том, насколько адекватны эти ответы? Любой научный ответ – это теория или модель, которая не просто описывает происходящее, а вскрывает глубинные причины политических процессов. В связи с этим на конгрессе встал вопрос о предназначении и функциях политической науки. Так, на секции «Парадигмы и историография в политических исследованиях» [3, с. 302] речь шла о пересмотре парадигм, необходимости преодоления отрыва политологов от жизни.

Итак, XXIII Всемирный конгресс политической науки показал, что политология находится в ситуации развития, поиска и переосмысления. Если этого не будет, то политическая наука прекратит свое существование, но в этом не заинтересован никто.

Литература

1. Organization - Constitution & Mission Statement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipsa.org/organization/mission-statement>, свободный. – Проверено 25.03.2015.

2. Алмонд Г. Отдельные столики: Школы и секты в политической науке (перевод) // Политическая наука на рубеже веков: проблемно-тематический сборник. – М., 2000. – № 4. – С. 63–77.

3. Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – 400 p.

4. Marier, Patrik. On the Limitations of Policy Diffusion: Is the Norwegian Pension Reform Swedish? // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 251.

5. Alarcón González, Francisco Javier; García-Hípola, Giselle. Is Political Family a Key Explanation in the Political Career Success of Spanish MPs? // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 209.

6. Ravecca, Paulo; Torres-Ruiz, Antonio. The Politics of Political Science and Toxic Democracies // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 232.

7. Marcelino, Daniel. Does Voting System Matter For Campaign Spending? // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 157.

8. Strohmeier, Gerd. Does Westminster Still Represent the Westminster Model? An Analysis of the Changing Nature of the Westminster System // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 191.

9. Elwell, Marlene. Exploring the Political Through Music as a Method of Tuition in Multi-Track Diplomacy and Intrastate, Interstate and Intraregional Power Dynamics // Programme. 23rd World Congress of Political Science. Challenges to Contemporary Governance. July 19-24, 2014. Montreal, Quebec, Canada. – Montreal (QC): International Political Science Association, 2014. – P. 302.

10. Zaznaev O. Measuring Presidential Power in Post-Communist Countries: Rectification of Mistakes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol 6. – № 1. – Supplement 1. – Pp. 443–449. (Статья написана на основе доклада, сделанного на XXIII Всемирном конгрессе политической науки)

Понеделков А.В.

доктор политических наук, профессор
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Кузина С.И.

доктор политических наук, профессор
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
svivk@yandex.ru

Федан М.А.

аспирант
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
89281478587@mail.ru

ЭТНОГЕНЕЗ И МОДЕРНИЗАЦИЯ (ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ)

Для российского полиэтнического общества продолжает сохранять актуальность институциональная задача по строительству национального государства и повышению его устойчивости. Решение задачи осложняется этногенезисными процессами в состоянии неопределенности изменяющегося мирового порядка.

Тематика современного общественно-политического дискурса в последнее время в значительной степени определяется наличием возможностей и угроз, связанных с использованием этнического фактора для достижения конъюнктурных политических целей. Распространено обвинение каких-либо институциональных проектов, политических решений или реформ в любой общественной сфере в недооценке (переоценке) этнического фактора. Как правило, споры в этой области отличаются повышенной идеологизированностью и эмоционально окрашены. Достаточно большое число экспертов в области межнациональных отношений относятся к сторонникам ослабления государственного контроля над процессами этногенеза, аргументируя свою точку зрения концепциями становления «гражданских наций» и отрицания этничности. Другая часть специалистов призывает к стимулированию этногенеза, поддержке этнорелигиозных и национальных движений. Но дискуссия в основном сводится к

обсуждению инструментария регулирования этногенеза, а не институционального измерения природы этногенеза в пределах локальных сообществ.

Процессы глобализации парадоксально вызвали к жизни феномен ренессанса этничности. Универсализация ценностных основ вследствие глобализации привела к тому, что восприятие человеком собственной идентичности перешло от вопроса «Кто я?» к вопросу «Кто я по-настоящему?». Структурную деформацию претерпели институты, регулирующие поведение людей и в рамках этнических сообществ, и в семье, в религиозной сфере.

Одной из проблем российского общества в условиях глобализации и модернизации может стать размывание национальной идентичности россиян. В социальной структуре разного рода идентичности выглядят как бы вложенными друг в друга по матрешечному принципу. Самой близкой общностью, с которой человек себя отождествляет, является семья (семейная идентичность). Без семьи человек атомизируется до личного «я» (индивидуальная идентичность). Далее по мере расширения сфер идентификации следуют одна за другой этническая, социально-профессиональная, национальная (гражданская) и цивилизационная.

Идеологические войны идут не только путем манипуляции общественным сознанием определенных народов, но и путем идеологической дискриминации семейных ценностей, размывания семейной идентичности, разрушения традиционного института семьи. Расщепление идентичностей происходит последовательно, начиная с самой широкой – цивилизационной. Так, например, в «лихие» 90-е с распадом Советского Союза была разрушена цивилизационная идентичность «советский народ». Понятие «мы, советские люди» объединяло людей разных национальных республик, успешно играя наднациональную, скрепляющую роль. Нивелирование советских цивилизационных идентификаторов произошло путем объявления их искусственно, насильно сконструированными. Естественно, взамен разрушенной советской никакой другой цивилизационной идентичности предлагать не предполагалось. Произошла атомизация на уровне новых образовавшихся стран, внутри которых актуализировался вопрос о национально-региональной идентичности как механизма сохранения национальных государств. Попытки спасти исчезающую цивилизационную идентичность воплотились в создание Союза Независимых Государств (СНГ) и другие союзы и объединения, до нынешнего времени не достигших желаемых целей.

Национальная идентичность является важным внутренним системообразующим фактором государственности. Но она же стала дезинтеграционным

фактором при разрушении цивилизационной идентичности, цивилизационного единства советской державы. И продолжает играть дезинтегрирующую роль в образовавшихся постсоветских государствах, в том числе в России.

Применительно к России продолжающееся расщепление национальной идентичности идет по национально-территориальному признаку. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай» в преддверии десятого заседания клуба, прошедшего с 16 по 19 сентября 2013 г. в Новгородской области по теме «Многообразие России для современного мира» провел опрос «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы». Были опрошены 1,6 тысячи человек от 18 лет из 45 регионов и 137 населенных пунктов, а также четыре фокус-группы. По результатам опроса более половины россиян идентифицировали себя как граждан России, 35% считают себя, прежде всего, жителями своего города или села, 8% идентифицируют себя соответственно своей профессии. Почти половина россиян считают русскими проживающих в России украинцев и белорусов, а вот чеченцев и дагестанцев русскими готовы считать только 7% [1]. На вопрос ВЦИОМ «Считаете ли вы, по большому счёту, российскими следующие территории или нет?» 56% опрошенных считают Крым российской территорией, а таковой не считают Дагестан (54%), Чечню (57%) [2].

Процесс расщепления национальной идентичности на региональную и локальную коснулся и уровня семейной идентичности. Семья для россиян в условиях аномии последних десятилетий оставалась единственной ценностной точкой опоры. По данным исследования Фонда общественного мнения в аксиологической иерархии россиян семью считают главной ценностью 64% опрошенных [3]. Но и здесь происходят изменения, о чем говорит в своем интервью директор ВЦИОМ В.Федоров: «Семья сейчас находится в центре линейки ценностей россиян. Дело в том, что другие ценности, такие, как государство, прежде всего, они, конечно, сегодня померкли. Так много надежд, как прежде, на них уже не возлагается. Другие общественные институты, их авторитет тоже упал. Это касается и армии, и в последнее время церкви. О других сугубо политических институтах и говорить не буду. Очевидно, что доверие к ним невысоко. А семья в такие непростые времена смены эпох, смены ориентиров нравственных выступает якорем спасения. Это характерно для последних полутора десятков лет. Правда, последние годы мы стали замечать, что и тут происходят перемены. Всё-таки люди становятся более рациональными, более спокойно становится их отношение к семье. Они уже не возносят её на пьедестал. Это уже не единственный якорь спасения. Но это связано ещё и с тем, что меняется

сама структура семьи, семьи становятся малодетными. Официальные узы брака теряют своё значение. Всё больше становится гражданских браков. Отношение к ним тоже упрощается. В общем, такой мистический ореол вокруг семьи тоже постепенно тускнеет. Но отношения внутри семей становятся более равноправными»[4]. Изменениям особенно подвержены ценности молодого поколения, обладающего гибким, легко поддающимся манипуляциям сознанием, «не отягощенным» стереотипами и воспитанием. Так, 63% опрошенных молодых москвичей и 53 % молодежи регионов на первое место из своих жизненных целей ставят «материальное благополучие», «обогащение»[5].

Понятие этнической идентичности для человека часто связано с общим социальным самочувствием в современном мире, где деформацию претерпевают институты семьи, религии и этничности. Проблема институциональной деформации этнической идентичности – это также проблема деформации института национальной культуры.

В качестве аргумента в пользу неизбежности кризиса этнической идентичности, национального государства и возникновения новой глобальной идентичности сторонники таких взглядов приводят пример «плавильного котла» народов Соединенных Штатов Америки, забывая о том, что история США насчитывает от силы три сотни лет, а предки современных американцев прибыли со всего света, привезя с собой только память о своем этническом происхождении как выходцев из стран Старого света. Если говорить о России, то через века она сумела сохранить культуру и историческую память, определяющих этническую идентичность множества народов, входящих в ее состав.

Глобальные кризисы XXI века показали, что этническая принадлежность не только не растворяется в мультикультурной среде, а, наоборот, все формы этнизма резко активизировались и оказались востребованными еще вчера пассивными и деидеологизированными массами. Оказалось, что предсказанного глобалистами отмирания этноса и превращения его в нацию, а также дальнейшего отмирания нации по мере наступления глобального рынка не происходит. Экономическая глобализация не привела к глобальной этнокультурной конвергенции.

Для адекватного понимания происходящих социокультурных процессов необходимо разграничить сферы этнического и национального. Этническая и национальная идентификации – это параллельные, хотя и иногда вступающие в конфликт состояния социального бытия. Индивид входит как в состав этноса, так и в состав нации, при этом периодически в его сознании доминирует то эт-

ническая идентичность, то национальная. Их различие состоит в механизмах воспроизводства этноса и нации как социальных групп.

Этнос воспроизводится через трансляцию этничности как образа жизни, связанного с его рождением, семьей, религией – его ближним кругом. Механизм воспроизводства нации – это взаимодействие индивида с институтами государства, формирующими нацию через наличие общих национальных интересов.

Экономическая глобализация сужает социальные функции государства, ставит индивидов в условия жесткой взаимной конкуренции, что приводит к вынужденному отказу от лояльности государству, снижению гражданской солидарности и, как результату – атомизации общества, фрагментации нации.

Теряющие национальную опору индивиды вынуждены искать ей альтернативу в других социальных группах и идентичностях. И очевидным выбором человека становится его этническая идентичность, которая на фоне утрачиваемой национальной становится ведущей. Таким образом, глобализация, ослабляя институты, формирующие национальные государства и, соответственно, национальную идентичность, привела к их замещению институтами традиционного общества, распаду политических наций на этносы и возрождению этнической идентичности. Этнос, вытесненный из политической и производственной сфер в семейную, за прошедшие два века только окреп, приобрел стабильность и сохранился на протяжении последних двух бурных веков.

В период кризисов и революций, при смене элит и идеологий и даже внешнем завоевании именно идентичность государствообразующего этноса позволяет сохранить культурно-историческую преемственность нации и восстановить национально-политическую надстройку. Становление нации не уничтожает этническую идентичность из общественного сознания, а лишь вытесняет ее в частную сферу. Сохраняясь как целое, этническая и национальная идентичности обладают разнокачественными, самостоятельными и взаимодополняющими свойствами, что и выражается парадоксальным образом в процессах этногенеза современного глобализирующегося мира.

Литература

1. ВЦИОМ назвал главную проблему современной российской идентичности // URL: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=114472>

2. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Социологический опрос // URL: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf
3. Ценности, приходящие и уходящие с возрастом // URL: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d24cpiusv11.pdf>
4. Благополучные семьи об Интернете не вспоминают // URL: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112904>
5. Молодежь: цели и проблемы // URL: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/yong_pol/dd022827

Сакаев В.Т.

кандидат исторических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

sakaev2003@mail.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА: ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Политическая демография выступает как новое актуальное междисциплинарное направление науки. Предметное поле политической демографии охватывает круг вопросов, отражающих закономерности влияния демографических процессов на политическую сферу [1; с. 86-88]. Одним из направлений исследуемых новой отраслью науки являются политические последствия глобальных демографических процессов. Изучение данного аспекта в последнее время вызывает все больший интерес за рубежом и в России. Статья посвящена обзору новейших подходов в изучении роли демографии как фактора глобального политики в первой половине XXI века.

Еще в середине 2000-х гг. американский политический демограф П. Демени выдвинул гипотезу о том, что в первой половине XXI века серьезно изменится геополитическая карта распределения человеческих ресурсов, так как 99% прироста мирового населения в течение этого периода дадут развивающиеся страны. Население Европы, включая РФ, которое составляло в 1950 г. – 22% мирового населения, в 2005 г. – 11%, а к 2050 г. будет насчитывать только 7% (в абсолютных цифрах численность населения континента сократится с 728 до 653 млн. чел., то есть на более чем 75 млн. чел.) [2; с. 256]. А вот население Африки будет стремительно расти: в 1950 г. там проживало всего 9% мирового

населения, в 2005 г. – 14%, а в 2050 г. – уже 21% (в абсолютных цифрах оно вырастет на более чем 1 млрд. чел.) [2; с. 256].

Таблица 1

Прогноз численности населения ведущих стран и регионов во второй половине XX - первой XXI вв. (за основу взят средний вариант прогноза ООН)*

Регион, страна	Население (млн.)			Прирост в % («+» или «-»)		Доля в мировом на- селении (%)		
	1950	2000	2050	1950- 2000	2000- 2050	1950	2000	2050
Сев. Америка	172	315	438	+83	+39	6,8	5,2	4,8
Латинская Америка и Карибы	167	523	783	+213	+50	6,7	8,6	8,6
Европа, включая РФ	547	728	653	+33	-10	21,7	12,0	7,2
ЕС	350	450	450	+29	0	13,9	7,4	4,9
РФ	101	147	111	+45	-24	4,0	2,4	1,2
«Исламский пояс»**	148	545	1109	+268	+103	5,9	9,0	12,2
Африка южнее Сахары	180	670	1692	+272	+152	7,2	11,0	18,6
Япония	84	127	112	+51	-12	3,4	2,1	1,2
Китай	549	1259	1382	+129	+10	21,8	20,7	15,3
Индия	358	1021	1593	+185	+56	14,2	16,7	17,6
Юго-Восточная Азия	178	519	752	+192	+45	7,1	8,5	8,3
Прочие районы в Азии и Океании	128	379	562	+196	+48	5,2	6,2	6,2
Весь мир	2519	6086	9076	+142	+49	100	100	100

* Составлена автором по материалам: Demeny P., McNicoll G. 2006. The Political Demography of the World System, 2000-2050. – *Population and Development Review*, no. 32, pp. 254-287; Department of Economic and Social Affairs of UN. Доступ: URL: <http://esa.un.org> (проверено 15.03.2015); Численность населения на 1 января, 1950-2013. – *Электронная версия бюллетеня «Население и общество»*. Доступ: <http://demoscope.ru> (проверено 14.03.2015)

** Пояс 20 мусульманских стран от Пакистана до Мавритании (без бывших советских республик и 5 мусульманских государств Африки южнее Сахары).

О чем свидетельствуют данные таблицы 1. Во-первых, видно, что стремительный рост численности населения был общим трендом всех развивающихся стран мира во второй половине XX века (прирост за 50 лет больше 100%), а вот в первой половине XXI в. подобные темпы будут наблюдаться только в регионе Африки южнее Сахары и «исламском поясе». Прирост в остальных развивающихся странах в этот период гораздо скромнее, а развитые страны, за исключением США и Канады, вообще демонстрируют депопуляцию. Во-вторых, если в середине XX века центрами сосредоточения населения мира были Европа (21,7% мирового населения) и Китай (21,8%), то в середине XXI века это – Африка южнее Сахары (18,6% населения мира), Индия (17,6%), Китай (15,3%), «исламский пояс» (12%). В-третьих, катастрофически будет сокращаться доля в мировом населении стран ЕС, России и Японии. Центры глобального развития, а, следовательно, и глобальной политики станут все больше смещаться из Северной Атлантики на юг и восток «мирового острова». Отразится этот процесс также в изменении списка стран с населением свыше 100 млн. чел. К 2050 г., по прогнозам ООН, к списку крупнейших в демографическом отношении стран (дополнительно к нынешним 11 государствам) добавятся еще 3 африканские страны, 3 страны «исламского пояса» и 2 государства Юго-Восточной Азии [9]. Всего к 2050 г. численность населения Земли увеличится на 1 млрд. чел. только за счет африканцев, на 0,5 млрд. – за счет мусульман и 0,5 млрд. – за счет индийцев [2; с. 254-287]. Произойдет усиление экономической и военной мощи, научно-технического потенциала и культурного влияния Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Азии по сравнению с регионом Северной Атлантики.

Не менее важен и вопрос о структуре населения. Таблица 2 позволяет увидеть, что население Японии, ЕС и РФ, будет иметь наибольшую долю лиц старше 65 лет. Меньший объем престарелого населения будет в КНР и США. А вот в Индии и африканских странах ожидается относительно молодая структура населения. Глобальное старение населения в ведущих геополитических центрах станет фактором ослабления в XXI веке их экономического и военного влияния. Больше всего это коснется ЕС, особенно её экономического ядра – Германии, а также Японии и РФ. США и КНР столкнутся с такой проблемой по большей части лишь во второй половине XXI века. Страны со стареющим населением, по-видимому, будут испытывать острые проблемы с обеспечением функционирования пенсионной системы и здравоохранения.

Также П. Демени считает актуальным для глобальной политики вопрос о численности населения крупнейших региональных союзов. Рассмотрим этот аспект. Таблица 3 показывает, что за первую половину XXI века численность населения вырастет во всех зонах свободной торговли, за исключение ЕС и Та-

моженного союза России, Беларуси и Казахстана, причем последняя зона будет охватывать в 2050 г. всего 1,7% мирового населения (сейчас – 2,8%). Еще меньше будет его доля в мировом ВВП. Возникает вопрос: каковы перспективы такого объединения в XXI в.? Приведенные данные позволяют понять причины упорной борьбы российского руководства за включение Украины (45 млн. чел. населения) в Таможенный союз.

Таблица 2

Прогноз доли населения младше 15 лет и старше 65 лет в ряде регионов и стран в 2005, 2025 и 2050 гг. (в %) *

Страна	0-14 лет			65 лет и старше		
	2005	2025	2050	2005	2025	2050
Япония	14,0	12,5	13,4	19,7	29,1	35,9
ЕС	16,4	14,4	13,4	16,4	22,6	29,9
США	20,7	18,7	17,3	12,3	17,7	20,6
Китай	21,4	17,9	15,7	7,6	13,7	23,6
Индия	32,1	24,4	18,3	5,3	8,1	14,8
Африка	41,5	36,9	28,7	3,4	4,2	6,7
Россия	15,2	18,1	10,3	13,7	27,7	38,0

* Составлена автором по материалам: Demeny P., McNicoll G. 2006. The Political Demography of the World System, 2000-2050. – *Population and Development Review*, no. 32, pp. 254-287; *Demographic Yearbook 2008*. United Nations. – Официальный сайт ООН. Доступ: <http://unstats.un.org> (проверено 15.03.2015); *Демографическое развитие России в XXI веке*. 2009 / Под ред. Г.В.Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М. Доступ: <http://rybakovsky.ru> (проверено 15.03.2015)

П. Демени резонно указывает, что демографический фактор в геополитическом анализе в XIX и XX веках имел второстепенное значение. Значение численности населения легко преодолевалось различиями в уровне развития. Так, во второй половине XX века, меньшие по численности нации могли обладать большей экономической и военной мощью, политическим и культурным влиянием. Малая численность населения не помешала Голландии, Португалии, Бельгии играть важную роль в европейской политике, а небольшая Англия сумела создать огромную колониальную империю. Значение фактора народонаселения возрастало только во время конфликтов между странами с примерно равным уровнем развития и, тогда, демографический фактор становился решающим [3; с. 685]. В XXI веке имеет место быстрый рост численности населения в развивающихся странах, при сокращении и старении населения в раз-

витых странах. Но, бедность развивающихся стран не является постоянным условием. Сейчас, можно наблюдать, как значительная часть развивающихся стран показывает темпы экономического роста сопоставимые с показателями развитых стран. Глобализация, свободное движение капиталов и расширяющаяся международная торговля облегчают трансфер технологий, который, в комбинации с высокой численностью населения и растущими доходами, ведет к изменению экономического веса стран с далеко идущими геополитическими последствиями [3; с. 686].

Таблица 3

Прогноз численности населения важнейших региональных торгово-экономических союзов (в млн. чел.) *

Наименование организации	2005	2050
Европейский Союз	460	450
НАФТА	438	577
Союз южноамериканских наций	375	527
АСЕАН плюс три (Китай, Япония и Южная Корея)	2,031	2,285
<i>В том числе АСЕАН</i>	555	749
Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества	1,453	2,220
Африканский союз	906	1,937
Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Республики Беларусь и Казахстана	168	157

* Составлена автором по материалам: Demeny P., McNicoll G. 2006. The Political Demography of the World System, 2000-2050. – *Population and Development Review*, no. 32, pp. 254-287; Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. – *Электронная версия бюллетеня «Население и общество»*. Доступ: <http://demoscope.ru> (проверено 14.03.2015)

Другой американский политический демограф Д. Саймон, в своей статье «Неужели демография – это судьба?», сформулировал закономерности влияния демографии применительно к будущему блока НАТО. По мнению Д. Саймона, тенденции демографического развития могут создать серьезные трудности в будущем для сохранения евроатлантического партнерства. Во-первых, ускоренное старение населения ЕС (средний возраст за полвека возрастет с 37,7 до 47 лет) сократит людские и финансовые возможности для поддержания численности европейских армии на нынешнем уровне, в то время как США не будут испытывать подобных проблем. Это приведет к сокращению военно-

политического значения Объединенной Европы как стратегического партнера для США. Для европейского сообщества, к тому же, более важными станут вопросы обеспечения внутривнутриполитической стабильности и безопасности, а не, актуальные для североамериканцев, проблемы сохранения глобального лидерства. Во-вторых, различия в иммиграционных потоках (в ЕС это в основном мигранты из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, в то время как в США – это латиноамериканцы, китайцы, индийцы, филиппинцы, пакистанцы, индонезийцы и т.д.), приведут к усилению значения связей с этими странами в противовес евроатлантическим отношениям.

В результате, по мнению указанного автора, стареющая Европа будет все больше утрачивать свой экономический и политический вес, позиции в структуре мирового населения, а мир, как следствие, перестанет быть европоцентристским [4; с. 40-54]. Будущее НАТО, утверждает Д. Саймон, вызывает все больше опасений из-за проблем, которые уходят корнями в демографию, и они, скорее всего, будут углублять пропасть, разделяющую союзников по обе стороны Атлантики [4; с. 40-54]. С подобными утверждениями трудно не согласиться, зная о масштабных демографических сдвигах и специфике миграционных потоков по обе стороны Северной Атлантики. Как мы видим, в целом, проблемы, обозначенные Д. Саймоном, созвучны с утверждениями П. Демени и развивают их с упором на аспекты военно-политической безопасности.

Российский исследователь В. Никонов также выделил несколько политических следствий глобальных демографических процессов. Он считает, что демографическое старение и рост продолжительности жизни в странах ЕС обострит проблемы пенсионного обеспечения и поставит на повестку вопрос о повышении пенсионного возраста, который и сейчас в большинстве стран составляет 65 лет для мужчин. Еще одним глобальным последствием демографических процессов В.Никонов называет – вытеснение языков многих малых народов и их, в конечном счете, исчезновение. Главной же проблемой глобального демографического развития, по его мнению, останется проблема слишком быстрых темпов роста численности мирового населения и, соответственно, отставание темпов роста производства продовольствия и товаров широкого потребления. Поэтому, как утверждает В. Никонова, снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства есть «не зло, а благо» [5].

Несколько иначе акценты расставлены в работе «Новая бомба населения» крупнейшего американского исследователя политической демографии Д. Голдстоуна [6]. В ней он дал развернутый анализ влияния демографических трендов на глобальное развитие, а также подчеркнул, что международная безопасность в XXI веке станет всё в большей степени зависеть от распределения мирового населения, уровня прироста и половозрастной структуры населения отдельных

странах, влияния демографических показателей на миграцию населения между регионами. Прогнозы ООН, позволили ему определить 4 демографических мегатренда глобального развития:

1. сокращение доли развитых стран в мировом населении до 25%, что приведет к сокращению их экономического значения (при сохранении нынешних темпов развития совместный ВВП ЕС, США и Канады к 2050 г. лишь удвоится, тогда как, совместный ВВП остальных стран мира увеличится в 5 раз);

2. старение трудовых ресурсов затормозит экономическое развитие прежних экономических центров (к 2050 г. 30% жителей ЕС, США, Канады, КНР и 40% жителей Японии и Южной Кореи будут старше 60 лет, что потребует значительного увеличения расходов на пенсионную систему и систему здравоохранения);

3. стремительный рост численности населения будет продолжаться в основном за счет наиболее бедных, молодых в демографическом отношении, и, как правило мусульманских, стран (70% прироста мирового населения в первой половине XXI века дадут 24 государства, являющиеся, по классификации Всемирного банка, странами с низким уровнем дохода, в частности, население Бангладеша, Египета, Индонезии, Нигерии, Пакистана и Турции за это время вырастет почти на 475 млн. чел.), что будет стимулировать интенсивную трудовую миграцию в развитые страны, поэтому, следует улучшить отношения между мусульманскими и западными обществами;

4. две трети мирового населения будущего станут городскими жителями и, большая часть из них, будет сконцентрирована в мегаполисах в беднейших странах Африки, Азии и Латинской Америки (при этом у этих стран доход на душу населения будет гораздо ниже, чем был у промышленно развитых стран в аналогичный период их развития, а структура населения останется чрезвычайно молодой), следовательно, можно ожидать в этих странах усиления политической нестабильности, роста преступности и возникновения «очагов» международного терроризма [6].

Таким образом, делает вывод Дж. Голдстоун, угроза «новой демографической бомбы»¹ заключается не в росте численности населения, как таковом, а в изменении его среднего возраста и географического распределения. Одновременно, он прогнозирует формирование новой политико-демографической структуры мира, которая будет включать в себя три элемента («три мира»):

1. старые промышленно развитые страны Европы, Северной Америки и АТР;

¹ Термин «демографическая бомба» ввел в XX веке Пол Эрлих в одноименной книге, в которой предупреждал, что в 1970-х и 1980-х гг. грянет массовый голод из-за того, что рост населения в мире «обгонит» производство пищевых продуктов и других ресурсов.

2. страны с быстрорастущей экономикой, но естественным соотношением молодых и пожилых возрастных когорт в структуре населения;

3. нестабильные в политическом отношении развивающиеся страны с всё возрастающей степенью урбанизации и высокой долей молодежи [6].

Центры глобального лидерства в области экономики, международного сотрудничества и безопасности будут объективно, по мнению Д. Голдстоуна, перемещаться от стран «первого мира» к странам «второго мира», которые, с целью обеспечения планетарной стабильности, вместе должны будут помочь в развитии странам «третьего мира» [6].

Д. Голдстоун считает, что глобальные демографические тренды приведут к изменению структуры современных международных институтов: свое место и роль в мировой политике «G-8» все больше будет уступать «G-20», объединяющей новые экономические и демографические центры мира, Евросоюз, с целью «омоложения» своих трудовых ресурсов и стимулирования экономического роста, вынужден будет пойти на включение в свои ряды Турции, а странам НАТО предстоит искать за пределами Северной Атлантики новых членов альянса, обладающих молодым населением (военно-мобилизационными и трудовыми ресурсами), таких например, как Марокко или Бразилия [6].

Суммируя подходы всех вышеперечисленных авторов, можно определить следующие основные демографические вызовы глобальной политике в XXI веке:

- во-первых, это изменение геополитической расстановки сил вследствие изменения демографического и экономического веса отдельных стран и их союзов, и, как следствие, – деградация политического влияния одних стран и союзов, усиление и расширение влияния других;

- во-вторых, потенциальный рост политической нестабильности и насилия в растущих в демографическом отношении, но остающихся бедными, странах;

- в-третьих, угроза замедления экономического роста во многих развитых и некоторых развивающихся странах, вследствие интенсивного старения трудовых ресурсов;

- в-четвертых, возрастание роли трансграничных миграций, а также их влияния на политические процессы;

- в-пятых, глобальная урбанизация человечества со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными и экономическими последствиями.

Таким образом, в XXI веке демографические процессы станут важным фактором глобального развития и, соответственно, глобальной политики. Учет и ориентация политики национальных правительств на указанные глобальные демографические тренды является настоящей необходимостью, а попытка

их игнорирования может обернуться серьезными проблемами в будущем. Особенностью является и то, что эти тренды, носят глобальный характер и воздействовать на них возможно только на уровне глобальной политики, путем глубокого и всеобъемлющего взаимодействия стран и международных организаций.

Литература

1. Сакаев В.Т. 2011. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности. – Власть, №7. С.86-88.
2. Demeny P., McNicoll G. 2006. The Political Demography of the World System, 2000-2050. – Population and Development Review, no. 32, pp. 254-287
3. Demeny P. 2012. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century. – Population and Development Review, no. 38(4), pp. 685-705
4. Саймон Д. 2010. Неужели демография – это судьба? – Россия в глобальной политике, №2. С. 40-54.
5. Никонов В.А. 2006. Политическая демография. – Стратегия России, №9. Доступ: <http://www.fondedin.ru> (проверено 15.03.2015)
6. Goldstone J. 2010. The New Population Bomb. – Foreign Affairs, no. 1. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (accessed 15.03.2015)
7. Demographic Yearbook 2008. United Nations. – Официальный сайт ООН. Доступ: <http://unstats.un.org> (проверено 15.03.2015)
8. Демографическое развитие России в XXI веке. 2009 / Под ред. Г.В.Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М. Доступ: <http://rybakovsky.ru> (проверено 15.03.2014)
9. Department of Economic and Social Affairs of UN. Доступ: <http://esa.un.org> (проверено 15.03.2014)

СЕКЦИЯ 2

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Задворнов А.Н.

кандидат философских наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
egpi-PF@yandex.ru

ИДЕАЛ СОБОРНОСТИ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Успех этнической политики в значительной степени зависит от понимания того, что сознание российского народа тяготеет к соборности. Последняя возникает преимущественно на православной почве. В западном христианстве большинство религиозных положений имеют четкие формулировки, поскольку богословские споры проходили в понятийной форме и апеллировали к разуму. Иррационалистические особенности православия в совокупности с отсутствием абсолютных авторитетов в вопросах веры приводили к разнообразным мнениям в рамках церковного богословия. Истинность суждения определялась не столько логической доказательностью, сколько распространенностью мнения в церковной среде. Так возникает «соборный характер» русского мышления и особое значение коллективного, соборного начала в определении истины.

Важнейшими институтами, обеспечившими становление соборного сознания россиян, стала практика церковных и земских соборов, а так же характерный для России общинный строй. Отметим, что идея уммы в исламе так же сыграла значимую роль в становлении соборного характера мышления россиян.

Вместе с тем неверно утверждать, что соборность как модель человеческого общежития нашла полное воплощение в истории российской нации. В эпоху социализма единство было возведено в ранг абсолюта, не допускающего никакой множественности. В современной России наблюдается поток множественности (преобладание групповых и личных интересов), разрушающей всякое единство. И то и другое является искажением истинного духа соборности. «Единство во множестве», социальность, не уничтожающая индивидуальные черты, и есть основная характеристика соборности. При этом соборность не

требует внешнего соединения, она существует потенциально. Идея соборности дает возможность совместить провиденциализм с активностью человека.

Как справедливо указывает В.И. Иванов, «соборность - задание, а не данность...» [3, С. 137]. На реализацию этого задания, а точнее сказать воплощение идеала, должны быть направлены усилия политиков, интеллигенции и других социальных сил с тем, чтобы созидать «единство во множестве» как гарантию целостности, устойчивости и гармоничного развития российского человека и общества.

Сущность соборности раскрывается в ее основных формах. По мнению С.Л. Франка, «первичной и основной формой соборности является единство брачно-семейное...» [6, С. 58]. Это означает, что укрепление института семьи является корнем, из которого прорастает духовно-соборное единство общества. Формами соборности выступают также религиозная жизнь и общность судьбы всякого множества людей. «Работники в каждом общем деле спаиваются между собой чувством товарищества, некой внутренней близостью; солдаты, участники одних походов и сражений, навсегда становятся братьями...» [6, С. 60]. Уместно здесь вспомнить и концепцию «общего дела» Н.Ф. Федорова.

Опорой соборности является родство, выраженное в уважении к дедам и прадедам, истории и традициям страны. Забвение, безродность «есть начало неосуществимое... антихристова печать, и везде, во всех идеях, во всех построениях, ею отмеченных, - можно безошибочно сказать: это царство не жизни, а смерти...» [4, С. 421]. Неслучайно, по мнению В.Н. Муравьева, глупость и невежество русской революции основано на безродности, забвении прошлого, «внутренней короткости, одномерности настроений и влечений» [4, С. 422].

Соборность не может быть абстрактной категорией. «Истинное «мы» столь же индивидуально, как «я» и «ты»... Любить можно только индивидуальное, ибо любовь есть не абстрактное отношение, а сама жизнь, есть жизнь индивидуальности. Как нельзя в подлинном смысле слова любить «человека вообще», а можно любить только данного человека» [6, С. 58]. Поэтому конкретная семья, народ, церковь должны быть носителями соборности во «сверхвременном единстве... сверхиндивидуальной памяти и сверхиндивидуальных целей» [6, С. 58]. Слабо оформленная соборность лежит в основе идей корпоративной чести офицеров, врачей, учителей, ученых, в меньшей степени предпринимателей, политиков. В этой связи необходимо оформление соборности в различных социальных и профессиональных группах через развитие этики корпоративных отношений.

Отдельной характеристикой соборности является ее коммуникативное содержание. Ряд русских философов (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Н.Ф. Федоров и др.) указывают, что соборное общение предполагает соединение одной человеческой души с другой, тогда как в мире объективированном, социализированном, массовом и количественном есть только сообщения, основанные на символах. «Объективированные и социализированные сообщения символичны, а не реалистичны. Общение тем и отличается от сообщения, что оно онтологически реально, сообщение же символично, есть лишь подаваемые условные знаки... Внутренняя эмоциональная жизнь в разной степени может прорываться в этих сообщениях, но никогда не достигается подлинное общение и соединение» [1, С. 308-309]. Соборность основана на истинном общении, которое скреплено не договором, а любовью, «ибо любовь... не есть договор, и любовь к братьям не есть договор и потому не есть «закон дел» [5, С. 36]. Как отмечает Б.П. Вышеславцев «взаимоприобщенность, соучастие в единстве, преодоление противоположности всеобщего и частного и составляют сущность соборного общения» [2, С. 32-33]. Оно глубже, интимнее, эмоциональнее, чем сообщение, связанное с простой передачей информации. Общение, соединение предполагает максимальную духовную общность. Возникновение «единства в слове», по Н.Ф. Федорову, возможно лишь через нравственные средства сообщения, чуждые экономическим интересам. В противном случае люди «будут братьями, которые не говорят друг с другом... и даже не бывают один у другого» [5, С. 37]. Иными словами, основой соборного общения должна стать не экономическая прагматика, а интерес к истории и культуре родной страны, стремление обнаружить ее столпы, нравственные аксиомы, моральный поиск. При этом крайне важна любовь к глубинной поэтике родного языка.

Технический прогресс, делая жизнь человека более комфортной, оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на развитие соборного общения. С одной стороны, снижается уровень эксплуатации человека, поскольку многие операции выполняет техника. В результате патриархальное, родовое общение, носящее слишком безличный характер, уходит в прошлое. «Тут возможно открытие чего-то нового. Изменение отношения человека к человеку, человека к Богу, человека к животному или цветку...» [1, С. 309]. С другой стороны, технизация жизни не только позволяет человеку окунуться в глобальное информационное пространство, но и лишает его интимности и близости общения. Соборность теряет одну из своих опор и делает человека одиноким в потоках информационных сообщений.

Капитализм основан на механистически-атомистическом понимании общества. Люди – это атомы, имеющие свои свойства и находящиеся в хаотичном движении столкновения и отталкивания. Для регуляции, упорядочения движения создаются специальные институты, в том числе основанные на принуждении. Для формирования соборности как системы общественных отношений необходимо стремиться к «органически-корпоративно-иерархическому состоянию, которое, тем не менее, пробивается через сильное чувство свободы и демократическую активность самоуправления» [6, С. 488]. По мнению С.Л. Франка, достижение такого общественного состояния связано с областью конкретно-исторической политики, то есть государственной деятельностью. Думается, что значительную роль в формировании соборности должна сыграть российская интеллигенция, в том числе философское сообщество. Сущность этой роли в теоретическом плане будет состоять в глубоком и разностороннем обосновании феномена «соборности» и построении моделей его воплощения в жизни. При этом все проектируемые модели должны быть основаны на принципах сохранения универсального языка и отказа от постмодернистской паралогии.

Таким образом, соборность предполагает: 1) общение, а не сообщение между личностями; 2) формирование нового сознания «на почве синтеза знания и веры»; 3) целостность, скрепленную любовью, а не договором; 4) родство как осознание единого корня; 5) проявления в брачно-семейной, религиозной жизни, а также при осуществлении людьми общего дела; 6) единство «я» и «ты» вследствие первичности доминанты «мы».

Представляется, что главной причиной, гнетущей соборное начало в общественном сознании русских, является ослабление идеалов православной культуры, зараженность общественного сознания идеологией продажности, доминирование паралогии постмодерна. В эпоху постмодерна все превращено в товар и поэтому нивелируется необходимость идеалов, моральных принципов и норм, социального прогресса и ответственности. «Общество постмодерна есть общество, в котором царствует безразличие масс, в котором доминируют повторение и топтание на месте, в котором личная независимость превыше всего, в котором не видят разницы между новым и старым, в котором всякое нововведение опопшляется, а будущее не уподобляется неизбежному прогрессу» [7, С. 11]. Постмодернизм отвергает концепции, которые претендовали на то, чтобы привести человечество к светлому будущему.

Капиталистическая эпистема проникает во все формы общественного сознания, вызывая их всеобщую прагматизацию. В религиозном сознании наблюдается значительное снижение значения канонов, что вызывает поверхно-

стное отношение к вере, которая превращается в форму запроса к высшим силам о предоставлении услуги.

Прагматизация широко распространилась и в сфере политики, права, искусства и философии. Прагматизм стал одним из самых влиятельных течений в современной западной философии, а его элементы присутствуют во многих других направлениях, официально не считающихся прагматическими. Отметим, что преодоление всеобщей прагматизации (товарного фетишизма, отчуждения и т.п.), связывалось в марксизме и неомарксизме с коммунистической утопией.

Эпоха постмодерна – это эпоха пустоты, мещанства и наслаждения. Однако именно она в своем упадке и пустоте создает условия для новых перспектив. В настоящее время мы наблюдаем активизацию духовно-творческой деятельности людей (креативного класса) различных обществ, которые выступают против доминирующей модели счастья как потребления. Противоречия между индивидуальным и общественным сознанием нарастают. Все активнее звучат идеи о необходимости установления контроля за внешними и внутренними пределами роста человечества, о том, что, по выражению А.А. Вознесенского, все прогрессы реакционны, если рухнет человек. Об этом писал и М. Фуко, выдвинув известный лозунг о «смерти человека». Антропологическая катастрофа, с точки зрения мыслителя, вызвана тем, что власть не ограничивается ни разумностью, ни моральностью, фактически делая человека таким, как ей нужно.

Логично предположить, что эпистема, которая возникает в настоящее время, будет способствовать появлению социальных новаций. Эта эпистема, по выражению Ж. Бодрийяра, формируется «после оргии», как осмысление произошедшей нравственной деградации человека, размывания ценностей, дегуманизации общественных отношений. Поскольку масштабное потребление не может быть бесконечным при ограниченных ресурсах, то либо наука откроет способы их восполнения, либо общество вынуждено будет перестраиваться, находясь в условиях дефицита различных благ. В связи с тем, что дефицит возникает во многом вследствие концентрации ресурсов в руках небольшой группы лиц, индифферентно, а по существу безответственно относящихся к малоимущим слоям населения, то общество, видимо, будет перестраиваться под социал-демократические и социалистические модели, которые способны противодействовать узурпации ресурсов частными лицами. Жизнеспособность этих моделей будет зависеть от того, станет ли новая эпистема основываться на соборном единстве в том смысле, в котором оно представлялось, например, рус-

ским религиозным философам. Думается, что формирование такой эпистемы будет вызвано жизненной необходимостью сохранения общественного организма.

Перераспределение ресурсов позволит людям получать достойное вознаграждение за труд, снизит имущественную и социальную дифференциацию, будет стимулировать созидательную деятельность. При этом людям предстоит руководствоваться не диктатурой капитала, а социальной ответственностью и братской любовью.

Конечным итогом трансформации российского культурно-исторического сознания должно стать состояние духа, обеспечивающие соборное единство людей, по выражению Л.П. Карсавина, «симфонию». В этом видится русская идея и, возможно, мессианская роль российского народа. Воплощение идеала соборности в общественной практике позволит создать устойчивую основу для разрешения многих проблем современной этнической политики.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 229 с.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса: Проблемы Закона и Благодати / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
3. Иванов В.И. Родное и вселенское / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. 428 с.
4. Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины: сб. ст. – М.: Правда, 1991. – С. 415-487.
5. Федоров Н.Ф. Статьи об умиротворении. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – М., 1982. – 383 с.
6. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 500 с.
7. Lipovetsky G. L'Ere du vide. Essais sur l'individualisme contemporain. P., 1983. P. 11.

Каюмов А.Т.

доктор философских наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
atkayum@gmail.com

РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛЕКТИКА ЕДИНОГО И МНОЖЕСТВЕННО-ДИСКРЕТНОГО

В социокультурном плане идея множественности предстает как идея локальных культур и цивилизаций, которая зародилась, как известно, в России (А.С. Хомяков и другие славянофилы, эти идеи развивались К.Н. Леонтьевым, систематически разрабатывались в работах Н. Я. Данилевского с его интенцией «культурно-исторических типов»). Позднее они разрабатывались О.Шпенглером, А.Тойнби, русскими мыслителями, представлявшими течения евразийства (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и другие), а также в своеобразной версии евразийства - теории этногенеза Л.Н.Гумилева.

Идея индивидуальности, множества культур и альтернативных путей развития приобретает большую популярность у современных европейских философов благодаря внедрению в философскую и научную мысль идеи развития, особенно интригующе осмысленной в «философии жизни» (А. Бергсон и другие).

Подчеркнем, что философские концепции постмодернизма имеют яркий оттенок деконструктивизма, направленный против традиций классической методологии и метафизики, развиваясь преимущественно в анализе сферы духовной культуры. Постмодернисты исходят из идеи внутренне плюралистической природы мира, приоритета отдельного, уникального над всеобщим. И хотя существенная ограниченность постмодернизма культурологическими проблемами не позволяет ему в самих основаниях философии выйти за пределы решения социально-культурных проблем, выявляя здесь его ограниченность, тем не менее, положенная в его основу идея множественности уже дала много интересных философских находок. При этом, постмодернизм одновременно продемонстрировал и сложность восприятия множественности европейской мыслью, неимманентность этих идей европейскому сознанию, необходимость для ее восприятия такого выхода за рамки рациональности, который граничит с аномальностью, болезненным состоянием разума, с патологией, что, на наш взгляд, доказывает

противоречивый характер самой идеи множественности для европейской культуры[1].

Все эти положения чрезвычайно актуальны при рассмотрении современной культуры – культуры информационного общества, формируемой на основе бытия социоинформационных полей и пространств, где «диалогичность» является атрибутом современных общественных отношений, а «участное мышление» – условием бесконфликтности процессов коммуникации. Очевидно, что эта атрибутика и условия существования современной культуры, как основы существования социума связано с бесконечным разнообразием ее элементов, мозаичностью ее структуры и неизбежностью противоречий в процессе реализации социокоммуникативных связей. И здесь необходимо постоянно искать некий консенсус, определять позиции «замирренности» [2] и выделять то рациональное, конструктивное и благостное, что обуславливает возможность прогрессивного развития социальной материи. Кроме того, виртуализация социального бытия и культуры, о которой говорил Батищев, так же является специфическим средством нивелировки разнообразия социокультурных форм, как оснований позиционирования социальных субъектов и общностей, ибо именно средствами виртуализации диалога и решается, в частности, проблема снятия излишнего разнообразия и выделения «необходимости в чистом виде».

Известно, что самоорганизующийся по своей природе человеческий дух, организуется и упорядочивается многообразно. Истина, добро и красота – субъективны и объективноцентричны одновременно. Поэтому нужно говорить об их сочетании и диалектической взаимосвязи в конкретной культуре относительно конкретного объекта, об их взаимодействии, взаимовлиянии, взаимодополняемости в едином духовном целом. Идеалы добра и красоты в каждой культуре возникают и складываются в процессе биологического и социокультурного отбора, реализуясь посредством личностей и социальных организмов. Они могут меняться только в иной природно-культурной ситуации, эпохе, всякий раз принуждаясь доказывать свою состоятельность. Поскольку не существует абстрактных условий бытия, потому нет и абстрактных оснований бытия культур, абстрактной добродетели или абстрактного счастья. Всякий культурный опыт нетипичен, отличаясь даже в целевых установках. Поэтому, анализируя различные проявления современной культуры, мы находим разные императивы нравственного регулирования, различные идеалы добра и красоты.

Но, это совсем не означает оправдания безнравственности, оно есть лишь оправдание различных современных нравственных оснований, может быть, единого и схожего в проявлениях нравственного. Однако это «схожее»,

будучи вырванным из культуры и связанных с нею корней (оснований) нравственности, перестает быть нравственным, оставаясь лишь ничего не значащим набором слов, но не регулятором действительного поведения, поскольку *нравственность может осуществляться лишь как единое целое*, как часть духовного комплекса конкретной культуры. Поэтому абстрактные нормы морали не могут существовать и не могут найти общего на уровне формального общего, на уровне абстрактных норм; вне конкретной культуры они теряют смысл [3].

Не исключено, что единая общепланетарная нравственность может возникнуть в какой-то момент человеческой истории. Но, на наш взгляд, дело современного человека заключается не в том, чтобы провозглашать и навязывать единые (фактически свои) идеалы нравственности и красоты, а в том, чтобы *искать пути взаимодействия различных нравственно-культурных миров, создавая нравственные основания коммуникации*, искать и устанавливать принципы нравственности во взаимодействии культурных форм, в том числе в международной практике, искать принципы осуществления контактов с иными культурными проявлениями, развивая это до уровня технологий [4]. Пока это остается реальной проблемой, но уже растет понимание потребности в этике коммуникации, этике интерпретации в условиях плюральности культур, потребности в «релятивистской философии культуры» и уже ясно, что дальнейшие пути развития есть пути конкурентного взаимодействия различных культурных миров и форм посредством «критического диалога», но не пути умозрительного конструирования принципов единой нравственности на основе имеющихся образцов. Коммуникация социально-культурных миров - единственный, хотя и тяжелый путь сохранения в человеке его человеческого, путь, пролегающий через взаимодействие со всеми культурными мирами (в том числе аморальными мирами с целью ослабления их социальной базы и возвращения их носителей на путь морали) [5].

В XXI столетии человек с особенной остротой осознал себя и мир как разнообразное целое. Мир как бы разломился на множество миров, множество культур и его невозможно привести к единому знаменателю. Разные культуры, цивилизации и государства настойчиво доказывают свое Я, не желая становиться во всем как другие. Поэтому необходимость сосуществования, коммуникации, единения мира множества различных культур (хотя бы во избежание разрушения планеты и исчезновения человеческой цивилизации) не вызывает сомнений. Это обстоятельство пытались осмыслить многие современные ученые.

Однако можно утверждать, что наступает эпоха признания множественности культурных форм и миров – эпоха коммуникации, основанием которой являются современные информационные технологии *как средства реализации социальных связей и, собственно, социальная информация, превратившаяся в главный ресурс жизнедеятельности современного общества*. Первым сигналом ее наступления стала информационная эра, постепенно объединяющая человечество на основе информации. Но информатизация лишь «один из» и не самый мощный фактор, интегрирующий человеческую цивилизацию. Информационное общество - переходный период к обретению человеком объектности, лишь мост перехода от *цивилизационного* типа планетарного сообщества к *коммуникационному*. Однако возможно и неизбежно существование множества иных путей коммуникации культур и в духовно-гуманитарной сфере, и в политической, экономической, и во всех сферах человеческой деятельности. Нужен поиск разных способов и путей коммуникации, чем весьма озабочены и европейские мыслители. Крупной попыткой осмысления способов коммуникации являются работы К.Хабермаса, развивающего современный вариант интерсубъективной философии [6].

Мы считаем, что для осуществления коммуникации различных культурных форм и миров необходимо не только научение мыслить, но и научение добру, научение постижению и освоению мира через несение себя в мир, через дарение себя как способ взаимодействия с миром. Отметим, что одним из возможных путей поиска и осуществления коммуникации становится использование живого опыта взаимодействия культур, поиска и кристаллизации глубинных оснований реального кросскультурного взаимодействия, в том числе и в особенности опыта России.

Наша современная *информационная эпоха - эпоха перехода от тональностей, тотальных сущностей, к объектности, к отдельному существу, а потому - от «культуры вообще» - к конкретным культурам, чтобы вновь выстроить единство, теперь уже планетарного уровня, на основе коммуникации*.

Понятно, что основа существования культуры - ее самоидентификация. Основаниями коммуникативного подхода в современную эпоху поэтому должен служить, на наш взгляд, *принцип коммуникативной консолидации*, на основе которого можно отстаивать право на жизнь и развитие в рамках конкурентной борьбы различных культур. В этом отношении интересен духовный поиск многих русских философов, но и не только их.

История показывает, что могут быть разные субъекты - носители нравственности, которые меняются от эпохи к эпохе, но главный критерий один -

способность охватить массы людей, причем, достаточные в ту или иную эпоху для самовоспроизводства нравственно-культурного мира и конкуренции с иными культурными формами. На каждом этапе истории, есть, видимо, свой оптимум дробления-единства. Так, в наше время можно говорить о двух типах культур - несущих культурах (культура-ядро) и культурах-спутниках. Анализ показывает, что на сегодня субъектом сохранения и воспроизводства нравственно-культурного мира несущей культуры является такой социальный организм, который представляет собой глобальную консолидированную общность людей. Причем, поскольку все типы осуществления власти (такие как власть духовная, власть авторитета, власть традиций) в современном обществе оказываются слабее, чем власть государственная в осуществлении задачи конкурентного взаимодействия культур, то сегодняшние реалии требуют для культур, стремящихся самосохраниться, организации в государства большого демографического масштаба. Все государственные объединения меньшего масштаба будут неминуемо втянуты в большие либо на основе культурного тотального подчинения (как поглощения), либо - более щадящим способом объединения, сохраняющим некоторые статусные позиции данных общностей. Поэтому единственный путь самосохранения культур меньшего масштаба без их уничтожения - интеграция в мозаичные целостности, позволяющая объединить усилия множества культур в рамках единого государственного образования, что возможно, наверное, только для достаточно сходных (основаниями или историческим опытом) культур. Последующая история, похоже, будет идти в рамках существующих (хотя и пульсирующих территориально и этнически) государственных образований, следуя по пути интеграции.

В тоже время у идеологии дезинтеграции есть определенная социальная база практически в каждом современном государственном образовании. Возмутителями спокойствия являются относительно небольшие этнокультурные, религиозные, кастовые (и т.д.) образования, которыми движет ложно понятое стремление обретения статусного равенства с большими культурами и психологическое (хотя и неоправданное объективно) нежелание оставаться культурами-спутниками; их дилемма – дилемма самоуничтожения: свобода или жизнь. Естественно, попытки их самоутверждения будут бесконечными в пределах их жизни, поскольку такой самоидентификации, которая приводит к спокойствию и мудрости через ощущение силы и признанного всеми достоинства они не достигнут до тех пор, пока (в пределе) не ассимилируют в большие культуры, то есть пока не исчезнут, посредством этого обретя искомой цели – уровня всеобщего. Альтернатива исчезновению такова – оставаться культурами-спутниками, постепенно утрачивая спе-

цифику, кроме внешней ее атрибутики, либо стать компонентами глобальной мозаики.

Итак, становится очевидным, что в современных условиях, как в экономике и политике, так и в сфере духа, в культуре мир стремится к единению. При всем многообразии проявления феноменов культуры, будь то в деятельностном или гуманистическом аспектах, дезаксиологическом или аксиологическом видении, религиозном толковании или светском, повсюду культура выступает не только как характеристика отдельных составляющих человеческой сущности, но и как генеральная черта всего человечества. Пожалуй, нет ничего разнообразнее, чем культура. В языке, символах, традициях, привычках, предразсудках, особенностях межличностного общения, фольклорных формах, этикетных церемониях, архитектуре – везде мы наблюдаем колоссальное множество почти несовместимых фактов культурного бытия.

В этих условиях столь же актуальными стали и задачи стандартизации социокультурных установок, интересов и потребностей основной массы населения, интенсификации процессов манипулирования человеческой личностью, ее социальными притязаниями, политическим поведением, идеологическими ориентациями, потребительским спросом на товары, услуги, идеи, собственный имидж и т.п. Сегодня в соперничество за сознание людей вступили также частные производители информации, товаров и услуг массового потребления. Все это потребовало изменения механизмов общей социализации и инкультурации человека, подготавливающих личность к свободной реализации не только своего производительного труда, но и своих социокультурных интересов.

Пока же людям требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на них информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы к простым дуальным оппозициям ("хорошее-плохое", "наши-чужие" и т.п.), дающее индивиду возможность "отдохнуть" от социальной ответственности, личностного выбора, растворить его в толпе зрителей "мыльных опер" или механических потребителей рекламируемых товаров, идей, лозунгов и т.п. [7]. Реализатором такого рода потребностей и стала *массовая культура*.

Среди основных проявлений и направлений массовой культуры нашего времени можно выделить следующие:

- массовая общеобразовательная школа, тесно коррелирующая с установками "субкультуры детства", приобщающая учащихся к основам научных знаний, философских и религиозных представлений об окружающем мире, к исто-

рическому социокультурному опыту коллективной жизнедеятельности людей, к принятым в сообществе ценностным ориентациям;

- средства массовой информации (печатные и электронные), транслирующие широким слоям населения текущую актуальную информацию, "рас-толковывающие" рядовому человеку смысл происходящих событий, суждений и поступков деятелей из различных специализированных сфер общественной практики и интерпретирующие эту информацию в "нужном" для ангажирующего данное СМИ заказчика ракурсе, т.е. фактически манипулирующие сознанием людей и формирующие общественное мнение по тем или иным;

- система национальной (государственной) идеологии и пропаганды, "патриотического" воспитания и пр., контролирующая и формирующая политико-идеологические ориентации населения и его отдельных групп;

- массовые политические движения, инициируемые правящими или оппозиционными элитами с целью вовлечения в политические акции широких слоев населения;

- массовая социальная мифология, упрощающая сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных оппозиций;

- индустрия развлекательного досуга;

- индустрия оздоровительного досуга, физической реабилитации человека и исправления его телесного имиджа;

- индустрия интеллектуального и эстетического досуга, приобщающая людей к научно-популярным знаниям, научному и художественному любительству, развивающая общую "гуманитарную эрудицию" у населения, актуализирующая взгляды на торжество просвещенности и гуманности, на "исправление нравов" посредством эстетического воздействия на человека и т.п., что вполне соответствует еще сохраняющемуся в культуре западного типа "просвещенческому" пафосу "прогресса через знание";

- система организации, стимуляции и управления потребительским спросом на вещи, услуги, идеи как индивидуального, так и коллективного пользования (реклама, мода, имиджмейкерство и т.п.), формулирующая в общественном сознании стандарты социально престижных образов и стилей жизни, интересов и потребностей;

- всевозможные словари, справочники, энциклопедии, каталоги, электронные и иные банки информации, специальных знаний, публичные библиотеки, "Интернет" и т.п., рассчитанные не на подготовленных специалистов в соответствующих областях знаний, а на массовых потребителей [8].

Мы полагаем, что главное в понимании сущности массовой культуры информационного общества заключается в том, что подобная коммерчески привлекательная, выставленная на свободную продажу компонента массовой культуры является отнюдь не самой существенно значимой ее чертой и функцией, а может быть и наиболее безобидным ее проявлением. Гораздо важнее то, что массовая культура представляет собой новый в социокультурной практике, принципиально более высокий уровень стандартизации системы образов социальной адекватности и престижности, какую-то новую форму организации "культурной компетентности" современного человека, его социализации и инкультурации, новую систему управления и манипулирования его сознанием, интересами и потребностями, потребительским спросом, ценностными ориентациями, поведенческими стереотипами и т.п.

О глобальном видении процесса унификации современной культуры писал в своей "миросистемной перспективе" И.Валлерстайн [9]. Он размышлял о ее земношарных контурах и предложил новый подход к мироцелостному культурному процессу, преодолевающий узость и схематизм дихотомии типов: интеграция - дезинтеграция, гомогенное - гетерогенное, глобализация - локализация. Такого рода идеи сейчас проявляются все чаще и постепенно начинают проявлять себя в качестве методологии социокультурного развития общества в эпоху информатизации.

Культурный плюрализм, признание и уважение различий - это сегодня, пожалуй, единственно путь к реальному глобальному единству, исключающему унылое единообразие или иерархическое подчинение одних культурных феноменов другим. В культуре все ценно - большое и малое, широко распространенное и экзотическое, сильное и слабое, нарождающееся и древнее. Поэтому нужна защита самобытности каждой культуры в многоцветии родового единства человечества. И все культуры необходимо ориентировать на сближение, предостерегать от изоляционизма с одной стороны, и утраты своих корней, почвы под ногами, забвения традиций, с другой. Только так, в противоречивом биении традиционного и новационного, универсализма и самобытности выкристаллизовывается и возникает облик культуры современного информационного общества.

Есть и еще один важнейший аспект, обуславливающий характер бытия современной культуры. Очевидно, что ее (культуры) восприятие человеком, является продуктом того, как его научили относиться к этой культуре, образовали, воспитали, убедили в том, что это его культура, с которой он может себя идентифицировать, гордиться принадлежностью к ней и ее достижениями, ина-

че говоря, это зависит от того, насколько человека *инкультурировали*, т.е. ввели в нормы, тенденции и традиции этой культуры.

Нас интересует, прежде всего, воспитательно-образовательная функция данной культурной традиции, тем более, что в данном случае речь шла не о передаче каких-либо особо сложных специализированных знаний в отдельной области, а о трансляции каждому новому поколению того комплекса общесоциальной эрудиции, который ныне принято называть социальной адекватностью и культурной компетентностью (или – как процесс – социализацией и инкультурацией личности). Фактически это и есть древнейший и наиболее эффективный способ *исторического воспроизводства социальной общности* (народа) и *наследования его культуры*.

Тем не менее, дифференциация всей социальной общности на носителей специализированных фрагментов культуры исторически неизбежна. Освоение людьми разных специальностей накладывает отпечаток на специфику их общекультурной эрудиции, манеру поведения, стиль мышления [10]. Более того, существенную роль играет качество полученного образования, а также та культурная “подкладка”, на которое это образование ложится (выходцы из разных социальных слоев, получая одинаковое образование, имеют шанс стать совершенно несопоставимыми носителями одной и той же профессиональной субкультуры). Тем не менее, получение различного образования людьми разных профессий, в принципе не мешает им общаться и понимать друг друга, обсуждая темы общекультурного характера в силу того, что любое образование, в первую очередь, предполагает социокультурную социализацию субъекта, а только, во-вторых – его специализацию и профессионализацию. Именно поэтому, существенные различия тезауруса субъектов отнюдь не нарушают общий строй целостности – *коммуникационной культуры* общества, ибо такого рода *вариативность изначально заложена в ней как ее имманентное свойство*.

В мире же в целом место образованности среди человеческих целей постоянно поднимается, укрепляется, становится все желаннее. Но оно необходимо не только для решения профессиональных проблем, обеспечения заработка, сохранения рабочего места, но и для самооценки и самоуважения, получения интеллектуального удовлетворения от неисчерпаемой радости постижения бездонного мира и собственного неисчерпаемого “Я”. В связи с этим характерной чертой развития современной духовности и культурной ментальности современных людей является душевный разворот их внимания “вовне” - в мир и, одновременно, “внутри” - в себя. Потому-то и находят точки взаимопроникновения формы специализированной культуры и различные субкультурные фено-

мены.

Есть еще одна характерная особенность состояния современной мировой духовной жизни. Это некоторые проявления того, что можно было бы назвать религиозным возрождением. Во всяком случае, в ряде регионов планеты это наглядно обнаруживается. Исламский бум, пробуждение религиозного духа на пространстве бывшего СССР, фанатичные религиозные стычки на индийском континенте, расползание новых религиозных течений на фоне некоторого выцветания авторитета мировых традиционных религий, наступление эзотеризма - все эти сложные, неоднородные явления говорят об одном: чисто рационалистические, объективно-научные формулы не дали решения многих вопросов, волнующих людей. А многое, что принесла с собой наука, напугало людей и отвратило от той или иной формы социокультурной активности.

Видимо, нет необходимости в очередной раз доказывать, что содержание той социокультурной компетентности, которая транслируется теперь уже посредством целого комплекса образовательных и информационных средств и регулируется системой национальных стандартов, охватывающих буквально все области жизни: от содержания среднего образования, до рекомендуемых престижных форм образа жизни, прямо или косвенно является воплощением все той же функции – трансляции национального социального опыта совместной жизни. Разумеется, в разные периоды истории, под влиянием тех или иных обстоятельств случается и так, что обществу на время приходится переключить свое внимание на заимствование и усвоение чужого опыта и иных социокультурных форм организации общественного бытия, но это частные случаи кризисных поворотов истории. Как правило, общество все же живет “своим умом” и решает возникшие проблемы на основе собственного исторического социокультурного опыта, и потому подготовка компетентных знатоков этого опыта (как в макромасштабе, так и в отдельных специализированных областях) всегда являлась и будет являться одной из важнейших задач самовоспроизводства общества как глобальной социокультурной системы.

Литература

1. Селиванов А.И. Бытие и постижение развивающихся миров. - Уфа: Изд-во БашГУ, 1998. - С.142.
2. См. работы Ковалевского М.М.
3. Селиванов А.И. Бытие и постижение развивающихся миров. - Уфа: Изд-во БашГУ, 1998. - С.310.
4. Речь идет о кросскультурных коммуникациях, которые стали возможны только при использовании современных информационных технологий.

5. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме //Вопросы философии. - 1997.- № 11.- С. 54.

6. Habermas J. The Theory of communicative action. Boston:Beacon Press, 1984.- 321 p.

7. Флиер А.Я. Атропология культуры (<http://yanko.lib.ru/hischool/articles/articles-fl.htm>)

8. Об этом подробнее см.: Merton R.K. Global Communication and Modern Culture. Chicago, 1985.

9. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина. - СПб.: Изд-во Университетская книга, 2001.- 416 с.

10. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. - С.84.

Трушин Е.Э.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Елабужский институт

evgeniitrushin@gmail.com

КОСМОПОЛИТИЗМ И ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Философско-правовое мировоззрение космополитизма уходит своими корнями далеко в историю. На протяжении всей истории человечества мы можем найти примеры данного мировоззрения. Начиная с мыслей древнегреческих философ и заканчивая трудами философов современности, деятельностью католической церкви и распространение транснациональных корпораций, усилением международных государственных и негосударственных организаций, и обменом информацией, и межнациональной коммуникации – все это проявление уже зародившихся космополитических отношений.

В своих работах, посвященных идеологии космополитизма, немецкий философ и футуролог Ульрих Бек пытается найти ответы на вопросы, которые уже сейчас остро встают перед каждым государством: проблемы национальной идентичности и дальнейшее направление развития как внешней, так и внутренней политики государства. У. Бек замечает, что ни одно государство больше не может развиваться изолировано, его внешняя политика становится «глобаль-

ной внутренней политикой»; власть транснациональных корпораций существенно возросло, что уже сейчас они становятся реальной политической силой; принятие мультикультурности способно решить острые вопросы национальной идентичности и этнических противоречий. Поэтому принятие идеологии космополитизма является необходимым следствием современности.

Исходя из возможности формирования космополитического государства, возникает острый вопрос о национальной идентичности. Что произойдет с нацией в таком государственном образовании? Потеряет ли она свою культурную идентичность в пользу нового общества или, возможно, сумеет сохранить свою уникальность?

Для поиска ответа на данный вопрос предлагаем рассмотреть американское общество как некую модель условно космополитического государства.

На протяжении всей своей истории Соединенные Штаты Америки были многонациональным государством. Причем с течением времени количество наций, живущих и работающих там, только увеличивалось за счет постоянного прироста числа эмигрантов из разных частей света: из Европы, Азии, Африки, Австралии и Океании, Америки – отовсюду люди приезжали в США в поисках лучшей жизни. В виду данного обстоятельства проблема национальной идентичности в Соединенных Штатах была решена с помощью идеи так называемого «плавильного котла» (molting pot), в котором нации должны были «сплавиться» в одну гомогенную культуру с ценностями ядра доминантной культуры – культуры первых колонистов так называемых Non-Hispanics White/ Caucasian.

Такой подход позволил решить межнациональные конфликты в целом, но не смог их избежать в полной мере. Поэтому к началу XXI столетия идея «плавильного котла» трансформировалась в плюрализм, но плюрализм не в чистом виде, не как одобрения этнического разнообразия, но как толерантность к различиям внутри общества. Плюрализм выражен в поддержке уважения и поддержки различий этнической идентичности внутри доминантной культуры. Такая направленность новой национальной политики должна привести к мультикультурному обществу[9, С.153-154]. Действительно, данное направление во внутренней политике США очень четко выражено как на законодательном уровне, так и в реализации данных положений на практике – толерантность и защита от дискриминации очень важны для нового американского общества.

Вопросу национальной идентичности и вытекающим отсюда различиям в бытовательском поведении посвящено много исследований в частности в области маркетинга. Это связано в первую очередь с тем, что согласно последним статистическим прогнозам сильно возрастет популяции национальных мень-

шинств таких, как афро-американцы, азиатско-американцы и испано-американцы (African Americans, Asian Americans, Hispanic Americans)[10]. Благодаря данным исследованиям можно проследить очень важную особенность: с течением времени уже к третьему поколению эмигрантов наблюдается сильное изменение национальной идентичности. Это в первую очередь выражено в религии и языке. Согласно исследованиям профессора Корженни [8, С. 12], в третьем поколении эмигрантов уровень адаптации к английскому языку значительно вырос, причем среди испано-американцев третье поколение не только смотрит/слушает программы на английском значительно больше и чаще, но и используют английский как основной язык как на улице/в школе/университете/работе, так и дома. Происходит своего рода поглощение главной культуры (mainstream) культуры меньшинства. При этом сама культура большинства испытывает на себе изменения: меняется цвет кожи представителей большинства (белый цвет кожи меняется на коричневый), язык (традиционный английский на спанглиш (Spanglish) с использованием уличного сленга, характерного для чернокожего населения) и т.д. Язык, являясь главным носителем культуры, становится катализатором изменений, наблюдаемых в обществе. Помимо изменений в языке, наблюдаются и другие изменения: в религии, отношении к семье, изменение общих ценностей, использование различных средств научно-технологического прогресса. Так, на примере испано-американцев можно заметить снижение влияние религии. Например, это выражено в молитве, посещении церкви. Если в первом и во втором поколении эмигрантов представители данной национальности ежедневно или часто посещают церковь и молятся каждый день перед обедом и перед сном, то в третьем поколении испано-американцы посещают церковь по воскресеньям и молятся редко или совсем не молятся. Для испано-американцев по-прежнему семья занимает главное место в их жизни, семьи по-прежнему считаются по количеству живущих вместе большими по сравнению с остальными американцами, однако данный фактор может быть обусловлен в первую очередь экономически – нехватка денег на отдельное жилье. Если сравнивать ценности среди других национальных групп, то отношение к дружбе, семье, любви, является примерно одинаково значимыми ценностями среди всех основных национальностей; религия значительно важна для афро-американцев, чем для испано-американцев; американская мечта – добиться успеха: данная ценность оказалась одинаково высоко важна только для афро-американцев и для испано-американцев; независимость, образование, преданность также особенно ценятся у афро-американцев и испано-американцев; богатство не является главным для испано-американцев; однако

креативность, окружающая среда являются очень важны для испано-американцев. Очень удивительной оказалась тенденция среди испано-американцев в стремлении к использованию спутникового телевидения, ведению собственных блогов, посещению социальных сетей, использованием смартфонов, цифровых камер по сравнению с рядовыми американцами – по данным показателям испано-американцы превосходят американцев.

Данные тенденции приводят к стиранию культурных границ и различий; граждане одной страны с разными национальностями становятся ближе к друг к другу. Это в свою очередь благотворно сказывается на всем обществе в целом: исчезают национальная рознь, нетерпимость; людей теперь объединяет не принадлежность к одной нации, не язык, а сходство общих ценностей одного общества.

Таким образом, на примере Соединенных Штатов, выступающих в роли условной модели космополитического государства, мы можем наблюдать изменение национальной идентичности. Несмотря на то, что внутренняя политика государства направлена на одобрение этнического разнообразия внутри доминантной культуры, мы можем проследить, что со времен стираются культурные различия между меньшинствами, происходит становления нового общества с общими ценностями входящих в него культур. Данные изменения в американском обществе наглядно показывают, что на сегодняшний день независимо от чьей-либо политической воли происходит становления космополитической идеологии.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма / У. Бек. – М.: 2007. – С. 126
2. Ивина А.А. Философия: Энциклопедический словарь / А. А. Ивина; под общ. ред. А. А. Ивиной. – М.: Гардарики, 2004. – 867с.
3. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение, Соч., 4 изд., т. 20 / В. И. Ленин. – М.: Политическая Литература, 1969.
4. Нижников С.А. Глобальные проблемы современности: учебное пособие / С.А. Нижников; под общ. ред. С.А. Нижникова. – М. : Экзамен, 2006. – 383с.
5. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев; под общ. ред. А. Я. Сухарева. – М.: Инфа, 2003. – 1034с.
6. Федотова В.Г. Глобальный капитализм: три великих трансформации / В.Г. Федотова. – М.: 2008. – с. 347

7. Beck U. The Cosmopolitan Vision; Held Cosmopolitanism: Ideals and Realities / U. Beck – Cambridge: Polity, 2010. – 267с.
8. Korzenny F, Korzenny B.A. 2005 hispanic marketing: a cultural perspective / Korzenny F., Korzenny B. A. – Burlington, MA: Elsevier Butterworth-Heinemann Press, 2005. – 86p.
9. Mueller B. Communicating with the multicultural consumer: theoretical and practical perspectives / B. Mueller – Peter Lang, 2008. – 328 p.
10. United States Census Bureau [электронный ресурс]: [Web-сайт] / 2012 National Population Projections. – Электрон.дан. – 2013. – Режим доступа://<http://www.census.gov/population/projections/data/national/2012.html>. – Загл. с экрана. – 12.11.2013.

Красильников В.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
vlkrnch@mail.ru

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗЛИЧИЙ В РАССМОТРЕНИИ ПОНЯТИЯ «НЕБЫТИЕ» НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЙ ДРЕВНЕИНДИЙ- СКОЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Основная часть творчески мыслящих людей в России привыкла рассматривать многие познавательные вопросы с европоцентричной точки зрения. Что это означает? Все восприятие и понимание мировой истории, развития социальных отношений, науки, философии происходит через призму европейской культуры, а точнее, западноевропейской цивилизации. Во многом это приняло вид сложившихся, ставших традиционными подходов в обучении, образовании. Данные элементы восприятия закладываются, начиная со школы, углубляются с изучением науки и философии Древней Греции, дополняются знакомством с культурно-историческими достижениями Древнего Рима и трансформируются далее в воспринимающем сознании через культурную матрицу средневековой Европы и европейской цивилизации нового и новейшего времени. Достижениями этой линии развития человечества мы активно пользуемся и будем продолжать это делать, поскольку находимся в ее определяющем векторе. Даже те достижения неевропейских культур, взятые на вооружение в процессе общест-

венно-исторического развития, воспринимаются нами как продукт, прошедший через адаптационную переработку системной среды западной цивилизации и принимающий удобный для нашего познания вид.

Все это вовсе не означает необходимость критичного пересмотра собственного мышления, отказа от выработанных познавательных схем и предания сомнению устоявшихся подходов в познавательной сфере. В данном контексте становится одинаково важным применение различных цивилизационных подходов для изучения наиболее интересующих вопросов, в процессе рассмотрения которых выражены различные представления и накоплены разные виды знания.

Одним из таких вопросов, подходы к изучению которого различаются по содержанию и по существу в рамках истории европейской и восточной философии и в связи с этим представляют немалый познавательный интерес, является сущность понятия «Небытие». Трактовка представленного понятия в указанных философских традициях, в частности, древнегреческой и древнеиндийской, изначально имело разное значение. Безусловно, элементы схожести присутствуют в обоих направлениях философского знания, однако предметом нашего рассмотрения является различие в их подходах.

Причиной уделяемого внимания к указанным философским направлениям является самобытная привлекательность древнеиндийской философии в онтологическом и гносеологическом аспектах. Античная философия, как было указано выше, составляет одну из основ философских (и не только философских) знаний большинства современных европейцев, представителей западной цивилизации и людей, разделяющих ее культурные ценности. В связи с этим представляется интересным сравнение основных положений двух наиболее известных познавательных систем, особенно по вопросу, который до настоящего времени так и не приблизился к своему раскрытию.

Итак, что такое небытие и существует ли оно вообще с точки зрения древнеиндийской и древнегреческой философии.

Представления о небытии достаточно четко отражены в древнеиндийской религиозно-философской литературе, зародившейся на рубеже II-I тысячелетий до н.э. Наиболее ярко они представлены в Ригведе – самом раннем сборнике Вед – древнейшем литературном памятнике Индии. В Ригведе рассматривается исходное состояние мира, когда еще ничего не существовало, не было ни сущего («сат»), ни не-сущего («асат»), когда темнота была покрыта темнотой [1].

Это положение небытия (пустоты, ничто) в исходном состоянии мира не отождествляется с богами, либо каким-то идеализированным состоянием, характеризующимся как божество, т.е. изначально не было ничего, даже богов.

Дальнейшее развитие представлений о происхождении мира и его источнике отражены в Упанишадах – философских комментариях к Ведам, появившихся в IX-VI вв. до н.э. и являвшихся по сути первым оформленным философским произведением Древней Индии. В них происхождение мироздания связано с Брахманом (Атманом) – высшим божеством, являвшимся духовным началом мира, первопричиной и первоосновой бытия. Представляет интерес описание происхождения Брахмана в Упанишадах, согласно которому он возник из золотого зародыша в яйце, а яйцо породил огонь, который был рожден водами, возникшими первыми из Великого неопределенного Небытия: «Поистине вначале это было не-сущим; Из него поистине возникло сущее» (Тайттирия II. 7.1) [2].

Таким образом, данный пример из Упанишад показывает, что вместе с Брахманом, появившегося из небытийности, возникает разнообразный мир бытия. Этот, а также ряд других примеров из содержания древнеиндийской философии указывает на первостепенное значение небытия по сравнению с бытием в понимании возникновения мира. На нем же замыкается и его окончание, которое также погружено в небытие: «Сотворив все миры, он, пастырь, свертывает [их] в конце времени» (Швета. III.2) [2]. С существованием Брахмана философия Древней Индии связывает цикличность существования мира – от небытия к бытию, от него – обратно к небытию и так далее. Данное последовательное соотношение бытия и небытия описано в индийской философии эпического периода (VII в. до н.э. – II в. н.э.), основным источником которой является поэма «Махабхарата». В одной из книг этой поэмы – «Бхагавад-гита» («Божественная песнь») подробно описывается циклический круг Брахмы, переходящий из небытия в бытие и вновь возвращающийся в свое первоначальное состояние.

Небытие в древнеиндийской философии является причиной и источником возникновения бытия. Небытийственные характеристики Брахмана имеют следующие свойства в порождаемом им бытии: «Неподвижное, единое, оно (Небытие Брахмана) – быстрее мысли; чувства не достигают его, оно двигалось впереди их. Стоя, оно обгоняет других бегущих. Оно движется – оно не движется, оно далеко, оно же и близко, оно внутри всего – оно и вне всего. Он простирается всюду – светлый, бестелесный, неранимый, лишенный жил, чистый, неуязвимый для зла» [3]. Небытие Брахмана содержит внутри себя часть своего инобытия – бытие, в котором небытие незримо присутствует как основа. В

свою очередь бытие продолжает сохранять в себе небытие, но в скрытой форме. Характеристики бытия в данном онтологическом восприятии становятся видоизмененными характеристиками небытия. Исходя из этого, любое движение бытия осуществляется на фоне покоя небытия Брахмана – мысль развивается на фоне бессмыслия, чувства – на фоне бесчувствия и так далее [3].

Значение небытия и формирующих элементов о его представлении в древнеиндийской философии можно отметить на примере вольного перевода сущности содержания отрывка из «Чхандогья-упанишады». Согласно ему, отец обращается к сыну, только что вернувшемуся из учения от лучших мудрецов, с вопросом о том, знает ли он, что в жизни самое главное, что является причиной возникновения всего и его конечной целью. Сын затруднился ответить на этот вопрос, тогда отец попросил принести ему желудь от дуба. При этом сын легко ответил на очередной вопрос отца об источнике происхождения дуба, отметив, что он произрастает из желудя. Далее отец велел разрезать желудь и посмотреть, что у него внутри. Внутри оказалась мякоть и отец вновь спросил у сына, что находится внутри этой мякоти. Разрезав мякоть, сын увидел внутри ее большое количество пустоты, занимавшей сердцевину желудя. Глядя на это, отец спросил у сына, видит ли он эту животворящую пустоту, откуда берет начало мякоть, желудь и произрастающий из него дуб? Получив утвердительный ответ, отец пояснил, что из этой пустоты возникает буквально все, для того, чтобы однажды вернуться в нее назад. В итоге он посоветовал сыну, не знавшему ответа на его главный вопрос, вернуться обратно к своим учителям, потому что если они его не научили давать на него ответ, все его полученные знания ничего не стоят.

В целом, во взгляде Упанишад на небытие выделяется бесконечность в нем Брахмана, ограничивающего себя материальной формой предмета в бытии. В небытии же Брахман есть совершенная неоформленность, не ограничивающая себя ничем, но она и есть подлинный источник всего [3].

Помимо Упанишад понятие небытия в философии Древней Индии наиболее раскрывается в веданте, буддизме и учении школы (шунья-вада) мадхьямиков или школы Нагарджуны. Веданта представляет собой ортодоксальное ведическое учение, происходящее из Упанишад. Ведущая роль в нем отводится Брахману – творцу и источнику всего, который происходит из ничего (небытия). С точки зрения веданты, любые проявления бытийного, осязаемого мира иллюзорны, так как являются продуктом сна спящего человека, представляющего собой в этом качестве бодрствующего Брахмана. В связи с этим действительную реальность представляют собой небытие Брахмана и глубокий сон без

сновидений человека, а бытие мира и бодрствование человека остаются иллюзией.

Важнейшей частью религиозно-философских учений Древней Индии является буддизм, где значение небытия также занимает важное место, но отличное от других, в т.ч. упомянутых учений. Ключевым понятием в философии буддизма является «дхарма» - элемент разложенного потока индивидуального сознания, выступающего носителем специфических ощущений. Благодаря этому в сознании человека возникает иллюзия существования внешнего и внутреннего мира. Таким образом, буддизм утверждает иллюзию по отношению к существованию мира и пребывающего в нем субъекта. Вместе с тем, учение буддизма достаточно реалистично в своем утверждении существования многочисленных дхарм и нирваны как высшей формы плюралистичного Абсолюта. Нирвана в данной трактовке представляет собой онтологическое и психическое небытие дхарм, перестающих проявлять себя в возбужденном состоянии в виде субъективного сознания человека [3].

Упомянутая выше школа мадхьямиков практиковала принцип «полного и чистого нигилизма», утверждая, что все наши идеи основаны на не-сущем или на пустом. На этом основании мадхьямики именуются наиболее радикальными нигилистами из всех когда-либо существовавших [4].

Представляется интересным способ выражения значения небытия, использованный Нагарджуной, согласно которому небытие, в отличие от других понятий, лишено противоречий. Следовательно, возможные (и предлагаемые им) способы описания его значения относятся к видимой реальности, но не к Высшей [5].

Ведущую роль в выражении значения небытия в данном учении имеет понятие «шунья-вада» - теория пустоты или «ничто» (шунья). Концепция «шунья»-пустоты трактуется Нагарджуной с двух точек зрения: зримого бытия и высшей реальности – небытия. Центральным утверждением учения выступает положение, что «нет дхармы, которая не была бы шуньей» (Мадхьямакашастра, 24, 18) [3]. И здесь мы вновь видим суть того, что отражено в других известных философских учениях Древней Индии, а именно – все в материальном мире есть лишь пустота и «ничто». Высшей реальностью является небытие («шуньята», «нирвана»), лишенное проявленности, множественности и разнообразия. Другими словами – все, что исходит из пустоты, возвращается обратно в нее. Таким образом, представленные выражения небытия – нирвана, дхарма, шунья являются синонимными названиями его единой сущности.

Подводя итог содержанию основных учений древнеиндийской философии о небытии, необходимо отметить, что общим для них является неоспоримость его существования, а также единые сущностные принципы. Трактующее как всеохватывающая реальность, небытие по количественному проявлению является единым, по качеству – благом, по содержанию – пустотой, по характеру – постоянным, по состоянию оно покойно, по масштабам – безгранично, а по форме – просто. В отличие от небытия, бытие, как производная форма обладает противоположными свойствами, вследствие чего выступает для него альтернативой и имеет характеристики испорченности, наполненности, изменчивости, ограниченности и сложности [3].

Философские учения Древней Индии в целом не только не отрицают существование небытия, но и признают за ним приоритет первичности, первопричинности и всеобъемлещего состояния по сравнению с бытием, которому отводится временная, второстепенная функция в структуре мироздания. Подобные положения естественным образом имеют непривычное звучание для европейца или человека с европоцентричным сознанием. И этому есть своя причина. В ряде философских учений колыбели европейской философии – Древней Греции наблюдается противоположный подход к рассмотрению сущности небытия. Одними античными мыслителями его существование отрицается вообще, а другими признается его в той или иной форме, где ему, как правило, отводится равноправная роль вместе с бытием, однако небытие, как правило, не превозносится в мировоззренческий приоритет.

Вместе с тем, в древнегреческой философии и, в особенности в мифологии, являвшейся ее предшественницей, можно увидеть достаточно интересные образы бытия и небытия. Первой античной формой аналогии философии небытия служит мифологическая система Хаос-Аид. В современном трактовании Хаос можно представить как небытие до бытия, а Аид – небытие после бытия [1]. Само слово Хаос (греч. chaos) означает «зияние», «развернутое пространство», «пустое напряжение», т.е. бездну, пустоту. И в физическом и в мифологическом понимании Хаос у древних греков означал начало всего, начало бытия, источник порождения, происхождения мира. Античные философы в своих размышлениях давали Хаосу разносторонние характеристики и связывали его с первоматерией, пространством и временем. Интересно сравнение Хаоса с пониманием небытия, его первоначальными формами: «Античный хаос всемогущ и безлик, он все оформляет, но сам бесформен. Он – мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это – бесконечность и ноль одновременно. Все элементы сли-

ты в одно нераздельное целое ...» [6]. Подробное мифологическое изложение происхождения мира из бездны Хаоса можно наблюдать в труде «Теогония» одного из первых известных древнегреческих поэтов и рапсодов Гесиода (VIII-VII вв. до н. э.), жившего примерно в одно время с Гомером.

Этимология слова Аид (греч. *aides*) означает «безвидный», «невидимый», «ужасный». Известно, что в греческой мифологии Аид – бог царства мертвых и само это царство. В той же мифологии образ противоборства бытия и небытия находит выражение в поединке Геракла с Аидом, где они являются олицетворением жизненных сил бытия с одной стороны, смерти и ужаса небытия с другой. Однако, именно в этом соотношении можно наблюдать некую схожесть толкования рассматриваемого понятия с сущностными элементами древнеиндийской философии, касающихся значения небытия и сил, которые его олицетворяют, в соотношении с бытием. Из царства мертвых никто и ничто не возвращается. Поэтому, в конечном итоге все, что было рождено бездной Хаоса, попадает в мрачную темницу Аида. Иными словами, то, что пришло из мира небытия-до-бытия переходит в мир небытия-после-бытия [1]. Подобная трактовка действительно напоминает ведические высказывания: все возникает из ничего (ниоткуда) и уходит туда же.

В отличие от Древней Индии, где сведения о небытии отражены, прежде всего, в памятниках литературы и философских учениях, в античной Греции выделяются отдельные, в том числе весьма авторитетные философы, породившие целые направления и школы, которые не обходили стороной рассмотрение небытия и связанные с ним вопросы. Так, одним из первых древнегреческих философов, использовавших понятия небытия в разъяснении происхождения бытийственности, являлся Пифагор (VI вв. до н.э.). В его учении утверждалось, что сущность бытия возникает неизвестно откуда, среди беспредельности небытия, играющего роль отрицательного начала. Оно выступает как место («хора»), внутри которого рождается положительное начало бытийственности. Дальнейшее развитие бытия происходит путем переплетения с небытием. Пустые промежутки внутри бытия различны и измеряются числами. Само число рождается в результате взаимодействия небытия и бытия и играет роль символа, отражающего долю содействия части (вещи, явления, сознания) в жизни целого (космоса) [3]. Согласно данному подходу, чем ближе число части к единице, тем выше его роль в космическом бытии. Так возникает мировое пространство, промежутки внутри которого становятся результатом дыхания бытия пустотой небытия [7]. Пифагорейская философия числа, таким образом, явила со-

бой отражение меры отношений между сущностными характеристиками бытия и небытия – пределом и беспредельным, полнотой и пустотой.

Развитие подобных идей нашло место в философских учениях Демокрита и Левкиппа (V-IV вв. до н.э.), известных своими утверждениями об атомарном строении мира. Но мир в их представлении состоял не просто из атомов, а атомов, движущихся в пустом пространстве. Пустота является его основным свойством, именно она заполняет промежутки, пустое пространство между атомами. Тем самым, наряду с полнотой, как основного свойства бытия атомистами допускалась реальность пустоты – небытия. В их учении два противоположных понятия существуют параллельно, причем небытие влияет на изменение форм бытия. В отличие от других представителей античной философии, атомисты не придерживались крайних точек зрения, положив в основу своего учения дуалистические принципы.

Не менее интересна позиция элейской философской школы, противоположной атомистам в вопросах единства и детализации. Наиболее ярким ее представителем являлся Парменид (VI-V вв. до н.э.), утверждавший, что «есть только бытие, а небытия не существует». Полностью отрицая существования небытия, Парменид представлял мир в виде неподвижной и однородной сущности, где соответственно нет места пустоте и ее проявлениям. Исходя из этого, он постулировал, что существование небытия недоказуемо, немыслимо и неизречимо – «как можно помыслить о том, чего нет?». Данной парадигме древнегреческой философии об изначальности, первичности, абсолютности бытия и производности, вторичности, относительности небытия предшествовала формула «Из ничего нечто не возникает» (лат. «Ex nihilo nihil fit»). Одним из первых в Древней Греции подобные взгляды высказывались также философом Мелиссом в V в. до н.э.

В рассматриваемом контексте формирования устоев европейской философии и европоцентричного образа мышления стоит обратить внимание на высказывания философской школы софистов – «продавцов мудрости», существовавшей в Древней Греции в V-II вв. до н.э. Представители софистики на пути определения существования или не существования небытия пошли еще дальше, чем их предшественники и современники. Известные оригинальностью своего мышления софисты изначально допуская субстанциональное существование небытия (ничто) накладывали этот критерий на другие философские категории, в частности – истину. Поэтому утверждаемое ими отсутствие истины использовалось как обоснование законности собственного морально-этического произ-

вола и реализации корыстных целей в разрешении споров и судебных процессов в свою пользу.

Наиболее известные софисты – Протагор и Горгий (т.н. старшие софисты), использовали субстанцию небытия как отрицание всего существующего. Утверждаемая ими непознаваемость вещей не допускала никакого предиката: «Все только кажется, на деле же ничего нет», «нет ничего», «все из небытия», «все есть мнение», «существует только так, как нам кажется» [8].

Данный подход позволял софистам, как опровергать, так и доказывать, отстаивать те или иные тезисы. Другими словами, небытие как таковое использовалось ими как своеобразный мировоззренческий инструмент, который можно было применять как удобно, в зависимости от ситуации. Понятие небытия в софистских учениях с одной стороны, по своему положению не отличалось от других, а с другой занимало ключевое место. Отсутствие всего, в т.ч. объективной истины, возможности познания, позволяло софистам утверждать, что есть только мнение человека, являющееся индивидуальной мерой всех вещей. Окружающий мир в их изложении только видимость, поэтому всякое учение сводится у софистов исключительно к убеждению. А убедить, по их мнению, можно кого угодно и в чем угодно. Таким образом, становится очевидным, что в пределах софистики понятие «небытие» подчиняется индивидуальным трактовкам отдельных мыслителей.

Софизм и его производные послужили началом зарождающихся этик утилитаризма и прагматизма будущей западноевропейской цивилизации. Формировавшееся в течение столетий европоцентричное мышление вполне приняло и впитывало подобные подходы. Вместе с тем, в древнеиндийской философии такие подходы, отражающие двойную действительность, не наблюдаются. Понятие небытия в Древней Индии было неразрывно связано с основными философскими категориями, такими как истина, знание, абсолют, первоначало. В античной Греции в различных философских школах они приняли более разнообразные формы. Поэтому софистские методы и подходы к вопросу не могли не встретить критики современников. Как известно, главным интеллектуальным противником софистов в период расцвета их деятельности в Древней Греции (V в. до н.э.) являлся величайший философ Сократ, не оставивший после себя письменных трудов.

Другой известный древнегреческий философ Платон (V-IV вв. до н.э.), ученик Сократа, в своих трудах касательно вопросов небытия и бытия утверждал некое единство двух противоположностей. Истинное бытие олицетворялось у него со сверхчувственным миром идей, а небытие (мертвая материя) –

как беспредельное начало и условие пространственного обособления предметов чувственного мира. Саму внешнюю сущность небытия у Платона можно выразить формулами «еще не» и «уже не» [1], следовательно, бытие расположилось где-то посередине.

Одной из субстанций дуалистической философии Платона является Единое или Благо, которое становится у него сверхсущим источником бытия. По сути, здесь утверждается небытийственное состояние Единого или Блага. Не вдаваясь в различия этих терминов, по отношению друг к другу, можно увидеть, что Единое Благо как главная характеристика небытия у Платона буквально изливает из себя бытие космоса, имеющего характеристики множественности, полноты, движения. В определенной трактовке космос становится инобытием небытия. Философия Платона в этом отношении пытается не только рационализировать небытие количественно-качественными характеристиками, но и мифологизировать его, приписывая ему чувственные свойства [3].

В своем труде «Федра» Платон называет сверхбытие, т.е. то, что не является бытием, «занебесной областью», которую «никто из поэтов не воспел по достоинству». Эта бесчувственная, неосязаемая, но подлинно существующая область может восприниматься лишь умом – «кормчем» души, на которую и направлен истинный род знания. Здесь, в отличие от Парменида, Платон утверждает не только о существовании бытия, но и о возможности его постижения.

Недостаток чувственного описания небытия отражен Платоном в его количественном описании в диалоге «Парменид», где устами главного героя – участника диалога, определяется Единое как не имеющее границ, а бесконечность выступает его главной чертой. Следующий тезис в диалоге определяет вечность Единого. Из этого следует предположение о пребывании временного, изменчивого и ограниченного (основные свойства бытия) в вечном, неизменном и безграничном.

Качественная характеристика Единого (Блага), отражены в VI книге диалога «Государства». Здесь рассматривается природно-мифологический образ солнца с выводом об идентичности соотношения Блага к уму и умосозерцанию по аналогии солнца по отношению к зрению и зримому [3].

В диалоге «Тимей» ставится вопрос о происхождении вселенной. В рассуждениях диалога дается вывод о вечности и неизменности источника, т.е. оформляется еще одно обозначение небытийственных свойств и характеристик.

В целом, мифологическая метафизика Платона представляет форму устроения вселенной как продукт сверхбытийственного творчества Блага, что дает повод для предположений о его небытийственной природе.

Крупнейший античный философ Аристотель (IV в. до н.э.), считающийся одним из основателей европейской философии, для определения самобытного единичного бытия использовал понятие «субстанция». Одновременно он ставил знак равенства между бытием и сущим. Небытие у него является «не-сущим», а промежуточным понятием между бытием и небытием – бытие «в возможности». Не-сущее небытие разделяется Аристотелем на три рода: 1) не-сущее всех категорий (качество, количество, содержание, форма, место и др.), 2) не-сущее как возможность действительности, 3) не-сущее как ложное [1].

В отличие от своего предшественника Платона, Аристотель развивал учение о формах, которые, по его мнению, присутствуют не где бы то ни было, а в самих вещах. В своих размышлениях он доходит до наивысшей формы – «Формы всех форм» (форма форм), которую наделяет специфическими свойствами, в т.ч. имеющими небытийственные признаки. Универсальная форма или форма всех форм, будучи источником и причиной возникновения всех частных форм, не может существовать в чувственно воспринимаемом мире. Она обретает божественный статус не проявленной в чувственном мире Высшей божественной субстанции. Аристотель настолько возвышенно понимает идею Божественной Формы, что его теизм принимает характер сверхмировой трансцендентной сущности, дальнейшая разработка которой обретает путь отрицательного богословия [9].

Все свойства Бога, наделенные Аристотелем – Форма Форм, Перводвигатель, Универсальное благо, не обнаруживают себя в чувственном мире, но угадываются по «характеру» поведения материальных вещей. В этих традициях «апофатического богословия» в разных работах философа встречаются оценки Бога, которые фактически сливаются со свойствами Небытия. Небытие Бога, т.е. его непостигаемость, пронизывает собой буквально все сферы мироздания в учении Аристотеля [3]. В различных сферах божественное небытие проявляется по-разному, но всегда предполагает собственную непостижимость.

В моральной сфере божественное небытие проецируется в виде сверхдобродетели, которой люди не только не обладают, но и не могут сформулировать: «Ни порочность, ни добродетель не свойственны Богу», «Если перебрать все, то обнаружится, что все ничтожно и недостойно богов», «У Бога нет своей добродетели» [10]. Таким образом, через отрицание в моральной сфере Бог

принимает не выразимый в понятиях характер, который может быть объясним лишь его небытийственностью [3].

В физической сфере принимается форма естественного перводвигателя, который пребывает в абсолютном покое. Данное состояние оценивается Аристотелем как вечная, неподвижная, чувственно не познанная сущность, не имеющая величины, не делимая и не раздельная. Безграничность времени, по его мнению, не имеет ограниченной величины, т.к. ее не существует. В принципе, подобное утверждение указывает на не существование перводвигателя в бытии, т.е. его небытие.

В интеллектуальной сфере Аристотель связывает понятие небытия с одним из ключевых своих понятий – место. В отличие от вещи, которая имеет начало и конец, ее определяющее место вечно и неизменно. «Местом всех мест» или «формой всех форм» выступает аристотелевский Бог, вмещающий в себя как «место» для вселенной, так и глубочайший смысл ее существования. Так категория места обретает в философии Аристотеля статус «бытующего Небытия» [3].

В духовной сфере небытийственность Бога проявляется в виде Блага, в котором можно взвесить небытие вещей, находящихся в соотношениях внутреннего мира людей.

В целом, небытие в учении Аристотеля проявилось в форме апофатического теизма, который становится своеобразным проводником небытийственных характеристик в различные сферы бытия человека и отражается во введенных философом специфических терминах.

В сравнении с древнеиндийской философией и ее отдельными мыслителями, древнегреческая философия и аристотелевская в частности, в изучаемом вопросе уделяет больше внимания специфическим областям философского знания, не увлекая себя фундаментальными, основополагающими принципами. В этом просматривается прагматический корень содержания будущей европейской философии, из недр которой выросло европоцентричное мировоззрение.

Древнеиндийская философия, как и другие восточные философии, ориентирована на познание не познанного, неизвестного, на постижение истины, вечности, которые заключаются в небытийственности, т.е. не существовании в мире бытия, воспринимаемом разумом и органами чувств. Поэтому не удивительно, что восточная философия в этой связи не только «обращена назад» в неизвестное прошлое, но и стремится вперед, в такое же неведомое будущее. Подобное содержание сохраняется по сей день.

Философия Древней Греции как прародитель европейской философии, точнее значительная часть античных учений, в вопросах о рассмотренном понятии ориентирована в основном на бытийственные характеристики, исходит из того, что осознается и чувствуется и на основе этого в ряде случаев выводит небытийственные свойства познаваемых объектов при естественном условии допущения их существования.

Таким образом, ключевым сущностным фактором различий в подходах древнеиндийской и древнегреческой философии является определение первичности, вторичности, либо дуалистичности небытия как исходного и производного понятия, на основании чего, выстраиваются все последующие познавательные конструкции.

Литература

1. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. – 146 с.
2. Антология мировой философии : в 4 т. Т.1. Философия древности и средневековья. Под ред. В.В. Соколова. Ч.1. М.: Мысль, 1969. – 756 с.
3. Родзинский Д.Л. Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 280 с.
4. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. Пер. с англ. – М.: ГРВЛ «Наука», 1988. – 426 с.
5. Чаттопадхья Д. Живое и Мертвое в индийской философии. – М.: Изд-во «Прогресс», 1981. – 416 с.
6. Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: «Большая российская энциклопедия», 1992. – 736 с.
7. Досократики. Дозлеатовский и элеатовский периоды. Пер. с древнегреч. А. Маковельского. – Минск: «Харвест», 1999. – 784 с.
8. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. – М.: «Мысль», 2003. – 589 с.
9. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: «Республика», 1994. – 415 с.
10. Никомахова этика. Пер. Н. Брагинской. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 1997. – 285 с.

СЕКЦИЯ 3 ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Воржецов А.Г.

доктор философских наук, профессор
Казанский национальный технологический университет
vag41@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В МНО- ГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ФЕДЕРАЦИЯХ: ОПЫТ РОССИИ

Россия находится на очередной развилке общественно-политического развития. Недавно Президент РФ В.В. Путин заявил, что «изменения, модернизация политической системы естественны и даже необходимы» и что «для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии» [1].

Однако до сих пор не разработана программа политической модернизации в России. И одной из причин отсутствия таковой программы является кризис в общественных науках. До сих пор учёные-обществоведы не пришли к консенсусу по оценке перспектив общественно-политического развития России (особый путь или европейский), её политической системы, по оценке Конституции РФ, по оценке определяющих принципов демократического государства.

Об этом свидетельствуют результаты целевых опросов преподавателей общественных наук вузов Казани, проведённых по линии Центра социального и политического прогнозирования при кафедре государственного, муниципального управления и социологии КНИТУ (КХТИ) в марте 2014 г. Было опрошено 100 преподавателей. Учёные-обществоведы по-разному оценивают перспективы развития страны. На вопрос: «Какой путь развития России Вы считаете оптимальным?» 43% опрошенных считают особый путь, 40% респондентов явились сторонниками европейского пути. В 2011 году по результатам Всероссийского опроса, проведённого сотрудниками Института социологии РАН, 41% опрошенных предпочли особый путь, а 30% - европейский [2]. Проведённый сотрудниками Института социологии РАН в 2014 г. Всероссийский опрос среди представителей среднего класса страны показал, что сторонники особого пути составили 67% опрошенных, а сторонниками европейского пути стали 33% респондентов [3]. Таким образом, налицо раскол как среди россиян в целом, так и среди представителей среднего класса и преподавателей-

обществоведов, в частности. Причём преобладают сторонники особого пути России.

Поэтому определённым силам представлялось закрепить такие взгляды юридически. Так, в 2011 году коллективом Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под руководством профессора С.С. Сулакшина был разработан полномасштабный научный макет новой Конституции России. Авторы проекта новой Конституции РФ сделали акцент на российскую цивилизационную модель, которая исторически отлична от западной. Причём «Россия является самостоятельной страной-цивилизацией – русской (российской) цивилизацией» [4]. И «потому государство выступает гарантом...» и «...ответственно за поддержание и защиту русской (российской) цивилизационной идентичности» [4, с. 291]. Во-первых, неоднозначным является вывод о том, что Россия является самостоятельной цивилизацией. Известные иностранные учёные-специалисты по проблемам цивилизаций придерживаются другого мнения. Американский учёный С. Хантингтон включил Россию в восточноевропейскую цивилизацию, а английский исследователь А. Тойнби одной из пяти живых обществ (цивилизаций) считал «православно-христианское, или византийское общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России» [5]. И как свидетельствует исторический опыт конца XX – начала XXI веков, многие страны восточноевропейской цивилизации сблизилась с государствами западной цивилизации по вопросам об отношении к ценностям и институтам демократического государства. Во-вторых, в проекте новой Конституции России постоянно идёт речь о русской (российской) идентичности. Более того, в её преамбуле заявлено, что «мы, русский народ и все братские народы...» [6]. В действующей Конституции РФ в её преамбуле более толерантно провозглашено: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации» [7]... Обращение авторов проекта новой Конституции России к российской цивилизационной модели связано с политикой обосновать замену в действующей Конституции РФ стратегической цели России – формирование демократического государства на другую цель – создание нравственного государства. Авторы проекта новой Конституции РФ «исходили из концепта ценностного государственного управления, нравственного государства, а также подконтрольности государственной власти и ответственности её перед народом, что подразумевает гарантии истинного народовластия, а не демократию по западному образцу» [6, с. 11]. Авторы пытаются «обосновать» свою точку зрения тем, что «демократия в настоящее время – это всего лишь политический лозунг, не носящий явного нормативного и ценностного характера и содержания» [6, с.

88-89]. На наш взгляд, авторы просто декларативно пытаются убедить, что нравственное государство для страны лучше, чем демократическое, а демократия – это «всего лишь политический лозунг».

Имеются и другие попытки внести изменения в статью 1 Конституции РФ. Так, известный кинорежиссёр Н. Михалков написал «Манифест Просвещённого Консерватизма», в котором предпринял попытку обосновать такие изменения. Вместо формулировки «Российская Федерация – Россия – есть демократическое...государство», автор предлагает: «Российская Федерация – Россия – есть гарантийное государство». По его мнению, «гарантийное государство – это новый государственно-общественный тип организации власти». Он считает, что в России должна быть верховная президентская власть и власть высшая, которая «разделена на три ветви: законодательную, судебную и исполнительную» [8]. Таким образом, Н. Михалков и авторы проекта новой Конституции России заявили о нравственном и гарантийном государстве как альтернативе демократическому государству.

Сторонники особого пути России, как альтернативного европейскому, получают возможность пропагандировать свои взгляды по наиболее крупным каналам телевидения. Причём некоторые известные учёные, писатели, политики и не скрывают своих взглядов. Так, известный российский писатель А. Проханов недавно по телевидению заявил, что он является сторонником идеи империи и неосталинизма. Такая пропаганда влияет и на рост ксенофобских настроений во всех слоях российского общества. Распространение русского, как и любого другого этнонационализма, представляет огромную опасность как для стабильности и целостности российского общества и государства, так и для самих этнических общностей. По мнению Э.Паина, «нарастание русского национализма как идеи политического доминирования этнического большинства представляет собой опасность для перспектив демократического развития России» [9]. А магистральным направлением политики в области государственного строительства является развёртывание демократии, так как «без демократии реальный федерализм не возникнет» [10].

Более двадцати лет в постсоветской России происходят трансформационные изменения во всех сферах жизни страны. Однако до сих пор не существует консенсуса по оценке этих изменений. Причём такие оценки носят, как правило, противоречивый характер. Так, недавно главный научный сотрудник Института социологии РАН, проф. Ю.С. Оганисян отметил, что «за последнюю четверть века Россия радикально обновилась». И «в социальном плане – реставрирован какой-никакой капитализм». А «в политическом отношении – на

смену тоталитаризму пришла демократия..., вполне сопоставимая с демократией западной...» [11]. Далее в той же статье автор отмечает, что «в современной России...открытая, легитимная экономика столь тесно переплетена с подпольной, незаконной, что их почти невозможно отличить друг от друга», а «наши партии – вообще непонятно что такое» [11, с. 84]. Возникают вопросы: как может быть сопоставима российская демократия с западной, если не понятно, что такое наши партии? Какой же капитализм реставрирован в нашей стране, какая рыночная экономика функционирует?

На наш взгляд, правящей элитой был избран навязанный вариант трансформации российского общества («реформы сверху»), который был юридически закреплён в Конституции РФ 1993 года. Сам процесс обсуждения и принятия Конституции проходил с нарушениями демократических процедур. Во-первых, проект Конституции РФ обсуждался не на Конституционном Соборании, а на конституционном совещании, на котором преобладали лица, включённые в его состав по рекомендации Администрации Президента РФ. Во-вторых, в принятый проект Конституции РФ после окончания конституционного совещания были внесены изменения, направленные на расширение полномочий Президента РФ. Этот факт подтвердил и один из разработчиков проекта Конституции РФ С. Шахрай. Он отметил, что «институт президента нами был выведен из системы исполнительной власти». И «президентские полномочия в основном сводились к роли арбитра». А «президент должен был «вступать в игру» в двух случаях: во-первых, когда возникает конфликт между парламентом и правительством и надо принимать решение либо о досрочном роспуске парламента, либо о смене кабинета; во-вторых, когда возникает конфликт между федеральным центром и регионом. И «здесь президент мог использовать целую палитру инструментов – от инициирования согласительных процедур до приостановки региональных актов и обращения в Конституционный Суд и даже введения чрезвычайного положения». Однако «к сожалению, при доработке проекта чистота модели не была выдержана до конца». А «президенту вернули право издавать нормативные указы». И «выпало положение о необходимости получать согласие парламента на отставку премьера» [12]. Поэтому не случайно, что «современная Конституция России...оказалась внутренне противоречива: реализуя в полном объёме западную концепцию прав личности, она, в то же время, закрепляла достаточно авторитарную модель президентской власти, превращающую её в движущую силу и решающий (если не единственный) инструмент политического процесса» [13]. По существу речь идёт «о президентской власти, стоящей над всеми другими ветвями власти» [14]. В статье 80 за-

писано, что «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина», а также «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» [15].

Конституция РФ, являясь внутренне противоречивой, вызывает частично одобрение у сторонников как европейского, так и особого путей развития. Сторонникам европейского пути импонируют, прежде всего, статьи главы 1 (Основы конституционного строя) и главы 2 (Права и свободы человека и гражданина), в которых сформулированы цели, принципы демократического федеративного государства, права и свободы человека и гражданина. Сторонники особого пути России высоко оценивают статьи главы 4 (Президент Российской Федерации), в которых сформулированы авторитарные полномочия Президента РФ. И поэтому не случайно активные представители расколотого российского общества взяли курс на разработку проектов Конституции РФ. Сторонники особого пути разработали научный макет новой Конституции под руководством С.С. Сулакшина в 2011 г., а сторонники европейского пути разработали проект Конституции России под руководством проф. М.А. Краснова в 2012 г. Он опубликован по линии фонда «Либеральная миссия». На наш взгляд, более оптимальным представляется третий вариант – проведение конституционной реформы в РФ с использованием предложений, сформулированных в ходе обсуждения проектов новых конституций.

Конституционная реформа может стать определяющим звеном в программе политической (демократической) модернизации в стране. Необходимо разработать и принять поправки в Конституцию РФ, направленные на реализацию определяющих принципов демократического государства: оптимальное разделение ветвей государственной власти и формирование правительства на партийной основе при условии формирования крупных доктринальных партий. Представляется важным перераспределение некоторых полномочий между Президентом РФ, Правительством РФ и Государственной Думой. Необходимо восстановить Государственной Думе в полном объеме контрольную функцию и функцию формирования правительства на партийной основе. Большинство опрошенных преподавателей кафедр общественных наук вузов Казани поддерживает проведение такого рода реформы. На вопрос: «Необходимо ли, на Ваш взгляд, внести изменения в Конституцию РФ, направленные на достижение оптимального разделения ветвей государственной власти в РФ?» 51% опрошенных ответили положительно, 31% - отрицательно, а 18% затруднились с ответом.

Следует отметить, что до сих пор многие учёные-обществоведы недооценивают значение определяющих принципов демократического государства. На вопрос: «Какие принципы демократического государства являются определяющими?» 51% опрошенных преподавателей общественных наук вузов Казани предпочли верховенство права и приоритет прав и свобод человека, 24% - разделение ветвей государственной власти и формирование правительства на партийной основе, 11% - независимые суд и средства массовой информации, а 14% затруднились с ответом. Трудно переоценить роль крупных доктринальных партий в процессе формирования демократического государства в России. Однако до сих пор таких партий в стране не существует. Принятие крупнейшей партией «Единая Россия» консервативной идеологии в конце 2009 года не привело к созданию в стране доктринальной правоцентристской политической партии. Во-первых, речь идёт о специфическом (особом) консерватизме – российском. Он включает в себя такие ценности, как патриотизм, здоровая семья и уважение к исторической памяти и традициям, обеспечение гарантий частной собственности, уважение к закону [16]. Во-вторых, принятое на XI съезде партии в ноябре 2009 г. «программное заявление «Сохраним и приумножим» в своей социально-экономической части основывается на правительственной «Стратегии 2020»... И «основной лозунг программы – «консервативная модернизация», понимаемая в первую очередь как уход от сырьевой зависимости...» [17]. Другими словами, партия «Единая Россия» превратилась фактически в новую «партию – государство». Однако, в отличие от КПСС, которую можно назвать «надгосударственной партией», партия «Единая Россия» является партией «подгосударственной». Исполнительная власть России (в первую очередь, президент) «создала и практически полностью управляет деятельностью своей «партии власти», и та последовательно исполняет все отдаваемые ей стратегические указания» [17, с. 63-64].

Не являются доктринальными и другие парламентские партии. Поэтому представляется весьма актуальным решение проблемы формирования центристских политических партий доктринального типа – консервативной, социал-демократической и социал-либеральной на основе модернизации существующих партий, а также укрупнения близких по идеологии партий. В программах этих партий должны быть закреплены стратегические цели российского государства (демократическое и социальное государство), содержащиеся в ст. 1 и ст. 7 Конституции РФ. Представители этих партий должны разработать программы политической (демократической) модернизации в современной России. В ближайшее время следует внести изменения в закон РФ, касающийся мини-

мальной численности партий. Необходимо увеличить минимальную численность партий с 500 до 5 – 10 тысяч человек. 55% опрошенных казанских учёных-обществоведов поддерживает такие изменения. Отсутствие крупных политических партий способствует, с одной стороны, формированию «партии власти», а, с другой стороны, росту националистических и радикал-националистических партий. Об этом свидетельствует опыт стран СНГ, в том числе и современной Украины.

Формирование крупных доктринальных политических партий будет способствовать консолидации российского общества на ценностях и ориентирах демократического и социального государства. 54% опрошенных казанских преподавателей-обществоведов считают, что идея демократического и социального государства может объединить большинство россиян.

Для формирования демократического государства в России необходимым условием является проведение комплексной судебно-правовой реформы, включая реформирование всех правоохранительных органов, с целью создания независимой системы. 80% опрошенных казанских преподавателей-обществоведов поддерживает такого рода реформу. Другими составляющими программы политической (демократической) модернизации должны стать: превращение средств массовой информации в «четвёртую власть», независимую от трёх властей государственной власти; разработка комплекса законов, направленных на развитие равноправных отношений между властью и бизнесом, на создание благоприятных условий развития предпринимательства в нашей стране; переход к электронному голосованию на выборах в Государственную Думу РФ в 2016 году.

Реализация такого рода программы политической (демократической) модернизации в России будет способствовать переходу от частично демократического государства к демократическому, от одного из вариантов особого пути России к одному из вариантов европейского пути, который «без особого внутреннего сопротивления может быть с теми или иными оговорками принят всеми основными социально-демографическими группами и социальными слоями» [18].

Литература

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2012. – 13 декабря.

2. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад (под ред. М.К. Горшкова). – М.: Инсти-

тут социологии РАН, 2011. – с. 175. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isgas.ru>, свободный.

3. Российская газета. – 2014. – 30 мая.

4. Научный макет новой Конституции России / под ред. С.С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2011. – с. 262.

5. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. – М.: Прогресс. – с. 33.

6. Научный макет новой Конституции России / под ред. С.С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2011. – с. 284.

7. Конституция Российской Федерации. – М.: Норма, 2008. – с. 1.

8. Михалков Н. Манифест Просвещённого Консерватизма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/2010/26/manifest>, свободный.

9. Паин Э. Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международные измерения. – Казань, 2004. – с. 667.

10. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – с. 346.

11. Оганисян Ю.С. Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Политические исследования. – 2014. – № 3. – с. 76.

12. Шахрай С. Десять лет российской конституции // Аргументы и факты. – 2003. – № 50.

13. Медушевский А. Пределы гибкости Конституции России 1993 г. и способы её модификации // Конституционное развитие России: задачи институционального проектирования / под ред. Н.Ю. Беляевой. – М.: Изд-во «ТЕ-ИС», 2007. – с. 85.

14. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Юрист, 1995. – с. 94.

15. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1993. – с. 33.

16. Грызлов Б.В. Сохранить и приумножить: консерватизм и модернизация // Известия. – 2009. – 1 декабря.

17. Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Политические исследования. – 2011. – № 1. – с. 59.

18. Рабочая группа Института социологии РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Политические исследования. – 2008. – № 3. – с. 28.

Нуруллина Р.В.

кандидат социологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
ernuru@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ЭТНИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАР- СТАНА)

Особенностью жизни постсоветского общества стало увеличение уровня религиозности населения во многом обусловленное процессами активизации этнического самосознания. К примеру, исламское возрождение в Татарстане тесно переплеталось с этнокультурным ренессансом татар, активисты национальных движений рассматривали мусульманскую религию как важную составляющую их этнической идентификации. Исследователи отмечают, что появление первых религиозных институтов в республике – результат деятельности именно этих организаций. [1]

Не случайно большинство современных авторов рассматривают конфессиональную и этническую идентичность в тесной взаимосвязи. Социологическое исследование татарской молодежи 2004 года показало, что процесс воспроизведения религиозных традиций татар-мусульман зачастую определяется этнической социализацией, стремлением членов родительской семьи сохранить родные традиции и язык. Авторы исследования считают, что наиболее подвержены процессу исламизации те молодые татары, семьи которых стараются сохранить язык и традиции татарского народа. В результате этнонациональная идентичность определеннее выражена у более исламизированных групп татарской молодежи (почти 90%). Более исламизированная татарская молодежь чаще общается дома на татарском языке. Почти половина практикующих мусульман говорит дома только на татарском, и более одной трети – общается в кругу семьи и на русском и на татарском языках в равной степени. Ориентация на сохранение языка в семьях татар-мусульман проявляется еще и в том, что они чаще отдают своих детей в школы с татарским языком обучения (39%). [2]

Вместе с тем исследования последних лет, проводимые среди практикующих мусульман Татарстана, позволяют предположить, что в характере соотношения религиозности и этничности в общественном сознании происходят определенные изменения. Показательными в этом отношении могут быть дан-

ные социологических опросов студентов медресе и служителей мечетей, которые демонстрируют разницу поколений во взглядах на этничность².

Подавляющее большинство (85,5%) мечетей в Татарстане функционирует преимущественно в татарских деревнях, поэтому этнический состав мусульманских священнослужителей однороден (99% респондентов идентифицируют себя с татарским этносом). Общаются с прихожанами они также на татарском (65%) либо преимущественно на татарском языке (25%). Лишь 10% указали, что используют русский и татарский языки в одинаковой степени. При этом 65% опрошенных имамов считают, что для дальнейшего развития ислама в республике очень важно возрождение и развитие татарской национальной культуры, 25% полагают это важным, лишь 3% считают, что это не имеет особого значения, а 7% затруднились с ответом.

Молодое поколение демонстрирует более противоречивые этноконфессиональные установки. Исключительно свой родной язык используется в домашнем общении у 44% шакирдов-татар, преимущественно татарский – еще у 23%, в одинаковой степени татарский и русский – у 16%. Школьное образование в той или иной степени на родном языке получили более половины опрошенных татар (см. табл. 15). Эти данные в целом сопоставимы с приведенными выше, несмотря на то, что треть шакирдов-татар провели свои детские и школьные годы за пределами Республики Татарстан, часто в иноязычном окружении.

Табл. 15.

Языки домашнего воспитания и школьного образования (татары), %

На каком языке	Вы говорите дома	Вы получили образование в школе
Только на татарском	44	15
Преимущественно на татарском	23	13
В одинаковой степени на татарском и русском	16	24
Преимущественно на русском	13	21
Только на русском	4	25
Другое	1	2
Итого	101	100

² Социологическое исследование среди шакирдов медресе Татарстана проводилось Отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории АН РТ в 2008 г. под руководством Я.З. Гарипова. Опрос священнослужителей проводится в настоящее время силами Центром исламоведческих исследований АН РТ под руководством Р.М. Мухаметшина (оба – при участии автора статьи).

В то же время, тест Куна – Макпартленда свидетельствует, что этническая самоидентификация респондентов не сопоставима по своей значимости с конфессиональной. По частоте упоминаний она во многом уступает другим базовым идентичностям (мусульманин, член семьи, человек, индивид, личность, пол, занятие и т. п.). Позиция мусульманской молодежи по национальному вопросу довольно противоречива: около 70% опрошенных молодых мусульман считают, что ислам не акцентирует внимание на этнических различиях и должен быть единым для всех народов, 76% согласны с тем, что, общаясь с людьми, надо ориентироваться на их личные качества, а не на национальность. Хотя при этом более половины опрошенных отмечают, что всегда помнят о своей этнической принадлежности (т. е. национальная идентичность для них является значимой), около половины хотели бы воспитывать детей в традициях татарской культуры либо преимущественно татарской с использованием элементов русской и других культур.

Все вышеизложенное позволило сделать вывод о том, что этническая составляющая в процессе социализации мусульманской молодежи, несомненно, детерминирует формирование и развитие религиозности, конфессионального самосознания и способствует повышению уровня конфессиональной идентичности. Особую роль в этом процессе играют этноязыковые ориентации в семейной социализации. Но данная корреляция не является двусторонней, то есть высокий уровень религиозности сам по себе не является определяющим в развитии этнического самосознания и этнокультурной направленности личности.

Вследствие этого, в мусульманском сообществе региона в настоящее время достаточно отчетливо выделяются две группы. В первую входят национально ориентированные мусульмане (для которых религиозные и национальные традиции неразрывно связаны, а религия во многом является фактором сохранения национальной идентичности), во вторую – религиозно ориентированные (для них ислам – это, прежде всего, мировая религия, изначально не связанная с какой либо национальной традицией, а если и связанная, то скорее с арабской, чем с татарской).

Позиции этих двух групп иллюстрируют фрагменты наших экспертных интервью:

После смерти каждого человека будут спрашивать о двух вещах: «Кто твой пророк?» и «Из какого ты племени?»... Получается, вера и национальность идут вместе по значимости, связаны между собой... Вера позволяет

нам сохранить свою нацию, наша национальность позволяет нам сохранить свою веру.

Все люди не обязаны быть арабами, все люди не должны придерживаться арабской культуры... Культура у нас должна оставаться своя. Поэтому ислам бывает и татарский и казахский и кавказский – разный. Ислам обогащается другой культурой, и в этом ничего плохого нет.

До определенного момента, когда люди были безграмотны, они [религиозное и этническое]... я помню это было... в 1990-е гг... рука об руку шли... Но... по мере получения знания... оказывается, ислам – это не только для татар.

А какое-то правило есть или что - именно придерживаться веры предков? Есть же Истина, Истина!.. Алла Тагаля в Коране сказал: «Никто из вас не выше... никого я не превышаю, только того, у кого иман сильнее», т.е. ни по цвету кожи, ни по языку, ни по... ни по чему, кроме имана, кроме веры.

В исламе вообще национальности нет. Это не говорит о том, что мы отрицаем существование национальностей, это говорит о том, что религия и национальность – это две абсолютно разные вещи.

Схожие выводы сделала в своей диссертационной работе, основанной на материалах исследования мусульманских женщин Татарстана, Л. Каримова. По ее мнению, татары уже не объединяют свою этническую и религиозную идентичность, как это происходило в ходе движения за суверенитет в 1990-е – начале 2000-х гг. Сегодня стремление татар к возрождению родного языка и формированию государственности сменяется растущим интересом к исламу. При этом ислам больше не рассматривается просто как маркер этнической идентичности, но как мощная сила в своем собственном праве. Все большее число татар воспринимают ислам как моральный императив для личностного изменения и, как следствие, социальных преобразований. Отмечается переход от когда-то доминирующей этнической основы татарской идентичности к ее более выраженной религиозной составляющей. Для многих практикующих мусульманских татарских женщин, быть мусульманкой и быть татаркой больше не одно и то же.

Эта тенденция имеет поколенное измерение. Старшее поколение по-прежнему считает этничность важным компонент идентичности татар, а использование татарского языка воспринимает как религиозный долг. Молодое же поколение, со своей стороны, ставит основной акцент на исламе, проявляет большую заинтересованность в религиозных знаниях и практиках, не связанных с этническим компонентом. [3]

«Какой из социальных субъектов на сегодняшний день находится в самом неактуальном состоянии?» Ответ напрашивается сам собой, из всех социальных субъектов к легкому вытеснению из социальной реальности наиболее предрасположен этнос в силу слабой выраженности этнического самосознания». [4]

Литература

1. Сагитова Л.В. Региональные и локальные аспекты ислама в Поволжье: социальные основания различий //Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. - Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – С. 125-162.

2. Ходжаева А.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов //Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. - Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – С. 171-189.

3. Muslim tatar women's piety stories: a quest for personal and social transformation in Tatarstan (Russia). A dissertation presented by Liliya V. Karimova. Submitted to the graduate school of the university of Massachusetts amherst in partial fulfillment of the requirement for the degree of doctor of philosophy. September 2013.

4. Бобков А. И. Религиозный опыт как мировоззренческая основа этнического самосознания // Социология в системе научного управления обществом. Сб. материалов IV Всероссийского социологического конгресса. – М.: РОС, 2012. – С. 732-733.

Аетдинов Э.Х.

кандидат политических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Набережночелнинский институт

eaetdinov@mail.ru

РЕЦЕДИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА

Одно из распространенных представлений эпохи модернизма неразрывно связывает прогресс с постепенным угасанием силы этнического национализма и приходом ему на смену национализма государственного, этатистского.

Распад СССР, СФРЮ и многие иные события рубежа 20 – 21 вв., когда этнополитические явления и события детерминировали и даже часто определяли весь ход политических процессов, показали несостоятельность и однобокость данной концепции. Вынужденное признание значимости этничности в политике повлекло за собой переосмысление и переоценку теоретических концепций и, в частности, убеждение о преждевременности однозначного и повсеместного перехода от примордиалистских трактовок этничности к инструментализму и конструктивизму в осмыслении этнополитических процессов. Преобладающей тенденцией стал анализ закономерностей развития национализма как своеобразного (и часто закономерного) ответа на волны глобализации.

Нам представляется, однако, что и данный подход не может рассматриваться как универсальный и в равной степени объясняющий все случаи возникновения национализма.

Политика властей Российской Федерации в продолжение всего постсоветского периода в отношении всплесков этничности и национализма остается «реактивной», то есть носит характер «ответов» на «неожиданные» проявления этнического национализма в сферах социальных и политических отношений. Как отмечал российский политолог Э.А. Паин, «В России этническую проблематику привыкли связывать только с проблемами меньшинств (точнее, нерусских народов), а отсюда как бы сам собой напрашивается вывод: «Стоит ли заниматься проблемами 15-17% населения, когда у нас есть более важные задачи?» [15; 10].

При этом гражданский национализм, способный прийти в условиях сформировавшейся (позитивной) российской гражданской идентичности, представлен явно недостаточно и представлен в основном действиями проправительственных общественно-политических организаций и проявляет себя, как правило, в сферах иных, не составляя в России фактически конкуренции национализму этническому.

В. Мукомель, анализируя фактически выраженные в действиях региональных властей южных областей России стратегии этнической и миграционной политики, разделил их на четыре типа.

1) Политика отчужденности. Власти стремятся не замечать роста ксенофобии среди русского населения и полагают, что сама постановка вопроса о проблемах национальных меньшинств провоцирует межэтническую напряженность (свойственна большинству областей Центральной России).

2) Политика конфронтации с отдельными национальными меньшинствами (часто в роли «отторгаемых» выступают чеченцы или «кавказцы» в це-

лом. Такая политика свойственна Краснодарскому, Ставропольскому краям, в меньшей степени – Ростовской области).

3) Политика балансирования между общественным мнением, настроенным против национальных меньшинств, и необходимостью обеспечения политической стабильности, а следовательно, и какой-то формы защиты интересов нацменьшинств (Воронежская, Волгоградская, Курская области).

4) Политика противодействия экстремизму и конструктивного сотрудничества с национальными меньшинствами (Астраханская и Оренбургская области, в меньшей степени – Самарская и Саратовская области) [15; 41-42].

Автор данной типологии не отметил свойств этнополитики российского государства (федеральной власти). Однако анализ действий российских федеральных властей на протяжении 2000 – 2010 гг. показывает, что, в целом, ей свойственно большинство качеств стратегии первого из названных типов. В продолжение указанного периода сама этнополитическая проблематика рассматривалась как сфера периферийная, часто даже недостойная упоминания и, тем более, какой-либо специальной программы или стратегии (такой подход сам по себе является проявлением определенной политической позиции).

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года, раскритикованная по разным причинам со всех сторон, но тем не менее, обозначившая приоритеты государства в этой сфере, де-факто перестала определять политику государства в эти годы и упоминалась всё меньше.

Власти исходили из околонатурного представления о том, что корни проблем межэтнического взаимодействия находятся в проблемах экономических [8; 394-395], и решение последних, соответственно, приведет к урегулированию проблем этнополитических. Вероятно, утверждение этой тенденции базировалось на допущении того обстоятельства, что «дискурс различия выступает как источник различия» [10], которое, учитывая стремление властей консолидировать общество, рассматривалось как стимулирующее мультикультурализм и, соответственно, дезинтеграцию. Фактически данная практика и свойственная ей импульсивность привели к игнорированию этнических особенностей и культурных различий, сдерживанию этнокультурного и этнополитического развития сообществ и общества в целом.

Большой резонанс в обществе вызвали поправки в федеральный закон №309, согласно которому единый государственный экзамен (ЕГЭ) по окончании средней школы, на основании результатов которого происходит зачисление в вузы, начиная с 2009 года, должен сдаваться только на русском языке, что делает неконкурентоспособными выпускников школ, обучавшихся на нерусских

языках. Позиция министра образования РФ А. Фурсенко была категоричной: «Что касается сдачи экзаменов на национальных языках в той части, в которой ЕГЭ является не только экзаменом выпускным, но и экзаменом вступительным, он, конечно, должен иметь единую форму и сдаваться на русском языке» [5].

Реакция региональных элит выглядит предсказуемой. «Кому-то показалось, что языки народов РФ недостаточно быстро исчезают, этот процесс решили ускорить. Если реформа образования будет продолжена, то Татарстан поставит вопрос о проведении республиканского референдума и изменении отдельных статей своей Конституции» [6], - заявлял тогда экс-президент Татарстана М. Шаймиев. Его поддерживали бывший глава Республики Башкортостан М. Рахимов. Не скрывали беспокойство элиты, прежде всего, в национальных (нерусских) субъектах федерации.

Тем не менее, закон был принят. Следствием издания данного закона стало резкое сокращение количества школ, ведущих обучение на языках иных (нерусских) народов Российской Федерации. В частности, в полумиллионных Набережных Челнах – втором по численности населения городе Республики Татарстан, через два года после принятия этого закона из семи школ, обучавших на татарском языке, осталась только одна.

Снизил накал дискуссии, но не устранили ее корни вовсе, поправки в закон «Об образовании», принятые под давлением элит ряда российских республик в 2011 году, разрешающие выпускникам школ сдавать на национальных (нерусских) языках ЕГЭ по родному языку и литературе [6].

Ранее, в ноябре 2002 г., в ответ на Указ Президента Республики Татарстан о постепенном переводе татарского языка на латинскую графику российский парламент дополнил ст. 3 закона РФ «О языках народов Российской Федерации» следующим пунктом: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы» [19].

Очередная неудачная попытка найти согласие в вопросе государственного подхода к этнополитическим вопросам была предпринята в 2007 году, когда был предложен обновленный проект Концепции государственной национальной (этнической) политики Российской Федерации. Однако эксперты, в том числе заместитель Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе В. Зорин, раскритиковали проект. Основное направление критики касалось также разности практикуемых подходов и невозможности применения в чистом виде конструктивистской парадигмы в условиях России: «Если говорить о научно-методологической парадигме

Концепции, следует отметить, что она написана в рамках парадигмы конструктивизма. ... Конструктивистская парадигма в ее чистом виде подразумевает законченность процессов модернизации во всех социальных группах, в том числе этнических. Говоря о России, мы этого наблюдать не можем. Специфика Российской Федерации заключается как раз в том, что на ее территории представлены российская нация (то, что сейчас принято называть русской этнической группой) и конгломерат различных этнических групп, находящихся на разных ступенях модернизации, что весьма осложняет определение объекта национальной политики с точки зрения данной концепции. Таким образом, к некоторым этносам (народы Крайнего Севера) данная концепция не может быть применена чисто методологически. На данном этапе во многих субъектах Российской Федерации реализация государственной национальной политики (в Приволжском федеральном округе – в республиках) исходит из примордиалистской парадигмы, поэтому совмещение или увязка данной концепции с уже реализуемыми программами этнокультурного развития в регионах исключена по определению, поскольку реализуемые подходы к определению феномена этничности исходят из противоположных взглядов» [7].

Немало примеров господства примордиалистского подхода при декларировании приверженности идеям конструктивизма и инструментализма наблюдается в высказываниях федеральных чиновников высокого уровня и ученых, в том числе директора авторитетного Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А. Тишкова. А ведь известно, что политические и интеллектуальные элиты играют важную роль в формировании национализма, его соответствующего характера и направленности.

Результатом является такая трактовка национальной (надэтнической) интеграции в современной России, когда она фактически превращается в интеграцию вокруг русской этнической группы, ассимиляцию нерусских этнических групп (включая коренные этносы) на основе русского языка и русской этнической культуры, возможностями получения всеми образования только на русском языке.

Подтверждает такой подход и В. Путин, 4 марта 2012 года вновь избранный на должность Президента РФ. После десятилетия «забытия» этнополитические противоречия в России весьма явно заявили о себе беспорядками на межэтнической почве в Москве и других крупных городах России в декабре 2010 года. Власти признали актуальность проблемы и одновременно отсутствие продуманных вариантов ее решения. В одной из своих программных статей в преддверии президентских выборов 2012 года В. Путин писал: «Нам необходи-

ма стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим» [17].

Однако в ситуации отсутствия продуманной государственной концепции этнополитики заявления В. Путина пестрят противоречиями. Он проводит попытку провести знак равенства между русской этнической идентичностью и российской гражданской идентичностью, отмечая: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. ...Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности [этнической принадлежности – Э.А.]». А также: «Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура. ... Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию» [17].

Характерно, что такая попытка интерпретировать русскую идентичность как базирующуюся не на этнической, а на национальной (гражданской) основе, фактически не воспринимается как русскими «патриотическими» движениями, так и многочисленными защитниками интересов других народов России.

Так, Д. Рогозин, лидер «национал-патриотической» организации «Родина – Конгресс русских общин» поддержал заботу и беспокойство о проблемах этнических русских, но пожелал «дополнить и развить статью Путина», заявив в этой связи: «На сегодняшний день русский народ – самый крупный разделенный народ Европы. Во многих странах, где проживают наши соотечественники, они по-прежнему подвергаются дискриминации по этническому и языковому признаку. ... Необходимо остановить этническую деградацию и побудить русских к национальному воссоединению. И справиться с этой задачей могут только интегрированные во власть русские патриоты, чувствующие эту проблему и страстно желающие ее решить. Сегодня великий русский язык, русская история и русская культура нуждаются в защите от посягательств со стороны агрессивно настроенных русофобов как за рубежом, так и в самой России» [18].

В то же время, защитники этнических интересов проявляют обеспокоенность тем, что интеграция предлагается и поводится российской политической элитой на основе русской этнической культуры. Отмечалось, что такой подход вновь (как во времена СССР) вводит иерархию этнических общностей, что противоречит положениям Конституции РФ 1993 года и текущего законодательст-

ва о равенстве прав граждан независимо от этнической, религиозной, языковой принадлежности. Например, Р. Ахметов, учредитель и главный редактор издаваемой в Казани, столице Республики Татарстан, газеты «Звезда Поволжья», в ответ на цитируемую статью В. Путина пишет: «Это имперская программа. ... Путин отстаивает, по существу, концепцию мягкой ассимиляции», а также называет эти призывы «прямым нарушением действующей Конституции РФ», когда представителям нерусских народов, составляющим численное и политическое меньшинство в РФ, «в обмен на карьерный рост в очередной раз предлагают ненавязчиво отказаться от религии и даже от культуры, потому что культурное доминирование влечет за собой подавление более слабой культуры» [3].

Следует отметить, что партии, эксплуатирующие этнонационалистическую риторику (Либерально-демократическая партия России, избирательный блок «Родина» [11]), всегда пользовались определенной поддержкой у избирателей, но никогда не имели большинства в российском парламенте. Однако в преддверии парламентских выборов декабря 2011 года этнонационалистические высказывания некоторых представителей власти и известных политиков, претендующих на места в российском политическом истеблишменте, стали появляться чаще [14].

Одновременное присутствие в общественном, политическом и научном дискурсах в России примордиалистского, с одной стороны, и инструменталистского и конструктивистского подходов, с другой стороны, подтверждает мнение А. Ахиезера о том, что современное российское общество «вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации» [2]. С другой стороны, возможно, в этом отражается специфика России или «закономерность нашего времени», учитывая, что вопросы межкультурного взаимодействия стали в последнее время актуальны и во многих тех странах, которые считались в этом отношении «благополучными».

Другие авторы акцентируют внимание на разнообразии населения России, где «по сути, представлен весь спектр известных к настоящему времени уровней и типов экономического развития – от сугубо аграрного до близкого к постиндустриальному» [9; 383]. Регионы Российской Федерации очень разнятся в уровнях экономического развития и, учитывая наличие мест традиционного расселения многих этнических групп, порой линии социального деления совпадают с этническими. Очевидно, что такое разнообразие населения требует учета особенностей разных групп.

Не смотря на включенность Татарстана в общероссийские процессы, ситуация в республике заметно отличается от общероссийской не только специ-

фикой этнокультурного состава населения, но и состоянием дел в сфере этнополитики, что нередко относят к заслугам руководства Татарстана, которое, вероятно, наиболее полно использовало те немногочисленные возможности, которое предоставляло российское законодательство в этой сфере. В частности, в республике еще в мае 1992 года был созван Первый Съезд народов Татарстана и создана Ассоциация национально-культурных обществ Республики Татарстан (АНКО РТ), в 2004 году переименованная в Ассоциацию национально-культурных объединений, а в 2007-м – преобразованная в Ассамблею представителей народов, проживающих на территории Республики Татарстан (Ассамблею народов Татарстана) [1].

Принятая Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» призвана преодолеть слабости «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» 1996 года, быть более современной и в большей степени отвечающей современным российским реалиям, стремится установить соотношение между двумя важнейшими типами идентичности – этнической и гражданской, и каждой из них с религиозной.

В тексте федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)», принятой в развитие Стратегии, признается: «Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности» и их сохранение прямо связывается с заявленной целью «укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)» [16].

В числе главных ожидаемых конечных результатов реализации федеральной целевой программы и показателей ее социально-экономической эффективности – увеличение доли граждан РФ, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в стране, до 65 процентов; а уровень толерантного отношения к представителям другой национальности должен составить 85 процентов [16].

Однако состояние межэтнического взаимодействия как в России в целом, так и в отдельных регионах далеко от заявленных целей. Об обеспокоенности жителей полиэтнических регионов России состоянием межэтнических отношений в своих республиках и ранее свидетельствовали результаты репрезентативных опросов. Так, весной 2002 года таких людей в республиках Башкортостан и

Татарстан было почти две трети взрослого населения, а в республиках Марий Эл и Удмуртия – почти половина [4].

Спустя 10 лет, как показывают результаты опросов, напряженность в этой сфере только возросла, что мы считаем своеобразным результатом проводимой политики «этнического нигилизма», то есть недостаточного и однобокого учета этнического фактора в практической политике. По данным Всероссийского репрезентативного опроса, проведенного аналитическим Левада-центром 24 – 31 января 2011 года, 58% граждан России в той или иной форме поддерживали лозунг «Россия – для русских» и лишь 24% открыто выступают против него, считая его проявлением фашизма; рекордно высокое число граждан России (68%) ответили, что считают долгом правительства ограничить приток приезжих, 54% респондентов допустили возможность массовых кровопролитных столкновений на межэтнической почве в России в настоящее время [12].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) также фиксирует неуклонный рост обеспокоенности россиян состоянием межэтнических отношений в обществе. Если в 2006 г. 36% граждан России отмечали рост напряженности в этой сфере, то в июле 2013 г. уже 49% россиян выразили обеспокоенность ростом напряженности и нетерпимости в сфере межэтнических отношений [13].

В заключение следует отметить, что рост этнического национализма не является «эксклюзивной» проблемой России. Присутствовавший некогда модернистский оптимизм относительно безнадежной отсталости этнического национализма сменился не всегда успешными новыми попытками его объяснения, чаще всего, как ответа на глобализационные процессы по всему миру, сопровождающиеся новыми потоками капиталов, товаров, рабочей силы и мигрантов. Однако другой распространенной причиной, свойственной, в том числе, Российской Федерации, является недостаточный учет этнического фактора в политике, игнорирование интересов меньшинств и принятие решений по большинству в полиэтнических обществах, где «победа» одной стороны неизбежно рассматривается как «поражение» другой стороны, вкупе с доминированием силовой, конфронтационной модели разрешения любых политических противоречий.

Литература

1. Ассамблея народов Татарстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.an-tat.ru/?id=3>, свободный. Дата обращения 27.01.2014.
2. Ахиезер, А. Российский либерализм перед лицом кризиса / А. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1993. – №1.

3. Ахметов, Р. Наия / Р. Ахметов // Звезда Поволжья. – Казань. – 2012. - №3 (588). – 26 января – 1 февраля.
4. Губогло, М.Н. Новая этническая политика России в XXI веке / М.Н. Губогло [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer6/doklad4/>, свободный. Дата обращения 29.01.2014.
5. ЕГЭ должен сдаваться на русском языке – Фурсенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gia.ru/society>, свободный. Дата обращения 06.04.2015.
6. ЕГЭ на татарском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2011/4/8/481626.html>, свободный. Дата обращения 06.04.2015.
7. Зорин, В. Оценка проекта Концепции государственной национальной политики Российской Федерации / В. Зорин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.tatar.info/index.php?showtopic=4681>, свободный. Дата обращения 07.02.2014.
8. Интервью с руководителем депутатской группы «Народовластие» Государственной думы РФ Н.И. Рыжковым // Этнополитология: Учебное пособие-хрестоматия / Сост. и авт. вступ статьи В.А. Тураев. – М.: Ладомир, 2001. – С.394-395.
9. Исаев, Б.А., Баранов, Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Учебное пособие / Б.А. Исаев, Н.А. Баранов. – СПб.: Питер, 2008.
10. Малахов, В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм / В.С. Малахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/5multcult.htm>, свободный. Дата обращения 03.03.2012.
11. Михайловская, Е. Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной Думе / Е. Михайловская // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С.32-72.
12. Национализм в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>, свободный. Дата обращения 02.03.2012.
13. Опрос ВЦИОМ проведён 21-22 июля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. См.: Пресс-выпуск №2501 от

28.01.2014 г. «Международные отношения в России: мониторинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114690>, свободный. Дата обращения: 08.02.2014.

14. Павлова, С. С приближением парламентских выборов количество националистических высказываний на российской политической арене возросло / С. Павлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24327392.html>, свободный. Дата обращения 29.03.2012.

15. Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. – М.: Новое издательство, 2004.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_194694.pdf, свободный. Дата обращения: 08.02.2014.

17. Путин, В. Россия: национальный вопрос / В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

18. Rogozin, D. Русский ответ Владимиру Путину / Д. Рогозин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/513702>, свободный. Дата обращения 23.03.2012.

19. Федеральный закон от 11.12.2002 г. №165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/13394>, свободный. Дата обращения 08.02.2014.

СЕКЦИЯ 4 ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Суслов Е.В.

кандидат политических наук, доцент
Марийский государственный университет
esuslov@mail.ru

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ВЕКТОР ПРИЧИННОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОБЕДЫ ВЕНГЕРСКОЙ ПАР- ТИИ «ФИДЕС» НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В АПРЕЛЕ 2014 г.

Этническая самоидентификация с присущими ей этноэгоизмом и этноцентризмом на рубеже XX-XXI веков оказалась господствующей тенденцией практически на всей территории европейского континента. Предпосылки подобного мейнстрима лежат, прежде всего, в двух важнейших плоскостях: экономической, что стало наиболее очевидным в условиях глобального экономического кризиса 2008г., и идеологической, где этнический национализм стал той субстанцией, который заполнил собой ниши, последовательно освободившиеся после «заката» идеологии коммунизма и недолгого преуспевания идеологии либерализма. Сегодня и коммунизм, и либерализм в разной степени отдаленности пребывают на периферии массового сознания. Однако это не означает, что идеи коммунизма и либерализма окончательно преданы забвению и не имеют шансов на возвращение. Так, в разгар экономического кризиса 2008г. в Европе был бум на «Капитал» К.Маркса как на учебное пособие по выходу из кризиса. Интерес к знаменитой работе начал спадать лишь с экономическим ростом стран Европейского Союза. Идеалы либерализма после триумфа 90-х гг. XX века поблекли в глазах носителей массового сознания, поскольку провозглашение автономии личности и ее прав наивысшей целью общественного развития не могли быть ценностью массового характера.

Общее в этнополитическом тренде, характерном для Европы, известно, поскольку лежит, в сущности, на поверхности, о чем Л.Млечин высказался следующим образом: «Никогда еще национализм не был таким сильным и никогда еще он не пользовался столь страстной поддержкой. На всем европейском континенте появилось новое поколение интеллектуалов, которых не смущает, что они состоят в одной партии вместе с неонацистами» [1]. Труднее – с феноме-

ном единичного в обрамлении национализма, присущего конкретным европейским странам. В рамках предлагаемой статьи рассматривается Венгрия, поскольку руководство именно этой страны в последнее время последовательно демонстрирует свою приверженность консервативно-националистическому курсу. И эта тенденция получила нарочито публичный характер, что особенно проявляется в периоды острой политической конфликтности во время парламентских выборов. Поэтому небезынтересно взглянуть на противоречивую эволюцию этого явления, растянувшуюся на несколько веков и имевшую как взлеты, так и падения.

Исходя из этого, целью написания предлагаемой статьи является выяснение причин и предпосылок заметно выделяющегося сегодня на общеевропейском фоне этнического (этнополитического) «ренессанса» в Венгрии. Периодическое обращение к этнической истории, следствием чего становится формирование определенной этнической картины мира, так же является предметом нашего научного интереса. Эти процессы находят наиболее полное отражение в ходе подготовки и проведения парламентских выборов с характерными для них избирательными конфликтами, которые являются воплощением конкуренции широкого спектра идей и борьбы партийных идеологий.

Венгерский национализм имеет глубокие исторические корни, берущие отчетливое начало еще с эпохи Венгерской революции 1848г., в разгар которой лидер революции Лайош Кошут заявил, что «в Венгрии много национальностей, но лишь одна нация - венгры» [2]. Подобная точка зрения отражала позицию, в сущности, всего венгерского общества. Крестьянам казалось: если господствующее положение займут венгры, то и жизнь крестьянская будет более сытной и благополучной. Джентри – среднепоместное дворянство – и в самом деле пыталось преобразовать старое феодальное государство в новое, которое бы соответствовало их представлениям о западном парламентаризме. Однако и этот передовой слой венгерского общества не желал «применять в национальной сфере демократические и либеральные принципы, с помощью которых они пытались реформировать государство. Напротив, когда венгерское дворянство в полной мере обрело национальное сознание и ... предприняло чудесную попытку возродить национальный язык и культуру, оно смогло представить себе новое государство только исключительно венгерским по своей природе» [2].

В результате латынь сменилась венгерским языком, а цвет венгерского общества – дворянство – категорически отказывалось признавать право невен-

герских народов, населявших Транслейтанию³, на определенный уровень автономности. Причем невенгерские народности⁴, проживавшие на территории Венгерского королевства, не стремились к созданию независимых государств. Лишь хорваты вынашивали мысль о собственном независимом государстве. Остальных устраивало право говорить на родных языках, возможность сохранить свою национальную культуру и иметь представительство в органах законодательной власти. Но даже эти требования венгерской знатью воспринимались как государственная измена и проявление бунтарских настроений.

Великовенгерский национализм имел многочисленные проявления во всех сферах жизни королевства и получил в истории Австро-Венгерской империи название «мадьяризации». В составе дуалистической империи это было возможно, поскольку венгры занимали господствующее положение исходя из доктрины о венгерском превосходстве и едином национальном государстве. Мания величия венгерской элиты, поддерживаемая из прагматических соображений сохранения монархической власти и твердого порядка самим императором Францом Иосифом, сохранила свой пафосный характер вплоть до Первой мировой войны и стала одним из факторов, приведших к гибели монархии.

Тяжелейший удар по великовенгерскому национализму был нанесен в результате подписания 4 июня 1920г. Трианонского договора в рамках Версальского мира. Тогда Венгрия лишилась двух третей своей бывшей территории и около 60% населения. Размер потерь был беспрецедентным: их можно было сравнить лишь с турецкими завоеваниями XVI века. Таким образом, страна стала этнически однородным образованием, что сплотило венгров в их общем горе и еще более усилило ностальгические настроения о былом безвозвратном величии имперской эпохи. От той трагедии венгерское общество не оправилось до сих пор.

Для политиков, не брезгующих никакими средствами, когда дело касалось и касается прихода к власти или ее удержания, стало делом привычным обращаться к трагическим пластам исторической памяти. Как пишет венгерский историк Ласло Контлер, «необходимость пересмотра порочного Версальского мирного договора, на который удобно было списывать все собственные недостатки и недоработки, стала альфой и омегой венгерской политики на протяжении 25 межвоенных лет... Жива она и поныне, когда положение венгер-

³ Транслейтания - (Transleithanien) - неофициальное название Королевства венгров - части территории Австро-Венгрии (1867-1918) в основном к востоку от р. Лейта (лат. trans - через), включавшей Венгрию, Словакию, Хорватию, Трансильванию и др.

⁴ Венгерское королевство населяли чехи, словаки, немцы, румыны, хорваты, сербы, словенцы, русины, поляки, далматинцы.

ских диаспор за рубежом и отношение к этой проблеме со стороны партийных и общественных деятелей входит в число главных направлений внутренней и внешней политики государства» [3]. Ретроспективный взгляд на проблему этнической самоидентификации венгров позволяет зафиксировать наличие следующей тенденции: имперская эпоха венгерской истории «отравила межнациональные отношения в Центральной Европе» [3], а пришедшее ему на смену относительно мирное межвоенное двадцатилетие «ничего не сделало для их оздоровления, а, напротив, придав им трагическое звучание, сохранило национальный вопрос в том архаичном виде, в каком он существовал в XIX в., вплоть до самого конца XX, а, вполне возможно, и до начала XXI в.» [3].

Венгрия одной из первых среди бывших стран народной демократии ступила на путь решительного отказа от социалистического пути развития, что отразилось в безуспешной попытке в октябре-ноябре 1956г. совершить революцию, а позже – в созыве Общенационального «круглого стола» всех политических сил страны, позволившего без кровопролития обеспечить передачу власти победившей на первых демократических выборах оппозиции. Казалось бы, налицо все необходимые условия для дальнейшего последовательного демократического транзита страны по европейским лекалам, однако, демократический политический порядок в стране не задался. Во всяком случае, это стало очевидным после повторной победы на парламентских выборах в апреле 2014г. правящей партии, представляющей консервативно-реставрационные политические силы Венгрии.

Для тех, кто на экспертном уровне отслеживает динамику политических процессов в Венгрии, результаты выборов в Государственное Собрание страны неожиданностью не стали. Прогнозы политологов и социологов были более чем обнадеживающими для правящей партии «ФИДЕС», возглавляемой премьер-министром Виктором Орбаном. Прогнозы в целом оправдались. Правящая партия набрала 45% голосов, на втором месте с 26 процентами оказалась левая коалиция «Смена власти», на третьем месте – праворадикальная партия «Йоббик» («За лучшую Венгрию») с 20 процентами. Пятипроцентный барьер преодолела и партия зеленых – ЛМП.

И все же победа Виктатора⁵ не абсолютна. За четыре года «ФИДЕС» потеряла 700 тысяч голосов и перестала быть партией конституционного боль-

⁵ Такое нарицательное прозвище Орбан получил в период второго своего премьерства, когда, располагая конституционным большинством в парламенте, провел ряд реформ, в соответствии с которыми поставил в прямую зависимость от правительства такие институты, как Верховный суд и Центральный банк, что для демократической страны является нонсенсом. Властные полномочия премьер-министра еще более усилились после принятия новой Конституции Венгрии, выдержанной в духе правоконсервативной идеологии. Конституция,

шинства, тогда как социалисты увеличили число своих сторонников на 200 тысяч голосов, а «Йоббик» – на 100 тысяч. Несмотря на кажущиеся потери, можно быть уверенным, что «ФИДЕС», утратив господствующее положение в парламенте, сделает ставку на союзнические отношения с одиозным «Йоббик», что позволит продолжить курс на усиление националистического тренда в стране под лозунгом восстановления «Великой Венгрии».

Следует обратить особое внимание на набирающую силу «Йоббик». Если националистический тренд не станет достоянием истории для Европы, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе не ожидается, то для «Йоббика» лучшие времена еще впереди. В свое время эта партия буквально восстала из пепла после катастрофического поражения правых сил на парламентских выборах 2002 г. Тогда партийным этнополитическим предпринимателям удалось увлечь правыми идеями, прежде всего, студентов вузов и иную молодежь. Сегодня «Йоббик» в массовом сознании венгров позиционируется как крайне правая национально-консервативная партия, целью которой является защита традиционных ценностей нации, противостояние силам, направленным на подрыв нации и государства. Увеличению числа сочувствующих этой партии способствовали реанимация христианской риторики, манифестация защиты ценностей и интересов венгерского этноса в противовес европейской идентичности. Особым проявлением венгерского национального характера для представителей этой партии считаются публичные заявления в духе ксенофобии и антисемитизма, что находит питательную среду в антииммигрантских настроениях некоторой части венгерского общества. Немало своих сторонников «Йоббик» приобрел, сделавшись ярким противником евроинтеграции и жестким критиком Европейского Союза. Лидер партии Габор Вона в одном из своих интервью заявил: «Прежде всего, мы должны сойти с корабля, чтобы излечиться от наших болезней. В ЕС мы были приняты для того, чтобы колонизировать нас, чтобы использовать нашу дешевую рабочую силу и завладеть нашими рынками. Западные компании и банки сейчас стараются поддерживать свои системы с помощью прибыли, которую они выкачивают из нашей страны на Востоке. И это только экономическая сторона проблемы. До сих пор я являюсь единственным политиком в Венгрии заявившим, что евроатлантизм должен быть заменен на евразийство» [4].

вступившая в силу 1 января 2012г., исключила из официального названия страны слово «республика», что предоставило для Орбана своеобразный карт-бланш для территориальных притязаний к таким соседним государствам, как Чехия, Словакия, Румыния и др. в русле пересмотра положений Трианонского мирного договора 1920г.

Правящая партия «ФИДЕС» в силу своего официального положения время от времени пытается соблюсти внешнее приличие, прибегая к спасительной риторике, однако, подобная гибкость Виктору Орбану удастся все меньше и меньше. «В июне 1989 года – когда в Венгрии еще не было покончено с коммунизмом – 26-летний длинноволосый молодой политик взобрался на трибуну на площади Героев в Будапеште и сказал речь. Более 200 тыс. собравшихся слушали, как он требовал отставки правительства, свободных выборов и вывода советских войск. То, что он требовал, было очень рискованно, даже опасно для жизни», – пишет обозреватель немецкой газеты «Die Zeit» Михал Кокот. Но спустя 25 лет «все это оказалось забыто: у Виктора Орбана, который 25 лет назад боролся за западную либеральную демократию, и нынешнего 50-летнего премьер-министра Орбана нет ничего общего» [5]. Нынешний Орбан в угоду политической целесообразности отрекся от ценностей либеральной демократии, поскольку она, по мнению Орбана, изжила себя и не может гарантировать венграм защиты их национальных интересов и материального благосостояния. Поссорившись фактически со всей Европой, он считает единственным следствием следовать в фарватере российской внешней политики. Пока это выгодно. Тем более Россия в настоящее время находится в состоянии поиска в Европе политических союзников независимо от их идеологической ориентации и ценностных приоритетов.

В предыдущем парламенте идеологические симпатии между «ФИДЕС» и «Йоббиком» никогда особенно и не скрывались. Более того усилиями правящей партии и сторонников из «Йоббик» удалось заметно изменить институциональный дизайн венгерского парламента и законодательства о выборах. «В результате изменений избирательного законодательства численный состав парламента уменьшился с 386 до 199 депутатских мест. При этом 106 депутатов избраны от одномандатных округов и 93 – по партийным спискам» [8]. Фокус заключался в том, что в соответствии с новым законодательством о выборах заграничные венгры получили право голосовать по партийным спискам.

Чрезмерная идеологизация политического курса страны на почве правого консерватизма вызвала к жизни конфликт со сторонниками европейского выбора. Эта разновидность конфликта, как известно, наименее регулируема, поскольку является, как правило, конфликтом с «нулевой суммой». Поэтому многим гражданам страны, находящейся в центре Европы в окружении демократических государств, такой курс не по душе. Как отмечает М.Лопатто, больше половины избирателей желают смены власти [6]. Однако оппозиция в лице либералов, демократов и социалистов оказалась дезорганизованной, что в

последнее время особенно характерно для представителей этих идеологических трендов. И не только в Венгрии. Будучи разбросанной по пяти политическим партиям, венгерская оппозиция с трудом сформировала единую коалицию, но выработать общую программу действий не смогла. Налицо – институциональный конфликт в рамках оппозиционной подсистемы. Индикатором неспособности к институционализации конфликта сторон стало то, что политические противники Орбана несколько раз меняли название своего блока, остановившись в последний момент на названии «Смена власти». К тому же установка на противостояние лидеру существующей власти стала единственным объединяющим фактором. Это не могло не отразиться на предпочтениях electoralной аудитории, для которых была важна демонстрация готовности к реальному улучшению положения граждан на основе ясных и простых политических лозунгов. Именно так поступил «ФИДЕС», вооружившись формулой «Мы продолжаем!», в дополнение к которой рефреном звучали слова «национальный интерес» и «национальная цель». Подобная национально-ориентированная риторика вкупе с некоторыми успехами в борьбе с безработицей и снижением тарифов ЖКХ обеспечили достаточное число сторонников партии. В соответствии с логикой популистского поведения в политике, накануне выборов открылась новая линия метро в Будапеште и была завершена реконструкция площади Кошута перед зданием парламента. Иными словами, ярко выраженный конфликт в социально-экономической сфере зафиксирован не был, хотя в латентной, не взрывоопасной форме он, конечно, присутствовал.

В активе Виктора Орбана в рамках его националистического популизма была опора на историческую память венгров. Как отмечалось, лидер «ФИДЕС» не первый политик за почти столетнюю историю Венгрии, который обращается к спасительной для венгерских политиков «родовой травме» – к геополитической трагедии, связанной с Версальским (Трианонским) мирным договором. Однако Орбан в использовании «родовой травмы» пошел дальше своих политических предшественников, придумав карту «зарубежного избирателя». Выборам предшествовало вручение паспортов этническим венграм, проживающим в сопредельных государствах, что не могло не принести дополнительные голоса правящей партии. Так, только в Закарпатской Украине на начало ноября 2013г. этническими венграми получено, как отмечает М.Загоровский, около 10 тысяч паспортов. Всего же заявок на получение паспортов было около полумиллиона [7]. Конечно, получение паспортов для этнических венгров было сопряжено с определенными неприятностями, поскольку в некоторых странах (в Словакии, например) двойное гражданство запрещено, в других – налагается штраф. Не-

смотря на возможные наказания, для части этнических венгров желание иметь паспорт государства – члена ЕС оказалось привлекательным и прагматичным одновременно.

Вручение паспортов, вызвавшее неудовольствие в сопредельных странах и как следствие – напряженность в двусторонних отношениях, стало лишь первым шагом в далеко идущих, похоже, стратегических планах Виктора Орбана и его сторонников. Второй шаг – вызвать нестабильность в пограничных с Венгрией государствах. По словам М. Загоровского, «дестабилизирующим фактором стала деятельность венгерских партий на территории других государств, с которыми, для обеспечения опоры своей власти, правящая партия «ФИДЕС» укрепляет связи и активно помогает и словом, и делом. «ФИДЕС» косвенно финансирует венгерские партии в Румынии, в том числе Венгерскую народную партию Трансильвании (EMNP), члены которой призывают к созданию венгерской автономии на территории Трансильвании» [7]. Похожий сценарий разворачивается и в Закарпатье, где венгерская диаспора проявляет высокую активность. Пока она настроена иметь лишь венгерскую автономию в Закарпатской области, но частые визиты к ним представителей праворадикальной партии «Йоббик» ничего конструктивного в условиях заметно ослабевшего украинского государства не сулят.

Ясно, что потерянные некогда территории уже не вернуть, но за счет «пульсирующих» конфликтов в них можно извлекать немалую выгоду: поддерживать реноме сильного политика, позволяющего себе конфликтовать с Европейским Союзом, концентрировать власть в одних руках для улучшения позиции страны в переговорах с государствами Центральной Европы и, наконец, усилить геополитическую значимость Венгрии.

Несмотря на закрывающиеся, казалось бы, «окна возможностей» для демократического развития Венгрии, эту страну не следует соотносить к европейским изгоям, поскольку по многим параметрам она вполне соответствует демократическим нормам и правилам. Уверенность в «возвращении» в Европу сохраняется и функциональностью демократического института выборов, нареканий к которым зафиксировано не было, поскольку они по-прежнему обеспечивают для оппозиционных партий возможность победить на выборах и прийти к власти.

Таким образом, предложенный анализ этнополитической ситуации в Венгрии сквозь призму избирательного конфликта показал, что:

– избирательный конфликт есть разновидность политического конфликта, который в современном демократическом государстве играет роль индикатора,

тора состояния конфликтов в иных сферах вместе взятых, но не в суммарном, а интегративном значении;

– предметом изощренных манипуляций в политической сфере страны по-прежнему остается феномен Трианонского мирного договора, ставший для венгров «родовой травмой»;

– усиленная идеологизация политического курса страны на основе правого консерватизма вызвала конфликт со сторонниками европейского выбора, приведший к столкновению приверженцев европессимизма и еврооптимизма;

– внешнеполитические факторы настойчиво используются действующей властью в интересах выстраивания авторитарного типа политического порядка в стране, в котором, однако, сохраняются «окна возможностей» для венгерской демократии.

Литература

1. Млечин Л. Вспышка справа. Антифашистский рефлекс – не иметь дело с ультраправыми – утрачен. Ненависть к американцам, либерализму и Евро-союзу берет в Европе верх [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/63714.html> – Проверено 7.07.2014.

2. Яси Оскар. Распад Габсбургской монархии. – М.: Три квадрата, 2011. – 608 с.

3. Контлер Ласло. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 656 с.

4. Вона Габор: «Евроатлантизм должен быть заменен на евразийство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.polismi.org/index.php?topic=5345> – Проверено 7.07. 2014.

5. Кокот М. Венгерский премьер строит из себя Путина // Die Zeit. – 31 июля 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/31Jul2014/zeit/orban.html> – Проверено 7.07. 2014.

6. Лопатто М. Орбан. Без альтернативы. 7 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/25323508.html> – Проверено: 14.05.2014.

7. Загоровский М. Выборы в Венгрии – в ход пойдет украинская карта. 7 ноября 2013г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inpress.ua/ru/politics/19550-vybory-v-vengrii-v-khod-poydet-ukrainskaya-karta> – Проверено: 14.05.2014.

8. Парламентские выборы пройдут в Венгрии. 6 апреля 2014г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140406/1002689882.html> – Проверено: 14.05.2014.

Тюрикова И.И.

кандидат философских наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
i.tyurikova@narfu.ru

КАНАДСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОТ «МЯГКОГО» ВАРИАНТА К «ЖЕСТКОМУ»

Термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-ых годах для обозначения как определенной политической практики, так и состояния общества, характеризующегося культурным многообразием [1]. За свою относительно недолгую историю, начавшуюся с 70-ых годов XX века, политика мультикультурализма прошла длинный путь от восхваления её либеральных принципов свободы культурного самоопределения до порицания как политики провальной и угрожающей, экономически и политически, современному национальному государству [2]. Тем не менее, каково бы ни было отношение к данному политическому проекту, следует помнить, что мультикультурализм представляет собой не единую политическую модель, а множество политических практик, реализуемых в различных контекстах. В качестве примера, показывающего неоднородность мультикультурализма как политической практики, в статье предлагается изучить канадский опыт построения политики мультикультурализма, где, казалось бы, в одном и том же национальном контексте, рассматриваемая политическая практика реализовывалась в различных вариантах, так называемых, «мягком» и «жестком» вариантах политики мультикультурализма [3-6].

Случай Канады интересен тем, что мультикультурализм как политическая практика, направленная на интеграцию культурных меньшинств, впервые официально был принят именно в этой стране. Произошло это в октябре 1971г. как прямой ответ на протесты культурных меньшинств Канады, выражающих неудовлетворение рекомендациями Королевской Комиссии 1963 г. [7]. Согласно предложенным рекомендациям, в стране предполагалось установление «равного партнерства между двумя основополагающими народами» [7; с. 46] Канады,

а именно: между англоговорящими большинством и франкоговорящим меньшинством, населяющим провинцию Квебек. В Канаде официально должна была быть принята политика билингвизма и бикультурализма, что означало бы признание официальными только двух языков и двух культур. В ответ на протест многочисленных иноэтнических меньшинств, в особенности групп украинского происхождения, правительство в итоге отказалось от идеи формирования бикультурного общества в пользу идеи создания «мультикультурного общества в рамках билингвизма» [7; с. 47].

Принятая в 1971 г. политика мультикультурализма соответствовала, так называемому, «мягкому», или «классическому», варианту данной политической практики, который вписывался в идеологию Прав Человека и сформировался в рамках классического либерализма – доктрины, утверждающей свободу и равенство индивидов, а также толерантность по отношению к различиям [5; 8]. Главным приоритетом «мягкого» варианта политики мультикультурализма провозглашалось достижение расового равенства и равенства отдельных народов и культур путём защиты *индивидуальных* прав и свобод личности. Индивидуальные права рассматривались достаточными для защиты прав и интересов членов культурных групп.

В соответствие с либеральной традицией сторонники классического мультикультурализма делали акцент на положении о свободе и равенстве индивидов и отстаивали «идеал индивидуальной автономии» [9; с. 24]. М. Волцер, сторонник «мягкой» модели мультикультурализма, под индивидуальной автономией подразумевает, что каждый индивид, независимо от расы, пола, возраста и т.д., является свободной автономной личностью, имеющей право на самоопределение и свободный выбор, будь то выбор профессии, друзей, партнеров по браку, политической партии, религии и т.д. Индивидуальная свобода личности также выражается в праве выбора принадлежности к той или иной культуре [10; с. 52]. Следовательно, для того, чтобы каждый индивид мог реализовать право на культурное самоопределение и культурную принадлежность, в либеральном обществе должно поддерживаться культурное многообразие, а к укладу и особенностям жизни меньшинств должно формироваться толерантное отношение. Толерантность в данном случае следует понимать как функциональное одобрение различий, предоставляющее каждому индивиду всю полноту свободы выбора и самореализации [9].

Важным для понимания причин последующих трансформаций политики мультикультурализма является то, что её первоначальный вариант был направлен на удовлетворение требований культурных меньшинств, представленных, в

первую очередь, так называемыми, «старыми иммигрантами», т.е. иммигрантами европейского происхождения [11; с. 197]. Их требования, а именно: признание исходных культур и языков как основ идентичности членов культурных групп - имели, главным образом, «экспрессивный» характер [7; с. 48]. Сторонники «мягкого» мультикультурализма, соответственно, акцентировали внимание исключительно на культурных аспектах жизни групп меньшинств. Социальные, экономические и политические права членов культурных групп в рамках «мягкого» либерального мультикультурализма не рассматривались как проблема.

В 80-90-ые годы в идеологии и политике либерального мультикультурализма происходят значительные изменения, которые, как отмечает С. Вэйлэнд, выводят мультикультурализм за пределы начальных целей [7]. Изменения происходят, главным образом, ввиду того, что в конце 70ых годов в принимающих иммигрантов государствах растет количество, так называемых, «новых иммигрантов» – выходцев из стран третьего мира и стран Азии [11; с. 197]. В отличие от «старых» иммигрантов европейского происхождения, «новые» иммигранты были заинтересованы не в сохранении своего культурного богатства, а в большей степени в искоренении «предвзятого к ним отношения и дискриминации на почве расовой принадлежности», а также в решении социальных и экономических проблем, с которыми они сталкивались в повседневной жизни [12]. После переезда в новую страну большинство иммигрантов из стран третьего мира и Азии сталкивались с проблемой расовой дискриминации, что серьезно осложняло их интеграцию в новое сообщество. Дискриминация на почве расовой принадлежности была основной причиной проблем с поиском жилья, работы, также она затрудняла доступ к ряду социальных услуг и образованию. Кроме того, для интеграции в новое сообщество иммигранты были вынуждены изучать язык принимающей их страны. Значительные различия в ценностных, религиозных, культурных установках также представляли собой серьезное препятствие на пути к интеграции.

В сложившихся условиях «новые» иммигранты меньше всего были заинтересованы в сохранении своих исходных культур, поскольку поддержание особой культурной идентичности усугубляло уже существующие проблемы. С одной стороны, оно требовало от культурных меньшинств дополнительных финансовых затрат. С другой стороны, поддержание «новыми» иммигрантами своих культурных представлений и традиций на практике приводило к торможению их интеграции в принимающее сообщество. В результате, несмотря на одобрение и продвижение на государственном уровне политики либерального

мультикультурализма, на уровне повседневной практики поддержание культурного многообразия было затруднительным.

Для дальнейшего продвижения политики мультикультурализма и поддержания культурного многообразия в обществе было необходимо сначала удовлетворить требования «новых» иммигрантов, основными из которых были искоренение расовой дискриминации и предоставление равных возможностей (при приеме на работу, в доступе к образованию и социальным услугам, в обеспечении жильем и т.д.). Очевидно, что политика «мягкого» либерального мультикультурализма, в рамках которой внимание акцентировалось исключительно на культурных аспектах жизни групп меньшинств, не подходила для удовлетворения перечисленных выше требований. Для решения проблем «новых» иммигрантов был необходим «более претенциозный» вариант политики мультикультурализма, предоставляющий иммигрантам возможности «полного политического и экономического участия в жизни общества» [7; с. 48]. Таким вариантом стал «жесткий» либеральный мультикультурализм 80-90-ых годов, который был своего рода ответом на изменения этнического и расового состава принимающих иммигрантов стран, и соответственно, ответом на изменения требований этнических и расовых меньшинств.

Основная идея «жесткого» варианта либерального мультикультурализма заключалась в том, что для поддержания культурного многообразия, общество должно принимать активные меры для обеспечения культурных меньшинств максимальными возможностями как для полноценного участия в жизни сообщества, так и для сохранения их особых идентичностей и традиций. Согласно новому подходу, к культурному многообразию следовало относиться не просто толерантно (как это предполагалось в «мягком» варианте), его нужно было «укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами, так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав» - *групповых прав* [3]. Требование особых прав для культурных меньшинств определило выход политики мультикультурализма за рамки традиционной доктрины Права Человека, так как предполагало рассмотрение в качестве носителей прав не отдельных индивидов – членов культурных групп, а целых коллективов как носителей аутентичной культуры.

Переход к политике либерального мультикультурализма как политике групповых прав был определен рассмотрением доктрины Прав Человека как неспособной решить некоторые из наиболее важных и противоречивых вопросов, касающихся защиты культурных меньшинств [9]. Например, должна ли предоставляться культурным меньшинствам возможность получения образова-

ния на их родном языке? Должны ли распределяться политические должности в органах управления между представителями различных культур пропорционально числу населения соответствующих культурных групп? Должно ли предоставляться коренным народам право на использование их родных земель? Какой уровень интегрированности должен быть достигнут иммигрантами прежде, чем они смогут претендовать на получение гражданства? и др. По мнению сторонников «жесткого» мультикультурализма, проблема заключалась не в том, что традиционная доктрина Прав Человека давала неправильные ответы на эти и другие вопросы, а в том, что она не давала ответов в принципе [9]. Ориентированные на защиту прав индивидов, идеология Прав Человека и «мягкий» мультикультурализм рассматривались как неспособные решить проблемы, с которыми сталкивались культурные меньшинства не как отдельные личности, а как целые коллективы. В качестве наиболее адекватного решения проблем культурных меньшинств как целостных культурных групп стала рассматриваться возможность предоставления им в рамках «жесткого» мультикультурализма особого рода прав - групповых прав. Групповые права подразумевались как направленные на защиту не индивидуальных, а коллективных интересов членов культурных групп.

Укрепление «жесткого» варианта мультикультурализма как политики групповых прав и его дальнейшее развитие во многом стало возможным ввиду появления политических теорий либерального мультикультурализма Чарльза Тейлора и Уилла Кимлика [10; 13]. В своих работах авторы представили взгляд на культуры как на единые, гармоничные, целостные системы норм и ценностей, погружение в которые определяет процесс формирования коллективной и индивидуальной идентичностей носителей культуры. В такой интерпретации культура употреблялась ими в качестве синонима идентичности, как коллективной, так и индивидуальной. Соответственно, коллективная и индивидуальная идентичности фактически отождествлялись. Последнее привело на уровне теории к приравниванию групповых и индивидуальных интересов носителей культуры, а на уровне политической практики - к обоснованию введения групповых прав как нового типа права, субъектом которого выступает культурный коллектив, а не отдельный индивид. В дальнейшем именно «жесткий» мультикультурализм 80-90-ых годов получил широкое распространение в европейских государствах (например, Франции, Германии, Нидерландах).

Приведенный выше краткий обзор становления и дальнейшего развития мультикультурализма в 60-90-ые годы в Канаде показывает, что рассматриваемая политическая практика не представляет собой некой единой политической

модели. Даже при условии осуществления на территории одного и того же государства канадский мультикультурализм за несколько лет претерпел значительные изменения, которые потребовали пересмотра его теоретических основ: принципов классического либерализма и установок доктрины Прав Человека. Дальнейшее распространение политики мультикультурализма в других иммигрантских странах и в национальных государствах Старого Света привело к ещё большей модификации данной политической практики. Соответственно, в тех случаях, когда речь идёт о критике мультикультурализма или даже его «провале», всегда следует помнить, что мультикультурализм представляет собой не единую политическую модель, а множество политических практик, реализуемых в различных национальных контекстах и исторических рамках.

Литература

1. Терборн, Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. Том 1. – 2001. - №1. – С. 50-61.
2. Меркель заявила о провале мультикультурализма // BBC News. – 2010. – 17 октября 2010 г. - [Электронный ресурс]. - – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/russian/international>, свободный. – Проверено: 08.04.2015.
3. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. – [Электронный ресурс]. – – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>, свободный. – Проверено 8.04.2015.
4. Multiculturalism: What does it mean? // BBC News. – 2011. - 7 February. - [Электронный ресурс]. - – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-12381027>, свободный. – Проверено 8.04.2015.
5. *Betts, K. The Great Divide: Immigration politics in Australia.* Sydney: Duffy and Shellgrove, 1999. – 462 p.;
6. Windschuttle, K. Intellectuals, immigration and multiculturalism. Sidney: Macleay Press, 2004. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sydneyle.com/Multiculturalism>, свободный. - Проверено: 01.04.2015
7. Wayland, V. S. Immigration and Multiculturalism in Canada // International Journal on Group Rights. – 1997. - № 5. – P. 33-58.
8. Kymlicka, W. The Essentialist Critique of Multiculturalism: Theories, Policies, Ethos. // Raison publique. – 2010. – 19 février. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.raison-publique.fr/IMG/pdf/Kymlicka.Essentialist_critique_of_multiculturalism.Paris.pdf, свободный. - Проверено: 01.04.2015

9. Уолцер, М. О терпимости. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 106.
10. Kimlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – 264 p.
11. Raz, J. Multiculturalism // Ratio Juris. – Vol. 11. – 1998. – № 3. – P. 193-205.
12. Multiculturalism in Canada // Mount Alison University, 2011. – [Электронный ресурс]. – – Режим доступа: http://www.mta.ca/about_canada, свободный. – Проверено: 01.04.2015.
13. Taylor, Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1992. – 59 p.

Сидоров В.В.

кандидат политических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
arnhem27@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ

Известный норвежский политолог Стейн Роккан выделил 4 базовых социальных раскола, влияющих на формирование национальных государств. Этими расколами являются: город – село, центр – периферия, церковь – государство, буржуазия – рабочий класс. Эта аналитическая схема является удобным инструментом для анализа формирования наций-государств.

Анализируя историю становления Швейцарии можно отметить, что одним из ключевых расколов стал религиозный раскол. Долгая борьба между радикальной и клерикальной партиями в Швейцарии после окончания Наполеоновских войн привели к принятию конституции 1848 года, которая закрепила победу либеральных ценностей [2]. На мой взгляд, важным расколом является также этнолингвистический раскол, который оформил идентичность кантонов, и таким образом опосредовано стал фактором нациеобразования. Стоит отметить, что Швейцария это пример строительства федеративной нации–государства снизу, консоциативным способом.

Нигерия как федеративное государство сформировалась в результате «ухода» колониальных властей Великобритании. Религиозно–этнический раскол является основной причиной проблемы в строительстве единой нигерийской нации. Можно ли сказать, что Нигерия сформировалась в результате раскола «центр–периферия»? Скорее всего нет, так как говоря об этом расколе, С.Роккан имел ввиду совершенно другое [1]. Появление государств в результате распада колониальных империй – совершенно особый способ нациеобразования.

Сложно анализировать нациеобразование Южной Кореи с помощью инструмента, созданного для Западной Европы. Формально Республика Корея возникла в результате раскола Кореи на Южную и Северную части. Такое разделение стало частью «большой игры» двух сверхдержав и Китая, и разделение между ними зон влияния в регионе Юго-Восточной Азии. Условно говоря, в строительстве Южной Кореи наибольшую роль сыграл идеологический раскол между собственниками и рабочими. Южная Корея выбрала путь, где ставка в развитии делается на капиталистическую модель экономики, в то время как Северная Корея решила этот идеологический раскол с помощью уничтожения класса собственников.

Схожесть Кореи и Нигерии заключается в чрезвычайно сильном внешнем воздействии и статусе «зависимых» государств, в то время как Швейцария за исключением недолгого периода была вполне самостоятельным государством. Однако движущие силы национального строительства, как мы показали в анализе, – совершенно различны.

В Швейцарии в соответствии со статьей 3 федеральной конституции, кантоны являются суверенными в той мере, в которой их суверенитет не ограничен федеральной Конституцией. Для федеральной конституции кантоны являются государствами в составе федерации. Они обладают ограниченными, тем не менее, самостоятельными внутренними и внешними обязательствами, как и суверенные государства. Кантональная государственная власть также проявляется в вопросах, относящихся к полномочиям кантонов в сфере расходования и налогообложения. Фактически, кантоны обладают существенными полномочиями в сфере расходования и налогообложения. Федеральный подоходный налог очень ограничен по сравнению с кантональным подоходным налогом. Федеральный подоходный налог был впервые введен в конституцию этого века и все еще имеет некоторые ограничения. Более того, федеральное правительство имеет право облагать федеральным подоходным налогом не более 11.5% дохода налогоплательщика. Автономия кантональных правительств, которая выражается в

их праве на самоопределение в отношении внутренней структуры, организации органов власти (законодательных, исполнительных и судебных) и содержания демократических прав их граждан, составляет сущность швейцарского федерализма. К сфере полномочий федерального правительства относятся оборона, внешняя политика, социальное страхование, транспорт, энергетика, экономика и торговля [3]. Кантоны отвечают за полицию, здравоохранение, образование, культуру, жилищное хозяйство, районирование и планирование, а также за выполнение федеральных стандартов в области экологии.

В Нигерии, в которой наиболее полно воплощены особенности принципов сверхцентрализованной федерации, пытались создать территориальную, а не этническую федерацию, состоящую из примерно одинаковых штатов, и проводить политику равного распределения постов и в центральном правительстве, чтобы избежать гегемонии какой-либо этнической, региональной или племенной группы. Но региональная напряженность неизменно следовала этническим водоразделам, что уже трижды вызывало коренную перекройку границ штатов. Нигерийские власти хотят использовать плюсы федерализма, избежав его минусов. Даже Конституция определяет нигерийскую федерацию как «высокоцентрализованную». Список компетенций федеральной власти включает более 60 пунктов. Штаты не имеют собственного гражданства, своей Конституции, не могут выступать в качестве субъектов международного права, не обладают правом выхода из федерации. Их исключительная компетенция – уголовное, гражданское и процессуальное законодательство, тогда как к совместной компетенции федерального центра и штатов относятся вопросы экономического развития, сбор налогов и распределение доходов, энергетика, высшее образование.

Конституция Республики Корея чрезвычайно мало говорит об административно-территориальном делении. Лишь в 8 главе Конституции пишется о местной автономии и указывается, что «местные правительственные органы отвечают за административные вопросы, касающиеся благосостояния местных жителей, распоряжаются имуществом, а также уполномочены издавать постановления относительно местной автономии в рамках законодательства и правовых норм». Такой скудный перечень предметов ведения и полномочий связан с унитарным территориальным устройством Южной Кореи с небольшой степенью децентрализации [4].

Анализируя конституции трех государств мы видим три совершенно различные модели территориального устройства власти. Швейцария является де-

централизованной федераций, Нигерия – централизованной федерацией, а Южная Корея – унитарным государством.

Какие институты оказали влияние на формирование территориально–государственного устройства этих трех государств и как эти институты эволюционировали?

В Швейцарии, на мой взгляд, основные институты, оказавшие влияние на становление децентрализованной федерации стали – парламент Швейцарского Союза (Сейм), политические партии (клерикальная и буржуазная) и сами кантоны (субъекты федерации). Швейцарский Сейм выступил прообразом будущего Федерального собрания Швейцарии, славящегося своей стабильностью и особой формой взаимоотношения с органами исполнительной власти Союза и кантонов. Правительство Швейцарии не несет прямой ответственности перед парламентом. Корни этого феномена в институциональном плане лежат в событиях середины 19 века, когда Швейцарский Сейм при поддержке буржуазных сил отвоевывал свое место в политической системе. Политические партии того времени мало было похожи на современные, однако их роль в окончательном закреплении швейцарского федерализма так же велика. Клерикальные партии выступали за более высокую централизацию. Наиболее старым и важным институтом являются сами швейцарские кантоны, эволюцию которых можно проследить с XI века. Объединение и эволюция кантонов, связанная с давлением внешних сил предопределили децентрализованный способ формирования будущей федерации.

Анализируя эволюцию режима и административно–территориальное деление Нигерии можно выделить следующие политические институты, оказывающие решающее воздействие на нигерийскую политику. Во-первых, это этно-религиозные политические партии. Динамика их взаимоотношений и конфликтов определяла суть политического процесса в Нигерии. Федерализм для Нигерии – способ сглаживания этнических противоречий. Кроме того, армия выступала актором, который на протяжении всей истории независимой Нигерии вмешивался в политику. Федерализм является инструментом демократического режима, невозможен реальный, а не декларативный, федерализм при недемократическом режиме. Любой приход к власти военных означал конец федерализма.

Выбор формы государственного устройства обусловлен как внешними факторами – вмешательство США, наличие агрессивного коммунистического соседа, так и институциональными факторами. На мой взгляд на первый план здесь выходят неформальные институты. Азиатским государствам не свойст-

венна федеративная форма государственного устройства. Это связано с традиционной ориентацией местных органов власти на центральные органы власти.

Таким образом, сравнивая три государства, мы видим диаметрально противоположные пути развития национального государства и связанные с ним выбор формы государственного устройства.

Литература

1. Соломонова С.А. Федеральная конституция Швейцарии 1848 г. / С.А. Соломонова // Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 163-167.
2. Жукова Е. Стейн Роккан – выдающийся создатель теорий и структур / Е. Жукова, М. Миронюк // Политическая наука. – 2006. – N 4. – С. 7-15.
3. Фляйнер Т. Швейцария: Конституция федеративного государства и кантонов / Т. Фляйнер // Казанский федералист. – 2002. – N4.
4. Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории / А.В. Торкунов, В.И. Денисов, В.Ф. Ли. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. - 544 с.

Гуджатуллаев Р.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
rusgud@bk.ru

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ СЕЦЕССИОНИСТСКИХ ПРОЦЕССОВ

Этнополитические конфликты имеют широкое распространение как в современном мире, так и в истории человечества, создавая угрозу для безопасности человека, этнических групп и государства. Большинство данных конфликтов сопровождаются человеческими жертвами, экономическим ущербом, оказывает значительное влияние на развитие и характер политических систем и направления политического курса государств. На сегодняшний день этнополитические конфликты наблюдаются более чем в 40 государствах [1]. Особо сложная ситуация складывается в случае сепаратистского контекста данных конфликтов, когда в их структуру встраиваются вопросы суверенитета, территориальной целостности государства и права народов на самоопределение. Этнополитические конфликты демонстрируют ряд негативных явлений в области

политики, экономики и культуры. Для их ликвидации необходимо создание эффективных политических институтов и механизмов политической деятельности в целях достижения консенсуса между различными группами и общегруппового развития. Этнополитические конфликты не обошли стороной Российскую Федерацию, а также ряд государств на постсоветском пространстве. В данном регионе насчитывается ряд этнических войн и кратковременных вооруженных столкновений (абхазский, карабахский, приднестровский, чеченский, ошский, осетино-ингушский конфликты) и значительное количество конфликтогенных случаев межэтнической и межконфессиональной напряженности. [1]

Сложность этнополитических столкновений объясняется рядом особенностей таких конфликтов.

Первое. Чаще всего этнические противоречия носят глубокий исторический характер, что делает невозможным адекватный диалог между сторонами, так как происходит транзит негативного образа «противника» (зачастую другая этническая группа, с которой был конфликт) в этнической группе и между поколениями данного этноса.

Второе. Этничность затрагивает бессознательную и эмоциональную часть сознания человека, без рационального осмысления своей деятельности, действуя из установок, которые были сформированы этническими агентами социализации, идеологией или СМИ. Также стоит отметить систему формирования этнических стереотипов и мифов, которые в свою очередь могут создавать концепты этнической исключительности или образы «народа-жертвы» [2].

Третье. Зачастую, этнополитические конфликты являются и этноконфессиональными, что ещё в большей степени отдаляет стороны от мирного разрешения противоречий, так как действия конфликтующих сторон могут иметь религиозное подкрепление, которое в свою очередь является исчерпывающим для индивидов. Особенно сильно осложняет ситуацию деятельность идейно-религиозных фанатиков. [3]

Четвёртое. Этничность по своей сути является аскриптивной или неотъемлемой, что позволяет индивиду в любой момент аккумулировать к ней для решения своих проблем. Стоит отметить, что человеку гораздо легче сменить политическую идентичность и идеологические установки, чем изменять свою этничность, так как необходимо отказаться от прошлой этнической идентификации, а вместе с тем с культурой и языком, которые в процессе социализации индивида приобрели неотъемлемый характер. Более того, необходимо снова

осваивать новую культуру, нормы поведения, язык, а также формировать новые связи с представителями данного этноса.[4]

Пятое. Чаще всего этнос имеет определённую территорию компактного расселения, являющейся «домом» для народа, что при националистических движениях и контроле территории другим этносом ведет к сепаратизму и сепарации.

Шестое. Часто определённая этническая группа обладает уникальным набором культурных элементов, которые находятся под ревностной охраной данной группы. Это иногда ведет к радикализации действий индивидов в этнополитическом конфликте, так как угроза его культурным ценностям порождает наиболее решительную ответную реакцию.

Важно отметить, что в период дискомфорта или отчуждения от другой социальной группы этническая идентичность остается одной из самых надежных и крепких связей человека с группой. В некоторых случаях можно говорить о наличии в системе этнической идентичности механизма защиты от внешних вредоносных факторов.[5] Стоит сказать, что этническая идентичность активно заменяет другие идентичности в случае их утраты или идеологического вакуума, примером которого могут служить страны постсоциалистического блока. Этничность становится инструментом консолидации этнической группы. Среди причин данного явления можно назвать усвоение этнической идентификации, которая происходит в детстве и осуществляется первичными агентами социализации человека, среди которых семья, родственники и школа. Транслируемые установки зачастую надежно закрепляются в поведенческих правилах и ценностях индивида. Прочная связь индивида и этнической группы также обуславливается наличием таких аспектов как одно происхождение, религия и историческая память, общая культура и территория, кровнородственные связи и факт преемственности поколений. Всё выше перечисленное можно отнести к так называемым фундаментальным ценностям человека, с которыми часто связана этническая идентичность. В условиях этнополитического конфликта данные ценности усложняют переговорный процесс и затрудняют урегулирование конфликта, так как в случаях компромисса и необходимости делать уступки индивиду сложно отступить от своих ценностей и установок. Стоит также сказать, что этническая идентичность является одной из важнейших «жизнеутверждающих» потребностей личности.

Особую значимость приобретает территориальный вопрос в условиях полного отделения этнической группы и формирования своего собственного независимого государства на территории компактного проживания. Подобные

явления сопровождаются следующими последствиями, усложняющими этнополитический конфликт.⁶

Первое. Отделение этнической группы от «государства А» и создание своего собственного создает правовой прецедент для других этносов, стремящихся к подобным явлениям, что, в свою очередь, может дестабилизировать ситуацию в ряде полиэтнических государств среди которых находится и Российская Федерация. Провозглашение независимости республики Косово вызвало череду требований реализации формирования независимых государств от этнических меньшинств из различных государств. Среди данных этносов были к примеру баски и курды.

Второе. Формирование «государства Б» вызывает вопросы о будущей экономической состоятельности, а также подразумевает экономические потери для государства А, на территории которого происходит сецессия. Это осложняет отношения между субъектами конфликта. Сложным подразумевается и процесс распределения государственной собственности на территории государства Б.

Третье. Государство А, скорее всего, будет озабочено возможной геополитической угрозой со стороны государства Б. Формирование на его территории очага нестабильности, дружественных отношений с враждебными государствами и организациями для государства А, а также канала для транспортировки в государство А запрещенных средств и проникновения нежелательных элементов заставит государство А пересмотреть целесообразность формирования государства Б. Более того, в условиях этнополитического конфликта вооруженного характера государство А будет волновать вопрос о судьбе соотечественников, которые оказались в государстве Б. Гарантии их безопасности и отсутствие преследований со стороны этнического большинства, движимые реваншистскими побуждениями, представляются незначительными

Четвертое. Учитывая тот факт, что государственные границы зачастую не совпадают с границами этнического расселения, подразумеваются затруднительными процессы демаркации границ между государствами, а также предоставления гражданства в государстве Б этническим сообществам. Это, в свою очередь, скорее всего, вызовет ожесточенный торг между двумя государственными образованиями.

Пятое. Формирование государства Б, скорее всего, может подорвать международный авторитет и мировой имидж государства А, а также сформировать

⁶ Для доступности изложения государство на территории которого происходит или произошла сецессия именуется «государство А», а новое государственное образование, продукт сепаратизма, «государство Б».

мнение о недееспособности и нелегитимности власти в государстве А. Это может вызвать кризис политической и государственной системы в данном государстве, а также привести к реакционистским действиям радикально настроенных групп как в отношении властвующей политической элиты государства А, так и в отношении государства Б.

Шестое. В условиях нестабильности политических и социально-экономических систем государств, вызывают озабоченность вопросы дееспособности и легитимности в государстве Б, а также признание его другими государствами и международными организациями.

В случае процесса автономизации этнического региона в границах государства А приведённые возможные последствия имеют гораздо менее тяжелый характер, однако вероятность формирования и эскалации конфликта остается.

Государства А и Б в состоянии преодолеть или смягчить последствия сепаратистского и конфликтного процессов в случае использования эффективных демократических процедур урегулирования, посредничества, переговоров в целях достижения консенсуса.

Литература

1. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. – Казан. (Приволж.) федер. ун-т, Филос. фак., Каф. политологии. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – С. 283.
2. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. – М.: 2011. – С.300.
3. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. – М.: 2011. – С.203.
4. Сергеев С.А. Этнополитические процессы в российских регионах// Российская политическая регионалистика / – Казан. (Приволж.) федер. ун-т., 2011. – С. 212-233.
5. Фарукшин М. Х. Этничность и федерализм. – Казан. (Приволж.) федер. ун-т, Филос. фак., Каф. политологии. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – С. 243.

СЕКЦИЯ 5

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Шапаров А.Е.

доктор политических наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет,
teledvina@rambler.ru

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Современное развитое демократическое государство сильно ограничено в проведении иммиграционной политики в интересах национального сообщества. Регулярно проводимые опросы общественного мнения в развитых странах свидетельствуют о том, что вопросы, связанные с массовой иммиграцией в предыдущие десятилетия, устойчиво держатся в числе наиболее острых проблем, находящихся в центре внимания населения. В начале XXI в. в отношении миграции в общественном мнении развитых стран произошла важная новация: проблемы иммиграции все чаще стали увязываться с проблемами терроризма. Наиболее радикальные случаи (события 9/11, теракты в Лондонском метро, «Бостонский теракт») воспринимаются общественным сознанием как цивилизационный вызов государствам-нациям Запада. Внезапная террористическая атака на редакцию сатирического еженедельника Шарли Эбдо в Париже в начале 2015 г., унесшая жизни 12 человек и шокировавшая весь мир, имела следствием беспрецедентное единение европейских элит и граждан, выраженное в грандиозном марше в память о жертвах терактов, в котором приняли участие несколько десятков глав государств мира, а также свыше 1 млн. чел. Теракт во Франции был воспринят как демонстративный вызов западным цивилизационным ценностям. После нападения террористов фраза «Je suis Charlie» (рус. Я - Шарли) стала лозунгом защитников свободы слова во всем мире. Все выше перечисленное указывает на усиление недовольства граждан развитых стран результатами государственной иммиграционной политики. Кроме того, в общественном сознании населения развитых стран закрепились и «традиционные» опасения последствий миграции. Речь идет об угрозах размывания идентичности,

безопасности, геттоизации, запредельной нагрузке на национальные системы социального обеспечения, образования и т.д. Обострение проблем, связанных с последствиями иммиграционной политики послевоенной эпохи, переформатировало национальный политический дискурс развитых стран. Общественный запрос на снижение иммиграции в страну постоянно артикулируется в политических программах основных партий в период избирательной компании, однако в большинстве случаев не имеет подтверждения в реальной политике.

К настоящему времени иммиграционная политика превратилась в процесс, позволяющий не только идентифицировать сущностные характеристики государственной политики, - наличие стратегии, политической воли, горизонт планирования, уровень коррупции и т.д., - но и в значительной мере влиять на будущую повестку дня всего национального сообщества. В политических системах демократических государств дебаты вокруг проблем, создаваемых иммиграцией, служат маркером политических ценностей, вокруг которых группируются политические коалиции, происходит размежевание политических сил, и в значительной степени выявляются победители электоральных компаний. Во многом неспособность главных политических партий, казалось бы, пожизненно воцарившихся на национальных политических Олимпах, адекватно ответить на общественный запрос об ужесточении правил иммиграции в развитые европейские страны, предопределила ожидаемый триумф маргинальных правых партий. Среди причин сдвига вправо общественных симпатий и продолжающийся во многих европейских странах социально-экономический кризис, связанные с ним меры жесткой экономии, высокая безработица и множество других острых социальных проблем. Однако проблемы миграции, являющиеся внешними по отношению к национальному сообществу, заставляют население европейских стран наиболее болезненно воспринимать неспособность национальных правительств не только решать внутренние социальные проблемы, но даже, по большому счету, их слышать.

Пренебрежение вопросами стратегии в действиях государства по регулированию миграционных потоков, способно превратить весь процесс формирования миграционной политики в «планирование наугад». Стратегический уровень в формировании иммиграционной политики, представляющий развитие процесса целеполагания, в своем основании имеет определенный ценностный набор. По мнению автора, миграционная политика является одним из направлений государственной политики, реализуемой в рамках стратегии общественного развития, основанной на системе отношений между политическими и неполитическими субъектами по поводу распределения социальных ресурсов и

формирования сбалансированного и конкурентоспособного общества. Механизм реализации миграционной политики, в свою очередь, предполагает систему управленческих, организационных, правовых и административных мер, направленных на формирование стабильного, конкурентоспособного, сбалансированного общества, регулирование численности народонаселения и, что еще важнее, его качественных характеристик.

Исходя из опыта формирования иммиграционных политик развитых стран в XX в. можно выделить несколько политико-управленческих подходов, определяющих форму и содержание взаимоотношений государства и мигрантов.

1. Расово-этнический подход. Получил широкое распространение в ряде развитых стран в конце XIX – перв. пол. XX в. (Австралия, Великобритания, Канада и др.). Иммиграционная политика этих государств включала комплекс нормативно-правовых ограничений на иммиграцию в страну по расовым или этническим основаниям. В основном эти ограничения касались иммигрантов неевропейского происхождения - выходцев из Азии и Африки. При этом иммиграция в страну европейцев, за некоторыми исключениями, происходила без ограничений.

2. Неолиберальный подход. Его появление в 60-70-е годы XX в. в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Великобритании связано с институциональными изменениями послевоенной эпохи: процессами деколонизации, утверждением приоритета прав человека, процессами суверенизации государств. Ценностные изменения, вызванные этими процессами привели к отказу демократическими государствами от дискриминационных практик в отношении мигрантов неевропейского происхождения (например, от политики «Белой Австралии»). Переход от расово-этнического императива к принципам мультикультурализма на практике означал также и отказ от стратегии ассимиляции инокультурных мигрантов.

3. Государственно-центричный подход. Его крайним проявлением является практика принудительных миграций. Принудительные миграции использовались многими странами в периоды мировых войн. В России миграция населения три четверти XX в. находилась под государственным контролем. По мнению П.М.Поляна, «принудительные миграции – это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Само принуждение может быть при этом прямым или косвенным. В первом случае мы имеем дело с насильственными миграциями, или депортациями, во втором – с добровольно-

вынужденными миграциями, когда государство «влияет» на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решения»[1]. Доля принудительных или организованных миграций в общей миграции населения была значительной на протяжении всего существования СССР. Плановое территориальное перемещение населения было продиктовано как экономическими задачами, например, рационализации размещения трудовых ресурсов по территории страны, так и политическими соображениями, в основном военно-политического характера. В современных условиях подобное однонаправленное субъект-объектное взаимодействие представляется контрпродуктивным.

4. Цивилизационный подход. Тенденция, вызванная двумя противоположными требованиями современности: максимального снятия барьеров, препятствующих движению капиталов, товаров, услуг и людей, с одной стороны, и возрастающими требованиями безопасности, защиты национальных рынков труда, социальных завоеваний, с другой. Примером реализации цивилизационного подхода к формированию иммиграционной политики в значительной мере может служить Евросоюз.

По мнению автора, в основу стратегии национальной иммиграционной политики России должен быть положен принцип цивилизационного единства. Охарактеризуем основное содержание понятия. Под «цивилизационным единством» мы понимаем разделяемые на уровне сознания культурные ценности, нормы, правила общежития, определяющие поведенческие паттерны, присущие индивидам, как представителям больших и малых групп, имеющих долговременные исторические связи и опыт совместного проживания. Важным внутренним признаком цивилизационного единства выступает наличие самоидентификации индивида с обществом страны-проживания, отождествление своего будущего и будущего своих детей с будущим страны, воспринимаемой им в качестве Родины. Важными внешними признаками цивилизационного единства могут выступать знание индивидом языка, законов, традиций, истории и культуры страны-проживания, готовность служить в ее вооруженных силах. При этом второстепенную роль выполняют такие факторы как этничность, наличие родственников в стране проживания, или прописки до определенного года.

Следует отметить, что принадлежность к этносам, исторически связанным с обществом страны-проживания, входящим или входившим в состав общества страны-проживания, выступает важной предпосылкой цивилизационного единства. В этом смысле оправданы и необходимы преференции для российских соотечественников – русских и представителей других коренных народов России (татар, якутов, мордвы, тувинцев и др.), не имеющих государственности

за границей. Максимально облегченный порядок предоставления гражданства должен распространяться на российских соотечественников в странах ближнего зарубежья. В то же время, акцентирование этничности как доминантного фактора цивилизационного единства контрпродуктивно, поскольку влечет за собой угрозу развития национализма и сепаратизма.

Природно-климатические условия во многом предопределили объединительное начало России. На эту особенность указывал видный представитель евразийства П.Н. Савицкий: «Природа евразийского мира минимально благоприятствует для разного рода «сепаратизмов» – будь то политических, культурных или экономических» [2]. В отношении России вместо термина «миграция» следует скорей использовать термин «колонизация», как более точно отражающий процессы переселенческие процессы в условиях евразийского континента. Как указывали в начале XX в. отечественные ученые И.Л. Ямзин и В.П. Вошинин: «под колонизацией нужно понимать процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населенных областей» [3]. Важно отметить и то, что термин «колонизация», на наш взгляд, более точно раскрывал суть процесса переселения, акцентируя внимание на целенаправленном характере воздействия на этот процесс со стороны государства. Еще В.О.Ключевский считал колонизацию основным фактом отечественной истории, обращая внимание на роль государства в этом процессе: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [4].

Таким образом, специфическую особенность колонизации составляет ее направленность на освоение незаселенных или экономически неосвоенных территорий. На качественную разницу в дефинициях «колонизация» и «колониализм» указывает профессор Л.Л. Рыбаковский [5]. По его мнению, политика колонизации, проводимая Россией, исключала такие явления как работорговлю и уничтожение туземного населения, в отличие от имперской политики колониализма, характерной для Испании, Португалии, Великобритании и других стран, в результате которой произошло закабаление и ограбление народов Нового Света, и превращение территорий их проживания в колонии развитых стран.

Россия, будучи основой евразийского мира, исторически формировалась как система, объединявшая многочисленные этносы, и, тем самым дававшая им новое качество будущего. Причем перспективы существования и развития открывались не только для масс, но и для элиты тех этносов, которые включались

в состав России. Многие представители малых этносов получали возможности для восходящей социальной мобильности. Россия и в современных условиях посредством государственной политики должна реализовывать свой объединительный потенциал. Это выступает системообразующей основой для всей номенклатуры государственных политик, и для формирования миграционной политики в частности.

России необходима комплексная политика репатриации. При ее формировании должен быть использован позитивный опыт осуществления политики по привлечению соотечественников других стран, а также учтены системные ошибки, снижающие эффективность национальной иммиграционной политики. В основе практики использования государствами концепта «возвращения соотечественников» лежат разные целевые установки - гуманитарные, экономические, демографические, националистические, геополитические и др. Эти целевые установки, в свою очередь, детерминированы различными ценностными основаниями принятия политических решений, имеющими порой, противоположный характер. Иными словами, при осуществлении национальной иммиграционной политики цели государства и потенциальных мигрантов могут как совпадать, так и не совпадать, причем в ряде случаев настолько, что реализация государственных программ превращается скорее в имитацию деятельности, а фактически достигнутые результаты в десятки раз отличаются от запланированных. Опыт реализации репатриационной политики таких стран, как Германия и Израиль, показывает качественно различную природу целевых установок, и, как следствие, содержания государственных политик стран в отношении репатриантов и экономических мигрантов. Это различие проявляется в требованиях, предъявляемых к мигрантам по линии репатриации и трудовым мигрантам, последующим политике интеграции, доступе к социальной системе, политике натурализации и т.д.

Среди причин современного кризисного состояния национальных моделей осуществления ассимиляционной и мультикультурной стратегий интеграции мигрантов можно выделить:

- возростание этнической, религиозной и культурной дисперсии миграционных потоков в развитые страны;
- ограниченность государства в его действиях либеральными международными нормами о правах человека;
- транснационализацию миграционных потоков, дезориентацию мигрантов в отношении конкретного общества;

- возрастающую религиозную радикализацию части представителей исламского мира;
- кризис национального государства.

Иммиграционная политика России не лишена противоречий и проблем. Лишь в июне 2012 г. принят доктринальный документ, определяющий цели, задачи и стратегию развития – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В Концепции отмечены негативные факторы, определяющие миграционную ситуацию в стране: снижение миграционной привлекательности России для высококвалифицированных мигрантов, низкая территориальная мобильность населения, наличие большого числа незаконных мигрантов, ориентированность национального миграционного законодательства на привлечение временных иностранных работников и недостаточность мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. Экспертами отмечается серьезный недостаток и самой Концепции – отказ от реформы особого миграционного режима между Россией и другими странами СНГ. Кроме того, до настоящего времени отсутствует государственный орган, ответственный за разработку и реализацию миграционной политики. Эти функции разделены между различными министерствами и ведомствами.

В основу национальной иммиграционной политики должны быть положены принципы цивилизационного единства получающего и отдающего обществ. Приоритет необходимо отдавать населению территорий, имеющих исторические и культурные связи с принимающим обществом. При этом религиозная и культурная идентичность потенциальных мигрантов, знание официального языка принимающего общества способны оказать позитивное влияние на увеличение его абсорбционной способности и облегчить процесс интеграции. Основным условием эффективности миграционной стратегии России является достижение властными элитами ценностного консенсуса по поводу масштабов, качества и характеристик необходимых мигрантов и формирование на этой основе целей и задач миграционной политики. Ключевым вопросом, определяющим эффективность иммиграционной политики государства, является вопрос об интеграции мигрантов. Проблемы интеграции, в свою очередь, имеют в основе проблематику идентичности. По мнению автора, Россия так и не стала национальным государством, российская идентичность не сформирована, вследствие наличия глубоких противоречий, прежде всего на уровне элит. Пока элиты не определяются с политико-экономическими и национально-культурными параметрами желаемого общества, моделью экономического раз-

вития, всерьез рассуждать о миграционной политике России (ее целях, масштабах, имплементационных характеристиках) преждевременно. В тоже время, Россия имеет все шансы на формирование иммиграционной политики, отвечающей задачам развития и модернизации российского общества. Важно отметить, что Россия по настоящее время остается миграционно привлекательной страной.

Иммиграционная политика, представляет собой деятельность, которая не является первостепенной в настоящее время, но во многом детерминирующую развитие важнейших сфер общества. Актуализация вопросов формирования иммиграционной политики зависит от ответственности политической элиты, ее управленческого «горизонта», готовности нести тактические жертвы и даже риски утраты политической поддержки ради стратегических долговременных целей. Внедрение принципа цивилизационного единства как системообразующего начала национальной иммиграционной политики способно увеличить эффективность и рациональность деятельности государства в сфере регулирования миграции.

Литература

1. Полян П.М. Насильственные миграции и география населения // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 102.
2. Савицкий П.Н. Геополитические основы Евразийства. В кн.: Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 684с.
3. Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. – М.-Л., 1926. – С.4.
4. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч.I.– М.: Мысль, 1987.– С.50.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса (Приложение к журналу «Миграция в России»). – М., 2001. – С. 128-140.

Агеев В.Н.

кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
ageev_fksu@mail.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время исследованию миграционных процессов уделяется значительное внимание, как в Российской Федерации, так и во всех странах мира.

Современный мир стал ареной глобальных миграционных процессов. Сегодня миграция является одной из наиболее острых и злободневных проблем, стоящих как перед международным сообществом в целом, так и перед каждой отдельно взятой страной [1, 4].

Миграционная политика тесно связана с проблемами беженцев, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих политическое и временное убежище, трудовых и иных переселенцев, а соответственно, с правовым статусом граждан и иностранных граждан, его конституционно-правовой основой и особенностями для отдельных категорий физических лиц.

Первоочередной целью государственной миграционной политики является регулирование миграционных потоков, преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, а также обеспечение гуманного отношения к лицам, ищущим убежища на территории Российской Федерации [2, 27].

Современное состояние миграционной системы России вызывает острую необходимость в корректировке проводимой государственной миграционной политики.

В отличие от моделей правового регулирования миграционных процессов, применяемых в других европейских государствах, модель правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации не имеет чётко выраженной конструкции, потому что нормативные правовые акты, регулирующие миграционные процессы, разрозненны, практически не консолидиро-

ваны, вследствие этого данная сфера правового регулирования менее стабильна, что стало особенно заметно в последние годы, когда напряженность миграционных потоков значительно усилилась [3, 33].

Под миграционной политикой, в конституционно-правовом смысле, следует понимать основанную на принципах конституционного строя систему объективно обусловленных целей, задач, направлений развития общественных отношений в сфере миграции, норм миграционного законодательства, а также механизмов управления государством, реализуемых субъектами миграционного процесса и направленных на перемещение, переселение, размещение, обустройство и интеграцию физических лиц на территории государства и в отдельных его регионах [1, 7].

Конституционное право имеет непосредственное отношение к правовому регулированию миграционной политики, поскольку затрагивает базовые основы правового статуса человека – право выбора места жительства, свободу передвижения, равенство в правах и обязанностях и т.д. На этой основе следует прийти к выводу о необходимости расширения конституционно-правового регулирования миграционных отношений, поскольку именно конституционное право, регулирующее правовой статус человека и гражданина, более всего затрагивает сферу миграционной политики государства [4, 56].

В Конституции Российской Федерации [5] нет упоминания о миграции и регулировании миграционных процессов. Однако это не означает, что рассматриваемые вопросы в России оставлены без внимания, так как Конституция закладывает основы правового регулирования миграционных процессов через формулировки принципиальных положений законодательства России по отношению к гражданам России и иных государств, а также лицам без гражданства.

Исходя из темы исследования, представляется возможным выделить конституционно-правовые основы миграционной политики, к которым, по нашему мнению, относятся четыре основных элемента, а именно конституционные принципы миграционной политики, система и конституционно-правовой статус субъектов миграционной политики, основы правового регулирования миграционной политики и формы осуществления государственно-властных, контрольных полномочий в сфере миграции.

В основу любой государственной политики должны быть положены, прежде всего, основные конституционные принципы демократического политического режима, федеративного устройства, правового, социального и светского государства, верховенства конституции и федеральных законов на всей территории России и др., поскольку данные принципы составляют базис основ

конституционного строя и определяют развитие государства и всей правовой системы России.

Своё развитие в действующем законодательстве получили более узкие специальные принципы. К ним, например, относятся принципы гражданства и правового статуса человека и гражданина. Кроме того, для характеристики конституционных основ миграционной политики большое значение имеют именно принципы правового статуса человека и гражданина, закреплённые в Конституции России.

Не вызывает сомнения тот факт, что миграционная политика должна быть основана как на общих конституционных принципах, составляющих основы конституционного строя России, так и на упомянутых выше специальных принципах регулирования миграционной политики.

Таким образом, к приоритетным принципам миграционной политики следует отнести следующие конституционные принципы: демократического политического режима, федеративного устройства, правового, социального и светского государства, верховенства Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, равенства всех перед законом и судом, гарантированности и защиты прав и свобод человека и гражданина, законности и справедливости правового регулирования миграционных процессов, дифференцированного подхода к решению вопросов определения режима въезда, пребывания и проживания в Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства и др.

Анализ реализации конституционных принципов в законодательстве, регулирующем миграционные процессы, показывает, что в настоящее время отсутствует единый подход к установлению принципов – основных начал миграционной политики государства, что, безусловно, негативно сказывается как на регулировании миграционных процессов, так и на осуществлении миграционной политики [6, 10].

Что касается субъектов миграционной политики, то их можно разделить на четыре основные группы: первая – государственные органы, представляющие совокупность федеральных, региональных и местных органов власти, осуществляющих полномочия в сфере миграции, вторая – физические лица (граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства), а также физические лица с особым статусом (беженцы, вынужденные переселенцы, соотечественники, лица, которым предоставлено временное убежище или политическое убежище и др.), третья – общественные организации (правозащитные и иные организации), четвёртая – международные организации.

На систему органов власти возлагается реализация полномочий в сфере миграции, они формируют идеологическую основу и механизмы реализации миграционной политики. Остальные субъекты выступают как сопутствующие и дополняющие государственные механизмы, за исключением физических лиц, непосредственно являющихся субъектами процесса переселения [7, 21].

Наиболее урегулированными с точки зрения права и исследованными с точки зрения науки являются правовые статусы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, беженцев и вынужденных переселенцев. В отношении указанных категорий приняты специальные законы, определяющие их правовые статусы [8].

До последнего времени остаётся актуальным вопрос специальных правовых статусов. На настоящий момент не урегулированными являются статус лиц без гражданства, лиц, получивших политическое убежище, лиц, получивших временное убежище, а также лиц с двойным гражданством.

Все федеральные органы государственной власти Российской Федерации можно разделить на две группы, органы общей компетенции, к которым относятся Президент, Федеральное Собрание, Правительство, Прокуратура, и органы специальной компетенции, к которым относятся непосредственно федеральные органы исполнительной власти.

Ни для кого не секрет, что система осуществления государственной политики в сфере миграции в России проходит этап становления и совершенствования. В связи с изменением системы и структуры федеральных органов исполнительной власти до конца не произошло оптимизирования правового регулирования в этой сфере, в связи с чем, по нашему мнению, должна быть создана разветвлённая специальная структура, в которую необходимо включить как элементы, наделённые властными полномочиями, так и институты гражданского общества. В рамках данной структуры следует усилить функции и полномочия специального органа государственной власти в области миграции.

В последние годы органами государственной власти принят ряд важных мер по совершенствованию миграционной политики Российской Федерации. В настоящее время предпринимается попытка по формированию межведомственного системного подхода федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления к дальнейшему совершенствованию миграционной политики, основанной на всестороннем учёте влияния совокупности внешних и внутренних факторов.

Что касается основ правового регулирования миграционной политики, то на основе анализа всего массива нормативных правовых актов можно сделать вывод, что современный период развития миграционного законодательства, начавшийся с момента принятия Конституции Российской Федерации 1993 года, характеризуется нестабильностью миграционной политики, резкими перемена-ми от политики благоприятствования миграции до жёсткого ограничения и сменой на более мягкий режим миграции для отдельных категорий (например, соотечественников), проведением «миграционных амнистий», нестабильностью и совершенствованием законодательства в сфере миграции и механизмов реализации миграционной политики, усилением контроля за миграцией, совершенствованием системы управления в сфере миграции, устранением коллизии-онных норм в сфере миграции [9, 14].

В настоящее время в России происходит процесс формирования цивили-зованной, отвечающей современным требованиям и проблемам России мигра-ционной политики и комплексной системы миграционного законодательства. Однако, её формирование должно основываться на конституционных принци-пах развития Российского государства и общества, миграционного законода-тельства

Современная миграционная политика будет успешной лишь при построе-нии такой системы взаимоотношений местного населения и мигрантов, при ко-торой обеспечивался бы баланс на рынке труда, социальная сфера справлялась с реальными нуждами людей, а различные группы населения имели возмож-ность и потребность гармонично существовать. Поэтому очень важно убедить всех участников миграционных отношений в обоюдной ответственности и обоюдной защищенности. Ведь интеграция – это правовая защищенность чело-века, предоставление каждому возможностей для экономического и социально-го развития без какой-либо дискриминации [10, 34].

Исходя из проведённого анализа, в целях повышения эффективности ми-грационной политики России, на наш взгляд, необходимо продолжить работу по дальнейшему совершенствованию российского миграционного законода-тельства, включая подзаконные нормативные правовые акты и правовые акты министерств и ведомств по вопросам миграции; по повышению уровня и каче-ства взаимодействия заинтересованных министерств и ведомств в практической деятельности по предупреждению и пресечению незаконной миграции, осуще-ствлению миграционной политики; по развитию международного сотрудниче-ства по вопросам борьбы с незаконной миграцией, в том числе с сопредельны-ми странами; по повышению уровня материально-технической оснащённости и

профессионализма сотрудников органов, к компетенции которых отнесены функции по регулированию миграционных процессов; по развитию единой информационной системы миграционного учёта, обеспечению её интеграции и доступности.

Литература

1. Коробеев В.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Коробеев; Акад. Генерал. прокуратуры РФ. – Владивосток, 2008. – 266 с.

2. Трыканова С.А. Модернизация миграционной политики Российской Федерации : актуальные вопросы организационно-правового регулирования / С.А. Трыканова // Миграционное право. – 2012. – № 2. – С. 26 – 31.

3. Казакова Т.В. Правовое регулирование миграционных процессов: проблемы и перспективы развития / Т.В. Казакова // Юридический мир. – 2014. – № 5. – С. 33 – 37.

4. Стаханова Е.Ю. К вопросу о становлении и развитии миграционной политики в России / Е.Ю. Стаханова // Юридический аналитический журнал. – 2007. – № 1 – 2 (19 – 20). – С. 56 – 62.

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

6. Анисимов А.А. Актуальные проблемы совершенствования государственной миграционной политики в России / А.А. Анисимов, О.Б. Тихонова // Миграционное право. – 2011. – № 4. – С. 2 – 12.

7. Горохов Д.Ю. Компетенция федеральных органов исполнительной власти по выработке и реализации миграционной политики России / Д.Ю. Горохов // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 4. – С. 20 – 24.

8. О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2031; О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032; О беженцах : федер. закон от 19 февраля 1993 года № 4528-1 // Российская газета. 1997. – 3 июня; О вынужденных переселенцах : закон РФ от 19 февраля 1993 года № 4530-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета. – 1993. – № 12. – Ст. 427.

9. Демчук С.Д. Перспективы миграционной политики и её законодательное регулирование / С.Д. Демчук // Миграционное право. – 2011. – № 4. – С. 14 – 20.

10. Просяникова Т.С. Интеграция мигрантов: научный и практический смысл / Т.С. Просяникова // Миграционное право. – 2013. – № 4. – С. 32 – 34.

Игонин Д.И.

кандидат политических наук,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

IgoninDenis1983@yandex.ru.

ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Для выявления характера мнений к вопросу миграции и миграционной политики возникла потребность проведения экспертного опроса, методика которого предполагает систематизацию мнений специалистов-практиков в области миграционной политики. В силу своей профессиональной деятельности они оказываются непосредственно включенными в анализ ситуации и обладают необходимым объемом информации. Для анализа государственного регулирования миграционных процессов в качестве экспертов были избраны сотрудники Федеральной миграционной службы республики Татарстан – 36 человек:

- УФМС России по Республике Татарстан;

- Управление регистрации иностранных граждан Отдела УФМС РФ по РТ г. Казани;

Сотрудники общественных организаций по работе с мигрантами – 14 человек:

- Дом Дружбы народов Татарстана – Ассамблея народов Татарстана (г. Казань);

- Республиканское агентство занятости и правовой помощи иммигрантам.

Данный экспертный опрос проводился методом анкетирования (выборочная совокупность 50 человек, исследование проводилось посредством гнездовой выборки). Из них:

- мужчин 56 %;

- женщин 44 %;

- в возрастных категориях 18-30 лет – 34 %, 31-40 лет – 32 %, 41-55 лет – 30 %, старше 55 лет – 4 %;

- доля русских в совокупности респондентов составила 32 %, доля татар – 44 %, другой национальности – 24 %;

- руководителей - 18 %, специалистов - 68 %, других – 14 %.

Выбор экспертов определялся тем, что это практические работники в сфере регулирования миграции: представители «официальной» сферы, в чьи «служебные» обязанности входит непосредственное осуществление государственного регулирования миграции на региональном уровне - УФМС России в Республике Татарстан, а также - неправительственные организации по работе с мигрантами: Ассамблея народов Татарстана и Республиканское агентство занятости и правовой помощи иммигрантам.

Современная ситуация в Республики Татарстан, характеризуется массовыми миграционными потоками. В 90-е годы XX века в Республике Татарстан наблюдалось снижение рождаемости, рост смертности, снижение продолжительности жизни, старение населения.

Максимального значения миграция достигла в первой половине и в середине 1990-х годов. Этот период отмечен самым большим из всех девяностых годов внешним миграционным приростом. Объем интенсивности миграции в 1991-2000 годы был обусловлен большей частью возвратной миграцией бывших жителей Татарстана, мигрировавших их республики в предшествующие десятилетия, а также беженцев и вынужденных переселенцев в Республику Татарстан как регион с политической и социальной стабильностью и в связи с благоприятными условиями проживания. Пик активности межрегиональной миграции населения наблюдался в 1992 г., со странами СНГ – в 1994 г. Данные статистики показывают, что с 1997 года наблюдается постепенное сокращение миграционной подвижности, это объясняется тем, что возвратная миграция имела больший вес в 1993-1994 годах. В течение 1991-2000 г. Республика Татарстан демонстрировала в отношении мигрантов политику «аккомодационного» типа, практику «открытых дверей». В рассматриваемый период была отмечена репатриация и резмиграция значительного числа татар из-за усиления их дискриминации в республиках бывшего СССР. На основании статистических данных М.И. Гайсин и Н.М. Биктимиров пришли к выводу, что в начале 90-х гг. XX века сальдо миграции татар было в 4,7 раза больше, чем сальдо миграции русских[1].

С 2000 года по настоящее время наблюдается сокращение миграции, и она, в отличие от предыдущего периода, в большинстве представлена составляющими трудовой миграцией. В миграционном обмене между Татарстаном и странами СНГ, Балтии, другими регионами России положительное сальдо име-

ет миграционный прирост за счет российских территорий 85,3 %[2]. Результаты проведенного экспертного опроса показали, что приоритетными для привлечения мигрантов в Республику Татарстан должны стать страны СНГ – 28 %, затем страны дальнего зарубежья – 20 %. Причем, последние являются приоритетной областью с точки зрения сотрудников УФМС по РТ, а страны СНГ - представителей общественных организаций мигрантов. Понятно, что сотрудники УФМС заинтересованы в привлечении высококвалифицированных кадров из дальнего зарубежья и пытаются сдерживать поток низкоквалифицированных и нелегальных мигрантов из стран СНГ, прежде всего из центрально-азиатских стран. В то же время общественные организации РТ по работе с мигрантами пытаются защитить их права. Цель привлечения мигрантов из регионов Поволжского федерального округа не отмечена в качестве важной, и она не разнится в оценках между представителями обеих исследуемых групп, составляя в целом 14 %.

Исследование мнений экспертов относительно проблемы мигрантов в Татарстане, насколько остро она затрагивает значительную часть населения, продемонстрировало следующие результаты. Почти половина экспертов (44 %) оценивают ее как достаточно острую, от случая к случаю – 34%, а как не имеющую значения всего 16 %. Это свидетельствует об относительно острой постановке проблем миграции в нашем регионе. Половина (50 %) сотрудников УФМС по РТ отмечают ее как значительную, им ежедневно приходится наблюдать и оценивать текущую миграционную ситуацию в республике и они, на наш взгляд, могут достаточно объективно оценить ее глубину. Большую толерантность проявляют в социально-демографическом отношении женщины и молодежная социальная группа, а в национальном аспекте – русские.

На вопрос «Как Вы считаете, существует ли в России четко сформулированная миграционная политика?» большинство ответило «нет» – 62% согласились с этим мнением только 28 % опрошенных (10 % затруднились с ответом). Причем, особым образом отмечалось отсутствие государственной политики в области миграции лицами 31-40 лет, татарами и специалистами.

Говоря о «Концепции государственной миграционной политики РФ», можно сказать следующее. Проект «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». был представлен на обсуждение в начале 2011 года. Девятого февраля 2011 года на заседании Общественного Совета при Федеральной миграционной службе и рабочей группы Правительственной комиссии по миграционной политике он был представлен и разослан региональным представительствам. В июне 2012 года Концепция была утверждена. Еще на стадии проекта с Концепцией полностью был ознакомлен

лишь один человек, из руководящего состава УФМС по РТ, частично ознакомлены «в общих чертах» 32 % экспертов. Не читали данный проект, имеющий принципиальное развитие для государственной миграционной политики 48 % общего числа респондентов, а это 44 % из числа сотрудников УФМС. Интересно отметить, что сотрудники общественных организаций РТ по работе с мигрантами оказываются еще менее заинтересованными – больше половины (57 %) из них не были знакомы с Концепцией. Затем на предложение выразить развернуто (посредством «открытых» вопросов) основные преимущества и недостатки проекта: преимуществ «существенных не видит», а сама концепция «нуждается в доработке». Предлагая определить политику федеральных властей в отношении мигрантов по вышеуказанной Концепции (по десятибалльной шкале), эксперты, частично ознакомленные с ней, выразили среднее значение - 5 баллов.

Наряду с этим существующую политику федеральных властей в отношении мигрантов по шкале (от 1 до 10) большинство респондентов (58 %) определило в среднем «селективном», т.е., фактически, в аккомодационном значении – мигранты нужны, но необходима их селекция по уровню квалификации, образования, знания языка и других критериям. Но, если брать полярность суждений, то следует отметить, что превалирует «аккомодационный» подход к привлечению мигрантов (хотя разница небольшая, в 10 %). Причем, сторонники «среднего значения» (5 баллов) – в возрастной категории 41-55 лет (т.е. имеющие стаж и опыт в данной области), татары (они для нас лица «титულიной национальности», заинтересованные в сохранении национальной идентичности в условиях данной республики), больше мужчины, чем женщины (хотя разница в 6 % незначительна) и руководители.

Итак, в отношении государственного регулирования миграционных потоков эксперты Республики Татарстан больше придерживаются «селективного» подхода – миграция необходима, но с применением мер селективного характера.

По данным нашего исследования, сложности адаптации мигрантов в «принимающее» российское общество эксперты видят, прежде всего, в незнании языка (64 %), низком уровне образования (60 %), трудностях официальной легализации (процедур оформления документов, получения гражданства и т.п.) (46 %) и различиях культур и менталитета (42 %) - сумма не равна 100 %, поскольку респондентам была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов ответа. Это свидетельствует о выдвигании на первый план сложностей организационно-управленческого характера. Далее это отсутствие социальных

гарантий (22 %), а также отсутствие политических партий и объединений, отстаивающих права мигрантов (6 %). Это позволяет судить о низкой степени разъяснительных мер со стороны существующих институтов управления. Не были отмечены в качестве проблем отсутствие программ приема / обустройства мигрантов (наличие жилья, системы ссуд, займов, кредитов на обустройство хозяйства, на открытие своего дела, что характеризует наличие определенного непонимания среди экспертов мер непрямого (косвенного) организационного управленческого регулирования миграционных процессов. Отметим, что ряд экспертов предложили собственное видение, отметив в качестве проблем низкий уровень воспитания, уважения к своей культуре, недостаток воспитания. Наряду с этим логично отметить разницу в степени значимости данных проблем между представителями официальной политики в области миграции. Эксперты в УФМС в качестве главного выделяют низкий уровень образования мигрантов, препятствующий их включению в «принимающее общество». Сотрудники общественных организаций по работе с мигрантами - трудности официальной легализации. Подобные результаты характеризуют не столько разноплановость мнений, сколько реальную ситуацию: для мигрантов значимой является процедура легализации, а для постоянного населения важно, чтобы мигранты осознали благоприятный социокультурный климат республики и осуществили что называется «мирную интеграцию и восприятие ценностей».

Реализация государственной миграционной политики имеет свои уровни, каждый из которых обладает своей спецификой. По-нашему мнению, каждый субъект РФ имеет свою динамику миграционных потоков, что предполагает отражение особенностей региональных интересов. Так, на вопрос: «Нужна ли Республике Татарстан собственная миграционная политика, учитывающая региональную специфику?», мнения разделились следующим образом:

- 26 % – «за»;
- 48 % – «нет»;
- 16 % – «затруднились ответить».

Нужно отметить, что из тех, кто к этому отнесся одобрительно, большую часть составила молодежная группа, и специалисты (в отличие от других категорий, они ежедневно сталкиваются с проблемами мигрантов). Вместе с тем половина респондентов считает, что Республика Татарстан не должна проводить собственную миграционную политику, а следовать общему курсу федеральной государственной миграционной политики. Причем этот вопрос не выявил существенного различия между двумя группами экспертов.

Экспертам также было предложено оценить политику республиканских властей по отношению к мигрантам по шкале «рестриктивный фланг» – «промотивный фланг». Результаты показали, что эксперты (как сотрудники УФМС, так и общественных организаций) в целом достаточно единодушны – по десятибалльной шкале ее оценили так: в рамках аккомодационного дискурса «среднее значение» (5 баллов) – 46 %, «мигранты нужны, но необходима их жесткая селекция по уровню квалификации, образования, знания языка и других критериев». Полярных мнений: «рестрикция» придерживается 4% экспертов, а «промотивность» – 20 %. Отметим, что данные по поводу оценки политики федеральных и региональных властей в отношении мигрантов варьируются незначительно. Незначительный «аккомодационный перевес» в сторону привлечения мигрантов в Республику Татарстан объяснялся необходимостью привлечения дополнительных трудовых ресурсов для осуществления масштабных проектов, реализуемых в республике. Причем, отмечается любопытная деталь: крайних «промотивных» предпочтений, направленных на привлечение мигрантов (10 баллов) в Российскую Федерацию, придерживаются сотрудники УФМС, а на привлечение мигрантов в Республику Татарстан – представители общественных организаций – 57 % (из представителей указанной группы). Это объясняется тем, что сотрудники УФМС по РТ, ежедневно сталкиваясь с проблемами мигрантов в своем регионе, считают целесообразным перенаправить их поток в другие регионы РФ, а заинтересованность сотрудников Ассамблеи народов Татарстана и Республиканского агентства занятости и правовой помощи иммигрантам состоит в том, что они помогают адаптироваться приезжающим мигрантам.

Как отмечалось выше, половина экспертов полагает, что мигранты необходимы нашей республике, но следует осуществлять их реальную селекцию. На вопрос «Как Вы считаете, какие необходимо предъявлять требования к мигрантам, приезжающим в Республику Татарстан?» на первый план выдвигаются требования: «знание одного из двух государственных языков Республики Татарстан» (64 %), «отсутствие судимости» (54 %) «наличие профессиональной подготовки» (50 %). Такие требования, как наличие среднего образования, знание истории и культуры Татарстана, отразились в ответах по 28 и 8 % соответственно. Наряду с этим, эксперты дополнили предложенный перечень следующими предложениями: жесткий медицинский контроль, наличие высшего образования, соблюдение Конституции РФ и законов РФ, человеческое отношение, наличие воспитания и морали. Наблюдается разница в требованиях со стороны сотрудников УФМС (для них главное – это отсутствие судимости и знание язы-

ка), а для представителей общественных организаций по работе с мигрантами наличие судимости и среднего образования вообще не имеет значения. В целом можно отметить, что селективный отбор должен осуществляться на основании привлечения профессиональных кадров мигрантов без криминального прошлого, владеющих коммуникативными навыками общения на русском или татарском языках.

На вопрос «В чем Вы видите положительные особенности Республики Татарстан среди других субъектов Российской Федерации?» эксперты на первое место поставили:

- «толерантное отношение коренного населения» (46 %);
- «наличие рабочих мест» (38 %);
- «лояльную политику республиканских органов власти» (38 %).

Последнее подтверждается предыдущим вопросом об «аккомодационном» характере политики властей Татарстана по отношению к мигрантам. Второе место разделили следующие точки зрения:

- «наличие организаций, осуществляющих помощь мигрантам» (30 %);
- «отсутствие межнациональных конфликтов» (30 %);
- «активная пропаганда Республики Татарстан как региона, привлекательного для мигрантов» (24 %);
- «природно-климатические условия и благоприятная экологическая ситуация» (24 %);
- «высокий уровень доходов» (18 %);
- «низкий уровень преступности» (12 %).

Выделяются различия в понимании позитивных особенностей РТ среди опрошенных. Так, сотрудники УФМС по РТ главным считают «лояльную политику республиканских органов власти», а представители общественных организаций - «толерантное отношение коренного населения».

Полученные в ходе экспертного опроса данные определенным образом находят свое подтверждение в результатах социологического исследования по теме «Изучение межнациональных отношений в Республики Татарстан», проведенного Центром аналитических исследований и разработок и Центром этносоциологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан в октябре 2007 г. (выборка 1090 человек). Его данные показали высокий уровень толерантности татарстанцев по отношению к мигрантам. Каждый третий житель Татарстана относится положительно к людям, приезжающим в республику из стран бывшего СССР и дальнего зарубежья (38,8 %), почти половина нейтрально (45,8 %) и только каждый десятый отрицательно

(11,3 %)[3]. В отношении того, к каким группам мигрантов татарстанцы испытывают наибольшие симпатии, складывается следующая картина:

- 43,5 % согласны с тем, что Татарстан должен быть открыт для представителей этнических групп, традиционно исповедующих православие и ислам;
- треть респондентов (36,7 %) отдает приоритет тем мигрантам, предки которых жили на территории РТ.

Жители сел и малых городов РТ более активно придерживаются мнения, что Татарстану следует принимать представителей лишь некоторых этнических групп и стран происхождения.

Для исследования было принципиальным выделение «положительных» и «отрицательных» сторон увеличения численности мигрантов в Республику Татарстан. В качестве позитивных моментов подавляющее большинство экспертов – 76 % отмечают, что «мигранты работают в тех сферах, где не желает работать местное население». Второе место разделяют следующие положительные моменты:

- мигранты участвуют в повышении экономического уровня республики (30 %);
- решают проблемы снабжения населения продуктами, товарами и услугами по доступным ценам (26%);
- улучшают демографическую ситуацию в республике (24%).

Что касается социокультурной компоненты (мигранты привносят элементы культуры своего народа), то она не получала достаточного распространения.

Негативные стороны миграции связываются в представлении экспертов, прежде всего, с увеличением безработицы среди коренного населения - на значимость этого фактора указали 48 % опрошенных. Исследование жителей г. Казани, проведенное Г.Ф. Габдрахмановой в 1998-2000 году (выборка 100 человек взрослого населения и 107 студенческой молодежи), показало, что каждый третий уверен в том, что «переселенцы занимают рабочие места, способствуют росту безработицы и снижению зарплаты». Указанные данные свидетельствуют о возрастании ощущения конкурентности на рынке труда в связи с приездом мигрантов. На второе место эксперты поставили следующие позиции: вывоз капитала и «размывание» национальной культуры коренного населения (по 32 %), ухудшение криминогенной ситуации (28 %). Позиции «рост стоимости жилья, продуктов, товаров первой необходимости» и «агрессивное поведение в отношении местного населения» не получили широкого признания (14 и 18 % соответственно). Вышеуказанные позиции позволяют утверждать, что как «положительные», так и «отрицательные» моменты составляющих миграционных

потоков акцентируют в большей степени социально-экономический фактор: «мигранты работают в тех сферах, где не желает работать местное население», оборотная сторона – «увеличение безработицы среди коренного населения».

На рассмотрение экспертов была представлена система факторов государственной миграционной политики. Мы предложили выделить три наиболее важных позиции, проранжировав которые были получены следующие результаты. На первое место эксперты ставят «экономический» фактор (64 %) – разница в уровнях доходов между Татарстаном и регионами, странами, из которых приезжают мигранты, наличие рабочих мест, условия занятости. Со значительным отрывом на второе место выдвигается «институциональный» фактор (36 %) – внутренняя политика Татарстана по отношению к мигрантам. Регулирование миграционных процессов в республике признается значимым и создает социальный климат для мигрантов. Третье место занимает «демографический» фактор (32 %) – миграция способствует поддержанию численного состава населения, восполнению естественной убыли населения. Следующее четвертое место разделяют глобалистский (внешние, по отношению к Татарстану факторы) и социокультурный фактор (представляет собой систему интеграции мигрантов в культуру «принимающего» общества). «Этнический» и «информационный» факторы набрали по 8 %. Это, на наш взгляд, связано с пропагандой в республике толерантности и подробного освещения миграционной ситуации в республиканских СМИ. И замыкает рейтинг природный фактор – 2 %.

Для комплексной и объективной оценке миграционной ситуации в республике перед экспертами был поставлен вопрос о влиянии эмиграции из Татарстана в регионы России, страны СНГ, страны дальнего зарубежья на общую миграционную ситуацию в Республике Татарстан. В целом, эксперты определяют влияние эмиграции как незначительное (позиции «крайне незначительно» и «эмиграция не оказывает никакого влияния» набрали в сумме 52 %). Лишь каждый девятый полагает, что эмиграция оказывает значительное влияние на общую миграционную ситуацию в республике.

Подводя итоги можно выделить следующее:

Во-первых, результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что видение существующих проблем и предлагаемые решения не подпадают под дискурсивные полюсы рестрикции (закрытости) или промотивности (полной либерализации). Превалирующие экспертные оценки имеют тенденции избегания крайностей, демонстрируя, скорее, ориентированность аккомодационного типа. Большинство опрошенных придерживается избирательного (в умеренно селективном варианте) подхода – мигранты нужны и, прежде всего, легальные

трудоустроенные мигранты строительных профессий, но необходима их определенная селекция: знание одного из двух государственных языков Республики Татарстан, отсутствие судимости, установки на законопослушный образ жизни, наличие профессиональной подготовки, отсутствие хронических заболеваний.

Во-вторых, ранжирование предложенной выше системы факторов государственной миграционной политики выявило приоритетность для Республики Татарстан следующих моментов:

- экономического фактора (привлечение необходимых для республики работников строительных специальностей);

- институционального фактора (нормативно-регулятивных механизмов деятельности территориальных структур федеральных органов по РТ и республиканских институтов власти по контролю миграционных потоков);

- демографического фактора (восполнение миграцией естественной убыли населения Татарстана, улучшение демографической ситуации в республике).

В-третьих, по мнению экспертов, Республика Татарстан отличается от других субъектов Российской Федерации сравнительно толерантным отношением «автохтонного» населения к мигрантам, отсутствием массовых настроений мигрантофобии, далеким от сколько-либо критических значений уровнем конфликтности миграционной проблематики в целом.

Литература

1. Гайсин М.И., Биктимиров Н.М. Этнические аспекты миграции в Республике Татарстан в XX веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/319/image/319-077.pdf>

2. Захаров Б.Ф., Мустафин М.Р. Миграционные потоки в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://labourmarket.ru/conf3/viewtopic.php?t=32>

3. Материалы съезда народов Татарстана. Казань, 3 ноября 2007 г. / ред. кол.: Ф.Х. Мухаметшин, А.М. Терентьев, В.В. Никифоров. – Казань: «Идель Пресс», 2008. – С. 170.

Сахапов Р.Р.

кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Набережночелнинский институт
653375@rambler.ru

Мальцева Е.Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Набережночелнинский институт

МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

За последние годы значительно возросло общее число нелегальных мигрантов, находящихся на территории России. Основная масса нелегальных мигрантов прибывает в крупные города России в поисках работы. Наличие такого значительного числа бесконтрольно перемещающихся масс людей значительно осложняет социально-экономическую обстановку в городах, как в сфере труда, так и в сфере социально-бытовых отношений.

Более того, значимость нелегальной миграции как нерегулируемого процесса, несущего в себе угрозу внутренней безопасности России, выражается, прежде всего, в осложнении криминогенной обстановки [13].

По мнению В.А. Ионцева, проблемы нелегальной иммиграции становятся не просто злободневными, но и прямо связываются с ростом преступности, терроризма и другими негативными явлениями общественной жизни.

Обострение проблем миграции, в том числе нелегальной, связано с несовершенством правовой базы, а также с отсутствием единого подхода к установлению принципов миграционной политики государства, что, безусловно, негативно сказывается как на регулировании миграционных процессов, так и на осуществлении миграционной политики [12].

На наш взгляд, весьма познавательным будет проанализировать правовые средства борьбы с незаконной миграцией в зарубежных странах. Так, действующим иммиграционным законодательным актом США, Канады, Франции, Германии и Великобритании является Закон об иммиграции. В Канаде были введены понятия поручительства и профессиональной миграции. В 1966 году опубликована "Белая книга по иммиграции", в которой заверялось, что не станет проводиться никакая дискриминация из-за расы, цвета кожи или конфессий, но в то же время подчеркивалось, что предпочтение будет

отдаваться только хорошо образованным специалистам. В 1978 году был принят Закон об иммиграции. Закон впервые определил статус беженцев помимо уже существовавших классов независимых иммигрантов и "членов семей". В 1990 году в США был принят Закон об иммиграции, ставший основой для разработки современного иммиграционного законодательства страны. После террористических актов 11 сентября 2001 года в США страны американского континента внесли серьезные коррективы в свое миграционное законодательство в плане ужесточения порядка выдачи въездных и регистрационных документов.

В Канаде события 11 сентября 2001 года сыграли роль своеобразного "катализатора" и резко ускорили процедуру прохождения в парламенте Закона об иммиграции и о защите беженцев. В нем значительно расширен и ужесточен перечень причин, по которым иммигрантам может быть отказано во въезде в страну (угроза национальной безопасности, нарушения прав человека, участие в организованных преступных группировках). Введено обязательное правило предоставления иммиграционных документов до фактического прибытия в Канаду. Введена новая защищенная "личная карта иммигранта", содержащая подробную информацию о ее владельце. Установлен более строгий порядок рассмотрения дел беженцев.

Франция - одна из старейших миграционных стран в Европе: со времен Великой Французской революции она принимала мигрантов с разных концов света. Конституция Французской Республики 1793 году закрепила норму о предоставлении "убежища иностранцам, изгнанным из своего отечества за их борьбу за дело свободы".

После войны Франция продолжала проводить открытую миграционную политику. В начале послевоенного периода, 2 ноября 1945 года, было принято постановление "Об иммиграции", которое регулировало условия въезда и пребывания иностранных граждан во Франции, за исключением случаев, когда положения международных договоров и соответствующих правил не устанавливают иного. Впоследствии в данный нормативный акт было внесено более 40 поправок.

Вслед за Францией активно строила свою миграционную политику и Великобритания. Иммиграционная ситуация в этой стране в сравнении с другими государствами Европы отличается значительным своеобразием.

Миграционное законодательство Великобритании представляет самостоятельную отрасль с прецедентным правом.

В Германии была разработана программа репатриации, основанная на законах о гражданстве по "принципу крови, то есть по этнической принадлежности, независимо от места рождения и проживания. Вместе с тем процессы репатриации в Германии рассматривались, в том числе и статистикой, не как миграционные, а как международные перемещения граждан этих государств.

В августе 2000 года Германия ввела основанную на балльной системе оценок мигранта программу "Greencard" для привлечения квалифицированной рабочей силы в отрасли, связанные с развитием информационных технологий [13].

В соответствии с §234а Уголовного кодекса ФРГ, кто хитростью, угрозами или применением насилия переправляет другое лицо за пределы пространства действия Уголовного кодекса ФРГ или вынуждает его к этому, или препятствует его возвращению на данную территорию и этим подвергает данное лицо опасности преследования по политическим мотивам и при этом претерпевать применение противоречащих основам правового государства мер насилия или произвола, причиняющих вред его здоровью и жизни, лишения свободы и причинения значительного вреда его профессиональному или материальному положению, наказывается лишением свободы на срок не менее одного года.

В менее тяжких случаях наказанием является лишение свободы от трёх месяцев до пяти лет.

Кто подготавливает такое деяние, подвергается наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет или денежному штрафу[3].

В 1997 году странами Европейского союза был подписан еще один важный документ - Амстердамское соглашение. Первым важным шагом к европейскому единству было Шенгенское соглашение между шестью европейскими странами, которое выполняется с 26 марта 1995 года.

Соглашение предусматривает, что пограничный контроль внутри Шенгенской территории может быть введен вновь в случае серьезной угрозы. Большое сходство и одновременно большое различие между Россией и Соединенным Королевством в контексте иммиграции заключаются в особом положении двух стран среди ряда миграционных доноров (стран СНГ и Содружества Наций соответственно). Если Россия проводит фактически политику "открытых дверей" по отношению к государствам - членам СНГ, соблюдая с ними безвизовый режим (за исключением Грузии), то позиция Великобритании значительно более "эгоистична". Все ее иммиграционные законы второй половины XX века, по сути, были направлены на ограничение

"цветной" иммиграции из бывших колоний. Однако, проводя такую политику, Британия стремится оградить себя от низкоквалифицированных и неквалифицированных представителей стран "третьего мира". В соответствии с нуждами своей экономики государство проводит жесткую программу привлечения профессионалов в те отрасли, где в этом ощущается необходимость[13].

На наш взгляд, стоит обратить внимание на правовую регламентацию незаконной миграции в странах-участниках Содружества независимых государств.

В Декларации о согласованной миграционной политике государств-участников Содружества Независимых Государств, принятой Советом глав государств СНГ 5 октября 2007 года в Душанбе, государства - участники СНГ также заявили о намерении проводить согласованную миграционную политику; содействовать обеспечению прав граждан государств - участников СНГ на свободу передвижения, включая осуществление трудовой деятельности; не допускать дискриминации; углублять сотрудничество по вопросам упорядочения и регулирования процессов трудовой миграции; принимать меры, направленные на предупреждение и предотвращение незаконной миграции, оказывать взаимную помощь в предупреждении, выявлении и пресечении каналов незаконной миграции; стремиться к сотрудничеству в вопросах сближения законодательств в сфере миграции, разработке миграционных программ и их реализации.

В декабре 2009 года Межпарламентская ассамблея государств - участников СНГ приняла Рекомендации по гармонизации национального законодательства государств - участников Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с незаконной миграцией. Особое внимание обращено на необходимость введения уголовной ответственности за организацию незаконной миграции.

Новым программным документом Содружества в области предупреждения и предотвращения незаконной миграции стала Программа сотрудничества государств - участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции на 2012 - 2014 годы, утвержденная решением Совета глав государств СНГ от 3 сентября 2011 года. В ней были определены основные мероприятия по противодействию незаконной миграции. В частности, Межпарламентской ассамблее государств - участников СНГ рекомендовано продолжить принятие нормативных правовых актов, в том

числе о выявлении и конфискации доходов, полученных в результате организации и содействия незаконной миграции[9].

В качестве примера можно привести правовое регулирование незаконной миграции в Республике Казахстан.

В законодательстве Казахстана не только нет специального закона, но даже отсутствует юридически корректное определение «незаконного мигранта» и «незаконной миграции».

В законе «О миграции населения» дано определение лишь нелегальным иммигрантам. Это «...иностранцы и лица без гражданства, прибывшие на территорию Республики Казахстан самостоятельно, без соответствующего разрешения уполномоченного органа или получившие его обманным путем». В действительности, понятие незаконной миграции шире, поскольку между большинством стран СНГ существует безвизовый режим и многие прибывают в страну «самостоятельно», без специального разрешения, и это не является нарушением закона. Однако, когда прибывшие нарушают правила регистрации внутри страны, либо остаются работать в Казахстане без лицензии, то они уже становятся незаконными мигрантами.

В законе «О государственной границе», принятом в 1993 году, в статье 15 дается определение нарушителей государственной границы: это «... лица, пересечение или пытающиеся пересечь государственную границу Республики Казахстан любым способом вне пунктов пропуска через государственную границу Республики Казахстан или пункта пропуска через нее, но с нарушением установленных правил ее пересечения». Одна из самых серьезных проблем незаконной миграции заключается в том, что многие потенциальные нарушители закона первоначально прибывают в страну легально (по туристическим визам или деловым приглашениям), но в нарушение закона остаются в стране по истечении срока визы.

Большую роль в предупреждении незаконной миграции играют двух- и многосторонние межгосударственные соглашения и международные договоры. В последние годы такие договоры о сотрудничестве в охране внешних границ, вопросов пограничного контроля и взаимодействии пограничных войск, сокращении вооруженных сил в приграничной зоне, Республика Казахстан заключила с Киргизской Республикой, Китайской Народной Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан. Заключено соглашение о сотрудничестве пограничных войск в сфере пограничного контроля в пунктах пропуска через границы государств-участников СНГ с государствами, не входящими в Содружество (1999).

30 ноября 2000 года в Минске Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали соглашение о взаимных безвизовых поездках граждан, которое еще не вступило в силу, однако временно применяется в этих странах.

Одним из последних международных договоров явилось Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества независимых государств в борьбе с незаконной миграцией, которое было подписано странами-участниками 6 марта 1998 года и ратифицировано Казахстаном в ноябре 2000 года. В Соглашении говорится о том, что незаконная миграция представляет угрозу общественной и национальной безопасности, экономической стабильности; способствует осложнению криминогенной обстановки. Сотрудничество в борьбе с незаконной миграцией рассматривается как одно из важных направлений регулирования миграционных процессов, ставит целью осуществление совместных мер по предотвращению незаконной миграции, стремится обеспечить правовую основу для борьбы с ней. В декабре 2000 года подписана Конвенция ООН против транснационально организованной преступности и два Протокола против вывоза мигрантов и похищения людей.

Многосторонние встречи регионального уровня, посвященные сотрудничеству в борьбе с религиозным экстремизмом, терроризмом, распространением наркотиков, неоднократно проходили с участием Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, а также Узбекистана и Китая. На последней такой встрече в июне 2001 года в Шанхае, где была сформирована Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), вопросы борьбы с религиозным экстремизмом, терроризмом, наркотрафиком, незаконной миграцией обсуждались как приоритетные в деле сохранения региональной и национальной стабильности стран-участниц. 22 июня 2001 года в Астане состоялось заседание Совета безопасности РК под председательством президента Н. Назарбаева, которое рассмотрело вопросы о состоянии и мерах по пресечению незаконной миграции в Казахстане, что также свидетельствует о том, что проблема приобретает все более серьезный характер.

Закон Республики Казахстан от 22 февраля 2002 года №296-2 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам незаконной миграции» ввёл в Уголовный кодекс статью 330-2 Уголовного кодекса, предусматривающую ответственность организацию незаконной миграции. Данная норма гласит, что организация незаконной миграции путём предоставления транспортных средств либо поддельных документов, либо жилого или иного помещения, а также оказания гражданам, иностранцам и лицам без гражданства иных услуг для незаконного

въезда, выезда, перемещения по территории Республики Казахстан – наказывается штрафом в размере от двухсот до пятисот месячных расчётных показателей либо лишением свободы на срок до двух лет.

Часть вторая вышеназванной правовой нормы закрепляет, что те же деяния, совершённые организованной группой либо с использованием служебных полномочий, - наказывается лишением свободы на срок до пяти лет [4].

Одним из важных направлений миграционной политики Китая является строгая борьба с незаконной миграцией.

16 июля 2001 года Китай и Россия в городе Москва подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, статья 20 которого предусматривает, что Китай и Россия будут совместно бороться с незаконной миграцией, в том числе бороться с лицами, которые через свою территорию незаконно перевозят физических лиц [11].

Статья 415 Уголовного кодекса Китайской народной республики закрепляет ответственность в виде лишения свободы сроком до трёх лет либо арестом; при отягчающих обстоятельствах – лишения свободы на срок от трёх до семи лет в случае предоставления оформленных документов на выезд из страны или въезд в страну лицам, которые заведомо попытаются незаконно пересечь государственную границу, работниками государственных органов, отвечающими за оформление паспортов, виз, а также других документов на выезд из страны или въезд в страну, либо выдача разрешений на пропуск лиц, которые заведомо незаконно пересекают государственную границу, работниками пограничной службы, таможи и других государственных органов [6].

Проанализировав законодательство государств - участников СНГ, можем сказать, что Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит норму, предусматривающую ответственность за организацию незаконной миграции.

Уголовный кодекс Китайской народной республики также предусматривает ответственность за организацию и содействие незаконной миграции.

Миграция населения – это объективный социально-экономический процесс. Миграционное законодательство, регулирующее данный процесс, затрагивает целый комплекс общественных отношений, «пронизывает» несколько сфер государственного управления [8].

Литература

1. Закон США об иммиграции и гражданстве от 27.06.1952 (в ред. от 30.09.1996)

2. Уголовный кодекс Франции от 22.07.1992 / Науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. - 411 с.

3. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / Под ред. А.И. Рарога. - М.: Проспект, 2014. - 106 с.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.04.2014 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., № 15-16, ст. 211.

5. Сборник документов, касающихся беженцев и лиц, находящихся в ситуации, сходной с ситуацией беженцев в Республике Казахстан с анализом и сравнительным исследованием по странам Центральной Азии и СНГ / Под ред. Л. Дрюке, И. Рогова, Е. Турысбекова, Е. Аргымбаева. Алматы: INTELL Service, 1998.

6. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник/ под ред. И.Д. Козочкина. - 3-е изд., перераб. и доп.- М.: Волтерс Клувер, 2010. - 793 с.

7. Draft Glossary of Migration Terms. International Organization for Migration Technical Cooperation Centre. Vienna, 1999. - P. 31.

8. Алехин Е.В. Нормативно-правовая характеристика преступлений, связанных с организацией незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) // Миграционное право. - 2013. - №4. - С. 4.

9. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств-участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе// Российский юридический журнал. - 2013. - №5. - С. 3.

10. Миграционные процессы в современной Европе: эволюция миграционных взаимодействий ЕС и государств Центральной и Восточной Европы // Одесса. - 24-25 Сентября. - 2010. - С. 167.

11. Рязанцев С.В. Миграционные процессы в Европе и их социально-экономические последствия: Вопросы теории и методики исследования. Автореферат дисс. докт. экон. наук. - М.: 2002. - С. 4.

12. Соколов Д.А. Криминологическая характеристика механизмов организации незаконной миграции // Общество и право. - 2011. - №4. - С. 10.

13. Сухих А.Ю. Генезис развития миграционной преступности. Актуальные проблемы теории и практики / А.Ю. Сухих, Б.Б. Тангиев // Гражданин и право. - 2013. - №4. - С. 42.

Фардеева И.Н.
старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
Fardeevai@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТМЕНЫ ВИЗОВОГО РЕЖИМА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Россия и Европейский Союз характеризуют свои отношения как стратегические, реализующие себя в различных сферах сотрудничества, при этом взаимоотношения испытывают ряд трудностей, вызванные процедурой выдачи виз для граждан Российской Федерации. Со стороны ЕС не было возражений в отношении установления безвизового режима для граждан РФ, однако данная перспектива была омрачена, в первую очередь, принятием Европейским парламентом в 2010 году резолюции, запрещающей въезд на территорию Европейского Союза должностным лицам, имеющим косвенное или прямое отношение к смерти С. Магнитского (т.н. «список Магнитского»), и во вторых, существование «чёрного списка», который был составлен после присоединения Крыма к Российской Федерации. В свою очередь, постоянный представитель России при ЕС Владимир Чижов заявил о наличии аналогичного «чёрного списка» для должностных лиц Европейского Союза.

Для Европейского Союза наличие визового режима с третьими странами является общим правилом и исключения делаются на взаимной основе, исходя из оценки конкретного государства по четырем критериям, закреплёнными в Регламенте Совета ЕС № 539/2001 от 15 марта 2001 г. [1]. В свою очередь, законодательство РФ при пересечении государственной границы РФ для иностранных граждан также предусматривает наличие визы. Однако, предусмотрено три способа отмены визовых требований: согласно международному соглашению, по указу президента и посредством внесения изменений в закон [2].

Правовой основой для легальной миграции между РФ и ЕС принято считать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 года [3], однако данный вопрос не был выделен в отдельную статью и о нем не упоминается в тексте документа в виду того, что первоочередной задачей Соглашения обозначалась как была адаптация торговых отношений России и ЕС к нормам и правилам ВТО [4]. Однако, в тексте Соглашения подробно рассмотрен механизм перемещения отдельных физических лиц, занятых на предприятиях сторон, для кото-

рых визовый режим может быть упрощен – это предприниматели (ст. 26), ключевой персонал (ст. 32) и представители российской компании или компании Сообщества (ст. 37). Такой дифференцированный подход обеспечил заключение Соглашения об упрощении выдачи виз в 2006 г. [5]. Данный документ является первым и наиболее значимым шагом в направлении смягчения визового режима: упрощение процедуры получения виз для близких родственников, журналистов, официальных делегаций и некоторых других групп въезжающих. Этим Соглашением предусмотрена процедура оформления российским гражданам многократных виз со сроком действия до 5 лет, чего раньше не было.

Европейцы, случае отмены визового режима, опасаются наплыва большого количества граждан России, которые, по их мнению, мгновенно захотят уехать в экономически более развитые страны Западной Европы. Но в рамках проекта ликвидации виз не предусматривается, например, автоматическое получение права на работу в европейских странах, возможность использования социальных льгот и так далее. Речь идет лишь о праве раз в полгода въехать на территорию одной из стран ЕС без визы и находится на территории ЕС в течение 90 дней. Такой режим существует у ЕС со многими странами, у которых отношения с ЕС не такие тесные, как с Россией. «Корни страха перед безвизовым режимом с Россией - в начале девяностых годов, когда здесь панически боялись волны беженцев с востока. В итоге волны дождались, но не с востока, а с юга», - подчеркнул постоянный представитель России в ЕС Владимир Чижов. Сложная процедура получения визы также может негативно сказаться на таких странах, как Испания, куда приезжает большое количество российских туристов, что способствует получению дохода от туристического сектора [6].

К числу важных технических преград относится процедура выдачи загранпаспортов гражданам Российской Федерации. Одним из условий со стороны ЕС по упрощению визового режима является введение паспортов нового поколения (биометрические паспорта), который имеет ряд преимуществ: сокращается процедура ввода данных на пунктах пограничного контроля благодаря специальному считывающему оборудованию, сокращается время идентификации личности и т.д. Паспорта этого поколения стали выдаваться гражданам Российской Федерации с 1 марта 2010 г., однако миграционные службы также продолжают выдачу паспортов старого образца, так как они дешевле биометрических и многие предпочитают их именно в силу их стоимости. Таким образом, до полной отмены обычных паспортов нельзя говорить о полноценном выполнении данного условия.

Причины того, что визовая проблема на сегодняшний день остается открытой, носят двусторонний характер. С одной стороны, Европейский Союз переживает не самые простые времена в экономической и социальной сферах: «нерешенные социальные вопросы, сложности в пенсионной реформе, проблемы с мигрантами...» [7]. В этой связи следует упомянуть непростую ситуацию, которая сложилась в настоящее время вокруг нелегальных мигрантов, а также выходцев из Турции и арабских стран, которые находятся, например, в ФРГ на легальном положении, но не показывают своей готовности интегрироваться в немецкое общество, в результате чего возникает множество проблем социального и экономического характера. Сложности с национальным миграционным законодательством есть и у Франции, которая «за последнее время выслала со своей территории более 1 тыс. нелегальных иммигрантов - представителей цыганской нации - и продолжает разрушение их лагерей» [8]. Проблема, находящаяся на другой «чаше весов», является более комплексной и касается внутренней обстановки в России. Также, открыв полностью границы, Европа будет не в состоянии справиться с тем количеством граждан, которые в самое ближайшее время захотят воспользоваться нововведениями в законодательстве, - например с «экономическими» эмигрантами из стран СНГ транзитом через РФ. Причем контроль лиц, выезжающих в страны Шенгенской зоны, осуществлять будет невозможно: в результате может снова быть поднят вопрос о закрытии границ европейских стран с перспективой ужесточения режима в дальнейшем и подрыва доверия к России. К самым болезненным моментам для европейских политических деятелей является неутрачивающая дискуссия вокруг вопроса о правах человека, о построении полноценного демократического института в Российской Федерации, который мог бы сравниться с институтами в странах ЕС. Немаловажным остается решение вопроса о смягчении процедуры регистрации граждан из стран ЕС, прибывающих в Россию.

В соответствии с регламентом Совета и Парламента № 1931/2006 от 20 декабря 2006 г. государства-члены ЕС на основе двусторонних соглашений с соседним государством могут устанавливать для своих граждан, проживающих в приграничных регионах, специальный режим для пересечения внешних границ Шенгенского пространства [9]. Такой порядок позволяет гражданам, постоянно проживающим в приграничных районах, пересекать границы и находиться в приграничной зоне сопредельного государства. При этом приграничной зоной, как для въезда, так и для выезда признается административная единица, расположенная в 30-километровой зоне. Если административная единица выходит за рамки этой зоны, но более чем на 50 километров от границы, то

приграничная зона, в пределах которой могут находиться граждане иностранного государства, увеличивается до административной границы данной территории.

Режим малого приграничного движения (далее по тексту МПД) предусматривает отступление от некоторых требований шенгенского законодательства, в частности о наличии визы, достаточных средств для проживания и т. д. Вместо виз основанием для пересечения границы такими гражданами служит специальное разрешение (Local border traffic permit). Кроме того, граждане приграничных зон могут пересекать границы в специальных пунктах пропуска, либо по специальным полосам, а также находиться на сопредельной территории до 3 месяцев (без соблюдения стандартного требования 90 дней в течение 180 дневного периода), в проездных документах сотрудники пограничной службы не ставят штампы о пересечении границы, а в отношении некоторых граждан пограничные проверки вообще могут носить несистемный характер. Основная цель данного механизма состоит в ликвидации барьеров в торговле, социальном и культурном обмене и региональном сотрудничестве. В настоящий момент некоторые страны имплементировали подобный режим на двустороннем уровне. Первое такое соглашение, было заключено между Венгрией и Украиной в 2008 г. [10].

Режим МПД представляет собой продукт европейского права, т. е. подготовлен и реализован в рамках ЕС. Иными словами, он регулирует отношения, связанные с въездом и пребыванием на территории Шенгенского пространства и, безусловно, не может касаться порядка пребывания на территории сопредельного государства. Вместе с тем для запуска данного механизма в конкретном приграничном регионе необходимо, чтобы сопредельное государство в добровольном порядке согласилось имплементировать его на своей территории. Таким образом, государство, с которым устанавливается режим МПД, должно трансформировать нормы, содержащиеся в регламенте ЕС, в свое национальное законодательство.

Режим МПД представляет собой достаточно уникальный пример в области визового законодательства Европейского Союза. Особенностью визовой политики ЕС стало то, что компетенция по визовым вопросам постепенно перешла от государств-членов на наднациональный уровень. Развитие законодательства ЕС в данной сфере осуществлялось через принятие унифицированных норм, действующих в рамках всего ЕС, при этом государства-члены практически лишились полномочий по решению вопросов, касающихся взаимных поездок граждан, с пограничными странами. Регламент о МПД не только либерализовал

зировал шенгенские правила, но и делегировал государствам-членам полномочия по заключению с сопредельными странами соглашений о взаимных поездках граждан [11]. В отношении России вопрос о заключении такого соглашения сейчас рассматривается применительно к трем участкам: российско-латвийская, российско-польская и российско-литовская границы. С одним Норвегией соглашение об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Россия уже подписала 2 ноября 2010 г. [12].

В настоящее время переговоры между Россией и ЕС об отмене визового режима могут возобновиться только в будущем году и наиболее приемлемым решением может стать подписание международного соглашения.

Литература

1. Council Regulation (EC) N 539/2001 of 15 March 2001 listing the third countries whose nationals must be in possession of visas when crossing the external borders and those whose nationals are exempt from that requirement // Ibid. 2001. 21 May. P. 1-7.

2. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны : заключено на о. Корфу 24 июня 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 16. - Ст. 1802.

3. Ст. 6 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 34. - Ст. 4029.

4. Сычугова Ю.А. Практические инструменты сотрудничества России и Европейского Союза в сфере миграции / Ю.А. Сычугова [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : http://dpr.ru/pravo/pravo_38_9.pdf (дата обращения : 01.11.2014).

5. Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского Союза : заключено в г. Сочи 25 мая 2006 г. // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 8. – С. 61–71.

6. Короткин К.Р. Визовая политика Европейского Союза в отношении Российской Федерации. Перспектива отмены визового режима / К.Р. Короткин [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_3/59.pdf (дата обращения : 01.11.2014).

7. Саммит «тройки» может стать последним шансом для Европы [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : <http://www.torrents-nn.cn/showthread.php?t=310561> (дата обращения : 01.11.2014).

8. Франция пошла на уступки после скандала с высылкой цыган [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : <http://top.rbc.ru/politics/16/10/2010/482757.shtml> (дата обращения : 01.11.2014).

9. Regulation (EC) N 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and amending the provisions of the Schengen Convention // Official Journal. L 405. 2006. 30 Dec.

10. Соглашение от 18.09.2007 года между Кабинетом министров Украины и Правительством Венгрии о правилах местного пограничного движения [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MU07116.html (дата обращения : 01.11.2014).

11. Войников В.В. Облегчение свободы передвижения граждан между Россией и Европейским Союзом: перспективы и правовые проблемы / В.В. Войников [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/oblegchenie-svobody-peredvizheniya-grazhdan-mezhdu-rossiey-i-evropeyskim-soyuzom-perspektivy-i-pravovye-problemy> (дата обращения : 01.11.2014).

12. Agreement between the Government of the Kingdom of Norway and the Government of the Russian Federation on Facilitation of Mutual Travel for Border Residents of the Kingdom of Norway and the Russian Federation [Электронный ресурс]. - Электрон. текст. дан. – Режим доступа: <http://www.udiregelverk.no/en/documents/bilateral-agreements/2007-06-08e/> (дата обращения : 01.11.2014).

СЕКЦИЯ 6
МИГРАЦИИ И ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙ-
СКОМ СОЮЗЕ

Federico Zannoni

PhD

Alma Mater Studiorum, University of Bologna

Department of Education

federico.zannoni3@unibo.it

INTERCULTURAL CITIES IN EUROPE

The White Paper on Intercultural Dialogue

Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs on 7 May 2008, the *White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”* presents the shared vision of the 47 member states on the priority of managing the Europe’s increasing cultural diversity, to create a vibrant and open society without discrimination, marked by the inclusion of all residents, in full respect of their human rights. Such ideal and aimed society should be built on the key-concepts of respect, promotion of cultural diversity, solidarity, mutual understanding, individual human dignity. Intercultural dialogue plays a very important role to address these values and to prevent ethnic, religious, linguistic and cultural divides and conflicts. “The White Paper” responds to an increasing demand to clarify how intercultural dialogue may help appreciate diversity while sustaining social cohesion” [4, p. 5].

The starting point is the failure of the previous approaches to the management of cultural diversity. Both multiculturalism and assimilationism are no longer adequate and a new approach, based on intercultural dialogue, is necessary. The White Paper introduces a clear terminology and specific definitions to concepts that have previously had ambiguous and not shared meanings. In this framework, “*intercultural dialogue* is understood as an open and respectful exchange of views between individuals, groups with different ethnic, cultural, religious and linguistic backgrounds and heritage on the basis of mutual understanding and respect. It operates at all levels – within societies, between the societies of Europe and between Europe and the wider world” [4, pp. 10-11]. Intercultural dialogue is considered a key tool to strengthen *social cohesion*, defined as “the capacity of a society to ensure the welfare of all its members, minimising disparities and avoiding polarization” [4, p. 11]. The concept of social cohesion is strictly intertwined with the concept of *social integration*, unders-

tood as “a two-sided process and as the capacity of people to live together with full respect for the dignity of each individual, the common good, pluralism and diversity, non-violence and solidarity, as well as their ability to participate in social, cultural, economic and political life” [4, p. 11]. *Positive action measures* are necessary to compensate the disadvantages arising from a person’s racial or ethnic origin, and must be aimed to promote and achieve effective equality and the equal enjoyment or exercise of human rights. Particularly, *minority groups* (smaller in numbers than the rest of the population and characterized by their identity, ethnicity, culture, religion and language) should be protected [4, p. 12].

According to the White Paper, intercultural dialogue can be built only in democratic cultural and political contexts, characterized by open-mindedness, willingness to engage in dialogue and allow others to express their point, peaceful conflict management. In the same time, intercultural dialogue strengthens democratic stability and facilitates coalition-building across diverse cultural and religious communities, preventing or de-escalating conflicts. The document identifies four conditions that are necessary to allow the development of the intercultural dialogue:

- 1) the respect for human rights, democracy and the rule of law;
- 2) equal dignity and mutual respect;
- 3) gender equality;
- 4) combating the barriers that prevent intercultural dialogue: the different languages, discrimination, poverty, racism, xenophobia, intolerance.

Point 2 “demarcates the intercultural approach more clearly from preceding models. Unlike assimilation, it recognises that public authorities must be impartial, rather than accepting a majority ethos only, if communalist tensions are to be avoided. Unlike multiculturalism, however, it vindicates a common core which leaves no room for moral relativism. Unlike both, it recognises a key role for the associational sphere of civic society where, premised on reciprocal recognition, intercultural dialogue can resolve the problems of daily life in a way that governments alone cannot” [4, p. 20].

The White Paper outlines five distinct dimensions to the promotion of intercultural dialogue, which involve a wide range of stakeholders:

- 1) democratic governance of cultural diversity;
- 2) democratic citizenship and participation;
- 3) learning and teaching intercultural competences;
- 4) spaces for intercultural dialogue;
- 5) intercultural dialogue in international relations.

A democratic governance of cultural diversity implies the full political recognition of cultural, ethnic and religious diversity. A balance between the views of majority and the needs of minorities must be achieved, avoiding any abuse of a dominant position. Law enforcement officials, politicians, teachers, civil society leaders and other professional groups should be competent in working in culturally diverse community, as well as mass media should spread objective information and challenge stereotypes, in order to guarantee human rights and fundamental freedoms to everybody. "States are also encouraged to take positive-action measures to redress the inequalities, stemming from discrimination, experienced by members of disadvantaged groups. In the public sphere, state authorities must strictly respect the prohibition of discrimination, an expression of neutrality in cultural and religious matters. Yet, formal equality is not always sufficient and promoting effective equality could, in some cases, necessitate adoption of specific measures that are coherent with the principle of non-discrimination. In certain circumstances, the absence of differential treatment to correct an inequality may, without reasonable and objective justification, amount to discrimination" [4, p. 27].

Democratic citizenship and participation in the cultural, social and economic life of the community should be promoted by public authorities and social forces through educational initiatives and practical arrangements involving majorities and minorities. The cooperation between public authorities and civil-society organizations (particularly those representing or working with youth and with person belonging to minorities, including migrants) is the most effective way to promote participation and democratic citizenships.

Since the competences for intercultural dialogue need to be learned and practiced, schools and educational institutions and agents plays a key role to promote and strengthen them in the young generations. Intercultural education straddles all the school subjects, it can't be restricted only to history or linguistic studies. It goes even beyond the subjects, to deal the deepest values, the personal and social behaviors, the attitudes towards life and towards the others. "Intercultural competences should be a part of citizenship and human-rights education. Competent public authorities and education institutions should make full use of descriptors of key competences for intercultural communication in designing and implementing curricula and study programmes at all

levels of education, including teacher training and adult education programmes" [4, p. 43].

Intercultural dialogue in the public sphere needs to be developed in adequate and shared spaces: physical spaces, like streets, squares, parks, shops, schools, kin-

dergartens, cultural and social centers, religious building, youth clubs, libraries and museums, sports arenas, but also virtual spaces like the media. Urban spaces should be organised in “open-minded” ways, bringing together diverse sections of society and avoiding ethnic or social ghettos. “Public authorities and all social actors are invited to develop intercultural dialogue in the spaces of everyday life and in the framework of the respect of fundamental freedoms. There are an unlimited number of possibilities for creating such spaces” [4, p. 46]. In particular, culture, arts and sports can be considered interesting and enjoyable common grounds on which to implement intercultural dialogue, while mass media can play a responsible role to prevent conflict and to challenge prejudices and separations.

The cooperation between public authorities and social actors can’t be limited to the local sphere, but should be elevated to a international dimensions, through innovative projects, cross-border partnerships and exchange schemes that involve together different geographical and social realities in Europe.

The Intercultural Cities

Promoted by the European Commission and by the Council of Europe, the *Intercultural Cities* project emerged in 2008 from the White Paper on Intercultural Dialogue. It constituted its direct, first outcome. The project starting point can be summarized through the words of Robert Palmer, previous Director of Culture and Cultural and Natural Heritage, Council of Europe: “Cities require policies and projects that ensure the practice of equal rights for all, combat discrimination and racism, and actively promote constructive interaction between individuals and groups of different backgrounds, cultures and generations. Unfounded myths and prejudices about minorities need to be dismantled, and certain existing civic systems and strategies must be challenged if they are to promote equality of access, participation and opportunity. The distinctive essence of an *intercultural* approach to cities is its focus on the engagement of all citizens; it emphasises collective responsibility and action” [13, p. 12].

Eleven pilot cities from eleven countries had been selected at the beginning of the project: Berlin-Neukölln (Germany), Oslo (Norway), Izhevsk (Russian Federation), Patras (Greece), Lublin (Poland), Reggio Emilia (Italy), Lyon (France), Subotica (Serbia), Melitopol (Ukraine), Tilburg (the Netherlands), Neuchâtel (Switzerland). In the following years new cities joined the partnership: Bergen, Stavanger, Botkyrka, Copenhagen, Strasbourg, Limassol, Haifa, Valetta, Geneva, Lisbon, San Sebastian, London Lewisam, Dublin, Limerick, Rotterdam, and many others are actually involved as associate partners.

The project aimed to test in the different realities of the selected cities the practical policies and the methodological tools that are linked to a new definition of intercultural City [13, p. 17]: “The intercultural city has a diverse population including people with different nationalities, origins, languages or religions/beliefs. Most citizens regard diversity as a resource, not as a problem, and accept that all cultures change as they encounter each other in the public space. The city officials publicly advocate respect for diversity and a pluralistic city identity. The city actively combats prejudice and discrimination and ensures equal opportunities for all by adapting its governance structures, institutions and services to the needs of a diverse population, without compromising the principles of human rights, democracy and the rule of law. In partnership with business, civil society and public service professionals, the intercultural city develops a range of policies and actions to encourage greater mixing and interaction between diverse groups. The high level of trust and social cohesion help to prevent conflicts and violence, increase policy effectiveness and make the city attractive for people and investors alike”.

The Intercultural City was conceived as an action research and policy development programme, designed to deliver the three main objectives to:

- 1) stimulate an inclusive debate, review and policy reformulation in pilot cities on the basis of an intercultural approach to migration, integration and social cohesion;
- 2) encourage pilot cities to develop comprehensive intercultural strategies for the management of urban diversity;
- 3) elaborate model intercultural strategies and strategy development and evaluation methods as an example and inspiration for other cities in Europe.

The theoretical background refers to the White Paper, but also to the original conception of Intercultural City elaborated by the British think-tank Comedia [14; 2]. The analysis of the last 30 years of urban policy to diversity outlines the big lacks of the four previous approaches (non-policy, guestworker policy, assimilationist policy, multicultural policy) to underline the need for a new intercultural policy: “There is however a significant difference between the Intercultural and all the other policies. All the others are different ways of dealing with minority or the outsider, but with an underlying assumption that this will not ask any serious question of, or require change by, the majority. An intercultural city, on the other hand, is one in which there is the assumption that diversity is the norm and that it is incumbent upon all residents to make adjustments. What the other models also lack is any sense of the dynamic energy of our diverse European urban society, in which the movement of people is matched by the interplay and trading of goods and services, ideas and customs,

dreams and aspirations, fears and anxieties, skills and aptitudes as people make places, make money, make love, make families and make new identities within and across ethnic lines” [13, p. 26].

The intercultural approach to the city governance implies a shared political and social orientation to civic innovation, to facing up to conflict, to being proactive, to upholding equality and democratic rights. A sequence of actions and criteria should be respected to develop a positive intercultural city strategy:

- mapping the intercultural issues for the city;
- demonstrating leadership and preparing the ground of the strategy;
- consultations and participation;
- establishing partnerships and alliances;
- consolidating public discourse and media ethics;
- influencing related areas;
- building a wide intercultural vision of cities;
- developing the vision.

The many *cities* have structured their *intercultural* strategies in different ways, according to their proper specificities, but they have followed common guidelines composed by ten elements [13, pp. 44-46]:

1) “Encourage the development of positive public attitudes to diversity and a pluralist city identity by using public discourse and symbolic actions”. It is very important to mark, also through iconic and symbolic actions, the transition to the new intercultural “era” for the city-life. Intercultural trust and understanding should be feelings and attitudes towards people, but also visible, clear elements in the urban landscape. In Neuchâtel, for example, the project *Neuchâtoï* involved in 2006 for 9 months hundreds of events (conferences, plays, exhibitions, etc.) and partners inviting people to reflect on the idea of their city’s changing identity [3, p. 64].

2) “Initiate an exercise to review the main functions of the city through an intercultural lens”, and establish trial projects in different spheres, such as: in education, in the public realm, in housing and neighbourhoods, in the public services and civic administration, in business and economy, in sport and the arts. In Reggio Emilia, in Italy, *Mondinsieme Intercultural Centre* cooperates with schools, offering them activities and workshops on issues such as religion, media and ethnic prejudice, culture and food, etc., and employing cultural mediators to support the foreigner pupils’ integration. “Action! Karl-Marx-Street – young, colourful, successful!” is the slogan selected in the framework of the urban development project for the Karl-Marx-Street in Neukölln, Berlin, to underline the international “colourful” identity of the city. In Tilburg new migrant entrepreneurs and experienced Dutch entrepreneurs are working

together: a special promotion team looks for trainee posts for migrant trainees, hoping that the investment will be profitable in the long term [3, pp. 67-87].

3) “Acknowledge the inevitability of conflict in mixed communities and develop the city’s skills in mediation and resolution”. Several pools of mediators are employed in the neighborhoods, as in Vic (Spain), where a team of 10 “street mediators” deals with minor conflicts and tries to meet and talk to people about their concerns relating to the arrival of foreigners, aiming to ideate shared solutions [3, p. 89].

4) “Invest heavily in language training to ensure that all migrants are able to converse in the majority language, but also enable members of the majority to learn or get an impression of minority languages”. During the Biennale of Contemporary Art in Lyon, for example, speed language courses are organised for migrants to present their language to others, as a symbolic recognition of the importance of these languages for the community [3, p. 91].

5) “Establish a joint strategy with local media agencies and where appropriate journalism schools to gather and present news in a responsible and intercultural way, achieve a balanced reporting of migrants/minorities in media and strengthen community media”.

6) “Establish an international policy for the city” which at the same time should open to the influences from the outside and defend the own local identity. Policy and trade links with the countries of origin of minority groups should be established and new models of local and global citizenship should be monitored and developed. In Lublin (Poland), the Euroregional Information and Cultural Cooperation Centre “Closer and closer” provides ongoing support to the cultural cooperation between Lublin, Lutsk (Ukraine) and Brest (Belarus), exchanging information on current cultural events and organizing trans-border cultural projects [3, p. 94].

7) “Establish an intercultural intelligence function or an observatory”, or at least begin to study and collect examples of good practices, local information and data, and to plan researches into the state of cross-cultural interaction in the city and joint projects with local agencies and wider networks. In Tilburg, for example, a survey on the people’s attitudes to multicultural society is held among the residents and its results are contemplated by the administrative leaders [3, p. 97].

8) “Initiate a programme of intercultural awareness training for politicians, and key policy and public interface staff in public sector agencies”, encouraging the private sector to participate.

9) “Initiate welcoming initiatives for newcomers and urban exploration projects whereby new arrivals (temporary and permanent) but – equally importantly – local citizens, can visit parts of the city they have not previously been, hosted by

people of different cultures, get acquainted with the city services and institutions, and received personalised integration support”. Every month in Tilburg town hall a special ceremony is dedicated to people who have passed the integration programme exams. After the ceremony a touristic guide accompanies them to discover the city cultural and historical heritage [3, p. 99].

10) “Establish processes for encouraging cross-cultural decision making in both civil society organisations and public institutions, support the emergence of new civic and political leaders from diverse background and ensure the current leadership are cultural knowledgeable and competent”. An equality audit for the city’s recruitment and career policy is active in Lyon, and employing foreigner people is set to become a condition for organisations receiving public support [3, p. 105].

Conclusion

The multicultural composition of urban population is distinctive element of our society that is common in all the European countries. In a globalised world, multicultural society is not produced only by immigrants, but also by many other factors that characterize our age: the consumerism and the individualism that lead people to desire and to buy (or sometimes to dream, or to steal, when money is not enough) the same products, the same “brand”, but also the many languages spoken in real life and in virtual life, the enlarged network of friendships (real or virtual), the cheaper and faster opportunity to travel, for tourism or for business, the international pop culture, and in particular its expressions in the different fields of music, sport, cinema, fashion, food, that strongly influence the lifestyles [7]. The different cultures are not separate, they live and mix together in the same, restricted urban spaces. In most of the cases, they live together inside the same person: we should think at the so called “second generation of immigrants”, the children of the first generation of immigrants, born in Europe or arrived during childhood, whose complete integration will be a decisive element for a peaceful future in our cities [6]. The coexistence of many cultures, many different people, many religions, implies positive challenges but also complex criticalities: each city can’t act as if it were an island, it is very important to collect the efforts, to share the good practices, to build strong relationships between different actors from different places. The pluralism in society should be managed by pluralistic efforts and skills, and intercultural networks are very effective tools to support and to produce the necessary intercultural change in our local environments.

References

1. Appadurai, A. (1996). *Modernity at large. Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

2. Bloomfield, J., & Bianchini, F. (2004). *Planning for the Intercultural City*. Stroud: Comedia.
- Borjas, G. (1999). *Heaven's door*. Princeton: Princeton University Press.
3. Council of Europe (2013). *The intercultural city step by step. Practical guide for applying the urban model of intercultural integration*. Strasbourg Cedex: Council of Europe Publishing.
4. Council of Europe (2008). *White Paper on Intercultural Dialogue "Living Together As Equals in Dignity"*. Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session. Strasbourg, 7 May 2008.
5. Extra, G., & Yağmur K. (eds). (2004). *Urban multilingualism in Europe. Immigrant minority languages at home, school*. Clevedon: Multilingual Matters.
6. Filippini, F., Genovese, A., & Zannoni, F. (2010). *Fuori dal silenzio. Volti e pensieri dei figli dell'immigrazione*. Bologna: Clueb.
7. Genovese, A. (2003). *Per una pedagogia interculturale. Dalla stereotipia dei pregiudizi all'impegno dell'incontro*. Bologna: Bononia University Press.
8. Janssens, M., Bechtoldt, M., de Ruijter, A., Pinelli, D., Prarolo, G., & Stenius, V. M. K. (eds). (2010). *The sustainability of cultural diversity*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.
9. Janssens, M., Pinelli, D., Reymen., D. C., & Wallman, S. (eds). (2009). *Sustainable Cities. Diversity, economic growth, social cohesion*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.
10. Page, S. E. (2007). *The Difference: How the power of diversity creates better groups, firms, schools and societies*. Princeton: Princeton University Press.
11. Wallman, S. (2011). *The capability of places. Methods for modelling community response to intrusion and change*. London: Pluto Press.
12. Wilkinson, R., Pickett, K. (2009). *The Spirit Level. Why equality is better for everyone*. London: Penguin Books.
13. Wood, P. (Ed.). (2009). *Intercultural Cities. Towards a model for intercultural integration*. Strasbourg Cedex: Council of Europe Publishing.
14. Wood, P., & Landry, C. (2008). *The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage*. London: Earthscan.

Maria do Carmo Vieira da Silva

Professor, PhD

CICS.NOVA - Interdisciplinary Centre of Social Sciences

mcvs@fcsh.unl.pt

Cláudia Urbano

Professor, PhD

CICS.NOVA - Interdisciplinary Centre of Social Sciences

claudia.urbano@fcsh.unl.pt

MIGRATIONS, ETHNICITY AND EDUCATION IN PORTUGAL

In the south-western part of Europe, despite being a small country, Portugal was the longest and wider European colonial empire, with (former) colonies in Asia, Oceania, Africa and South America. An important gathering trait that remained after the end of colonialism was the Portuguese language.

The country has so far revealed a southern European migratory dynamic, and African migrants who approach Portugal are mainly from CPLP – Community of Portuguese-Speaking Countries, with a previous knowledge of the Portuguese language, that aim to come specifically to this country as a first step inside Europe.

Portugal, after a long history as a country of origin of emigrants (which it continues to be), at the end of the 20th century became also a receiving country. Today different communities, particularly Brazilian, Cape Verdean, Ukrainian and Romanian immigrants, already constitute about 4.5% of the resident population in Portugal (445,262 legal immigrants) and about 8% of the working population. The growth of these communities was witnessed essentially from the beginning of the 1990s.

Since that time Portugal has structured the work for multicultural issues through a specific secretariat, which has been responsible for the promotion of many platforms, studies and publications. At the educational level, another important remark of the Portuguese initiatives is the creation of Educational Territories of Priority Intervention, influenced by the French model of the ZEP – Zones d'Éducation Prioritaire. These territories constitute a measure of education policy aimed at promoting the educational success of every student and particularly the success of children and youth found more in risk of social and school exclusion.

1 - Formal educational practices: intercultural education in schools, universities and research centres

Despite being a semi-peripheral country, Portugal has also felt the effects of globalization as the Portuguese educational institutions have registered an increase in the diversity of the students: from African Portuguese speaking countries, Brazil, Eastern Europe (specially Ukraine), as well as other cultural communities such as the Gypsies, Muslims and Hindus. The growing number of immigrant population with school-age children makes society and different social sectors, particularly school, being confronted with a great linguistic and cultural diversity of students, which requires the adoption of appropriate strategies and policies to deal with this new reality.

The Portuguese education system currently has more than 100,000 students (corresponding to 5,6% of the total of students) from other countries, half of them in basic education (5%), especially in the 1st cycle; 23,000 (5,9%) attend secondary school and 28,000 (7,4%) are enrolled in higher education[1]. Although, by demographic factors, the number of students is decreasing, the number of immigrant children has been showing the opposite trend, confronting school with new audiences and certainly with need to coordinate effective responses to integration.

The majority of students of foreign origin attend to schools in Lisbon and surrounding region. Two thirds of Portuguese schools have pupils whose mother tongue is not Portuguese.[2]

Considering higher education, in addition to residence foreign students, there is also the existence of European exchange programs for students and teachers, such as Erasmus. Portugal received 9,197 foreign Erasmus students in 2011/2012, an increase of almost 10% over the previous year.

In addition, in 2005 nearly 6,000 adult foreigners asked equivalence of their qualifications, more than half to study or to pursue studies.

One concern in education is academic failure and dropout: in some groups, specially Africans, rates of school failure and dropout are above average. In the case of European students there are two realities: the students from the European Union, which normally attend private schools, many in their mother tongue, and students from Eastern Europe. These last ones, due to different specific academic and cultural characteristics of the families, are usually exceptional students learning the language of the host country easily and with a remarkable engagement of families on the education system.

Portugal developed interesting activities and policies towards interculturalism. It is frequently taken as an example of Best practices, namely regarding family reunification, labour mobility and access to nationality. In a normative level there is a sufficient

body of law from both national initiative and international ratification of conventions or EU Directives. But, in a pragmatic level there is still work to do.

2 - Ethnicity

Despite the efforts made at different levels, either through formal institutions or through non-formal, for the integration of immigrants and non-discrimination of ethnic minority groups, discrimination continues to be felt, and ethnicity is a negative element. Therefore it is appropriate a reflection over the concept of ethnicity.

Ethnicity is constituted by the practices and concepts that distinguish a particular community feeling culturally distinct from other groups of the same society at the same time that it seen by them as effectively different. According to Gillborn [3], it is ethnicity that gives individuals the awareness of their identity and can be expressed in many ways including language, clothing, styles of behavior, history, and religion. Barth [4] argues that ethnic groups are much more defined along ethnic lines than by cultural content, while Cohen [5] is among those who acknowledge the existence of ethnicity coming from inter-ethnic relations, and Gillborn [6] emphasizes "the sense of difference which can occur where members of a particular [ethnic] group interact with nonmembers." To Vreede [7], "a group cohesion is formed around that cultural origin, [and] this group cohesion renders the group its identity", but is also strongly influenced by the perceptions of the dominant group on that culture and the minority's reactions to discrimination. So the author defines ethnicity as "a group identity derived from a shared cultural origin which renders a minority group its unity in its resistance to discrimination [as] one might say that a minority group becomes an ethnic minority when it starts to use its ethnicity in its struggle for emancipation". Indeed, these are elements used to 'make a difference', and that are used as a identification pattern, as self-assertion of collective identity of the group itself [8].

According to Barth [9], an ethnic group is defined by the following characteristics:

- 1 - is largely biologically self-perpetuating
- 2 - shares fundamental cultural values, realized in overt unity incultural forms
- 3 - makes up a field of communication and interaction (ie, its components have their own language to communicate with each other, usually they marry with each other and organize rites and celebrations in which will not be well received or accepted members of other groups, etc.).
- 4 - has a membership which identifies itself, and is identified by others, as constituting a category distinguishable from other categories of the same order.

However, as argued by Teillet Roldan [10], «the confusion is not about saying the biological specificity of a set of traits (no one denies that the hem on the eyelids

of the Asians which makes their eyes different from the European ones is something genetic), but by assuming that these traits specify a certain kind of built and named reality. Thus, the term ethnicity "is reserved for distinctions between groupings, in terms of cultural identities" [11], a social construction of everyday thinking used to identify, categorize and label groups and, from there, people [12], as "ethnic identity is characterized by a socio-historical identity of origin, lived as a minority within a multi-ethnic state" [13]. Emphasis is placed at the importance of relations of power: for example, in South Africa, the term 'minority' is not used for the white (minority) population, being the one who has the power.

3 - Ethnocentrism

It is this attitude of labeling people and groups, of evaluating other ethnic groups from the point of view and the experience of the belonging ethnic group that leads to ethnocentrism – a word formed by assemblage of 'ethnic' and 'center', derives from the Greek *ethnikós* through the Latin *ethnicu*, and means a characteristic of a country, about the inhabitants of a region. Simões [14] defines it as any social behavior and any attitude or emotional behavior that leads individuals to prioritize and to overestimate what they belong to, for example, the group (of leisure and friendship, ethnic, local, national, etc.), the culture, in relation to others, judging these most of the time in a negative way. Thus, "ethnocentrism is characteristic and characterizing of all human beings, because it seems to us that there is no one who does not consider himself/herself, or what he/she belongs to or even the group to which he/she is an integral part, as the best, if not in all at least in some relevant aspects".

Amancio [15] says that the analysis of ethnocentrism, in the golden period of the models of attitudes in social psychology, was limited to extrapolations from the psychological level to intergroup relations, coming from anthropology and sociology the studies that considered the situational and structural dimensions. The assumption of their culture by a particular ethnic group, and the power (or its absence) that the group has in society, reinforces the intervening variables in intergroup relations defined by Tajfel [16].

The traces of ethnicity, specific to each group, lead their members to judge other cultures by comparison with their own culture. Therefore it might be no surprise the tendency to hardly sympathize with different ideas or behaviours belonging to another culture. This 'trial' is, according to Giddens [17], ethnocentrism.

Levine and Campbell [18] define ethnocentrism "as a syndrome characterized by a perception and evaluation of a reality centered on the belonging group and being a point of reference for the classification and evaluation of other groups". This displacement of the explanation of ethnocentrism from the personality to the intergroup

relations allows to better understand Allport's idea [19] – as he understood ethnocentrism as the result of a stiff vision of social reality explained by ignorance – and Billig [20], who did not understand the persistence of discrimination against migrant minorities in Western Europe societies, coexisting with democratic norms and tolerance.

There are ethnocentric judgments about behaviour, culture and the others' experience that lead to misunderstandings and even conflict, with consequences that may lead to action against the interests of other ethnic groups. Indeed, it is looking at the world by taking its own culture as reference that leads to what García et al. [21] designate as 'absolutizing this view of the world', becoming those who look that way judges of what is right or wrong, of what other groups should or should not do. By taking themselves as superior to other groups, the members of the group began to consider that all groups must be ruled by the same pattern – their own – as a result of an ethnocentric stance. Such a way leads them to judge others from their own point of view, from the perspective of their culture, believing that they are the ones who are 'right' or 'correct' [22].

Gillborn [23] says sometimes it is not possible to distinguish between ethnocentrism and institutional racism, as ethnocentrism acts as "a useful analytical tool that allows us to examine some of the many complex paths used by well-meaning teachers and even liberals who act in a racist way". In the same way, in their research conclusions Vala et al. [24] mention the paradox of the term 'ethnic groups' advised by UNESCO "as a non-racist and non-discriminatory expression, while itself is the seed of a new racism".

4 - Ethnicity in school

The current school is a reflection of a broad multicultural field, resulting from territorial achievements or unifications, as from great population movements, with varied motivations, that take place all over the world. However the speed of the movements of people from one area to another is not always followed by a flexibilization by the indigenous and to an opening to new scenarios. Eager of their own culture and their own ethnic identity, they often look to the foreign people as a different and threatening one, who disturbs the established rules, usurps of rights and the well-being.

The school, as a micro-scenario of society, faces unusual situations, with non-understandable constraints, with problems without knowing the solutions. Although several research studies have focused on this issue, we are still far from finding in school as a place of a multi / intercultural dialogue, enrichment, personal growth and shared experience. The UNESCO International Commission Report (1996), on education for the century. XXI, chaired by Jacques Delors, states "learning how to

know", "learning how to do", "learning how to be" as pillars to basic elements for 'learning how to live together'.

It is a legitimate position, but ambitious when, knowing and understanding the psychosocial functioning of the individual and its consequences, it is known that, in a natural way, a human being stereotypes and discriminates, as self-prophecy might also feed the stereotype.

Thus, the success or failure of today's school lies in its ability to recognize that cultures are the product of the interaction between "official" culture and students cultures. Besides other variables, this interaction is basically related to relationships between teachers and students.

And not always, or even very few times, teachers have proved having sensitivity (perhaps by non-acknowledgement) to a correct perception, interpretation and response to the intellectual, emotional and even sexual characteristics of students of a specific ethnicity. This lack of knowledge may lead to the creation of expectations, attitudes and feelings by the teachers, which can become later in incentives for students' behavior, confirming teachers' rooted beliefs as a self-confirmatory prophecy. This means that teachers incorrectly defining a situation and finding consistency in the students' subsequent actions, will become this prophecy a reality.

Indeed, Dunkin and Doenau [25] cited different studies in the USA, in the 1970s, mentioning the possibility of teachers being able to practice in the classroom discrimination between students from the majority and the minorities, by establishing less positive and more negative interactions with minority students, by less involving them and with more complex questions, by less weaving complements and giving less encouragement, and by criticizing more and producing bad remarks about discipline. All these results were confirmed in Portugal, in two multicultural primary schools, in the studies by Silva [26].

Jackson and Cosca [27] observed 500 southwestern US classes with white and non-white students and found that the teachers praised, encouraged, accepted ideas, questioned, reacted positively and avoided critic ways to talk, especially towards white students and less towards non-whites students. These attitudes have led to: a low self-esteem and poor motivation of non-white students regarding the education system; teachers' little interest; an increased tension and resentment between white and non-white students. It was followed by a reinforcement of the stereotypes of teachers the and, in the case of open conflict, the assignment of responsibility to the victims, which fueled the cycle.

Also Vasquez [28] states about the school time and the use of time in extra-school life reinforced by the testimony of a young (former emigrant in France) Portu-

guese university student, with an educational background in France: "(in primary school) Everything becomes much more rigid: a schedule for everything; the teacher wore a spotless white robe; we had to stand up when the director entered the classroom and had to say out loud 'Bonjour, Mr. Le Directeur!'. Even at the cafeteria no one would sit as 'Mr. Le Directeur' wasn't there. This respect towards our Director, although it seems a bit exaggerated nowadays, was however a motif of pride for all of us because Mr... was as rigid as the rules of the school, these moments of explicit respect could be seen in some of his rare smiles". Or as another student (in the same situation) states: "The rhythm of the lessons was very quick". Or, another: "daughter of immigrants, the odds of getting it were reduced, according to some teachers and French people I knew. The image that the French had about Portugal was quite derogatory. Hardly they were different from the existing prejudices. Portuguese men were destined to manual work and women to cleaning tasks. The migrants' children did not have the same 'chance' regarding education, they did not have the same capabilities. This way of discrimination was also felt in school education. Some teachers did not treat students the same way, did not let everyone participate, were always talking to the same students. I do not remember having had a French teacher who wanted me to talk about Portugal, about my experience, my country... During my schooling I saw inequalities and different treatments regarding children of ethnic or disadvantaged backgrounds. These children showed linguistic problems and were early oriented to differentiate teaching; they could not choose a college course and had to choose technical education" [29].

Gillborn [30] says that a particular style of walking of the students (african-Caribbean boys) was interpreted as inappropriate by the school board, which caused criticism and repairs to young people as they considered it normal among black male population: "this reflects a tendency, widespread among the teachers, to devalue what is not in conformity with their (white) expectations and experience". The same happened towards the dressing code and the way of speaking, deteriorating relations between african-Caribbean students and white teachers in a school context of devaluation of the ethnicity of the students, and encouraging a potential conflict between the two sides. In fact, the large proportion of punishments given to these students resulted from attitudes interpreted by their teachers as "offenses". These facts lead Gillborn to state that "both sides felt that the conflict was not a mere case teacher / student, but white / black."

A survey conducted in France by Zimmermann [31], about the attraction / repulsion of teachers towards students regarding their physical appearance, charm, voice, delicacy, hygiene, presentation and clothing, revealed that the children of im-

migrant factory workers were the most poorly considered, followed them by children of French workers and, finally, by children from “good families”. About half of the children of immigrant factory workers were consistently considered indifferent, unsympathetic, sometimes disgusting.

Also in France, the use of the scarf (hijab) by Muslim students was interpreted by teachers as a religious manifestation, misplaced in the context of the secular French school. Indeed, in October 1989, at the College Gustave-Havez of Creil (Oise), three students of Moroccan origins, aged between thirteen and fourteen, they were driven out of the college by refusing to take off the scarf that covered their head. More than twenty years later, the hijab issue continues to raise controversy in the French school, and to discriminate overtly or ostensibly those who use it and who are increasingly seeking ways of learning and training at a distance.

Another example in the French school is related to Asian students who, in the classroom, greatly destabilized their teachers because of their silence. It is a normal behavior in the Chinese school, where students do not take the word. Something similar happened in the US where Indian children sat quietly in the class and did not respond to questions from their teacher, not because of being shy, maladjusted or with learning difficulties, but because in their own culture it was expected to learn by observing adults without interacting with them. When they needed help they should contact older siblings, and not adults. Moreover, they were accustomed to self-determination at home, much larger than it was allowed at school [32].

5 - Final Thoughts

These reactions from teachers, ignoring the differences between students with different cultures, pressing them even to deny these differences and expecting a similar behavior as the dominant group, can be decisive in a successful or unsuccessful school career. It is also determinant noting ostensibly that someone is different and therefore that he/she is unable to achieve the same goals and the same results of the students of the majority, or rather the 'standard' student within the majority of the 'ideal student', as it is a construction made by the teacher regarding their own lifestyle, their language and their own culture.

As Brown [33] stated, the sense of identity and self-confidence of children can be seriously affected as a result of the rejection of part of themselves.

References:

1.[http://www.dgeec.mec.pt/np4/97/%7B\\$clientServletPath%7D/?newsId=147&fileName=PERFIL_DO_ALUNO_1112.pdf](http://www.dgeec.mec.pt/np4/97/%7B$clientServletPath%7D/?newsId=147&fileName=PERFIL_DO_ALUNO_1112.pdf)

2. Ramos, N. (2007). Sociedades multiculturais, interculturalidade e educação. Desafios pedagógicos, comunicacionais e políticos. In *Revista Portuguesa de Pedagogia*, Ano 41-3, 223-244.
3. Gillborn, D. (1992). Citizenship, «race» and the hidden curriculum. *International Studies in Sociology of Education*, 2 (1), 57-73.
4. Barth, F. (1976). *Los grupos étnicos y sus fronteras*. México: Editorial FCE.
5. Cohen (1978), cited by Vreede, E. de (1990). What are we talking about? Plural education and teacher education. *European Journal of Teacher Education*, 13 (3), p. 130.
6. Gillborn, D. (1990). «Race», ethnicity and education: Teaching and learning in multi-ethnic schools. London: Unwin Hyman, p.7.
7. Vreede, E. de (1990). What are we talking about? Plural education and teacher education. *European Journal of Teacher Education*, 13 (3), 129-140.
8. García, H.; Adroher, S.; & Blanco, M. R. (1996). *Minorías étnicas: Gitanos e inmigrantes*. Madrid: Editorial CCS.
9. Barth, F. op. cit..
10. Teillet Roldán, E. (2000). *Raza, identidad y ética*. Barcelona: Ediciones del Serbal.
11. Rodrigues, A. (1995). Raça – etnicidade – integração – assimilação. *Ethnologia*, 3-4, 59-66.
12. Vala, J.; Lopes, D. & Brito, R. (1999). A construção social da diferença: Racialização e etnicização das minorias. In J. Vala (Org.), *Novos racismos: Perspectivas comparativas*. Oeiras: Celta Editora, pp. 145-167.
13. Bastos, J. G. P. & Bastos, S. P. (1999). *Portugal multicultural*. Lisboa: Fim de Século Edições.
14. Simões, A. (1995). Pensar, sentir e viver a igualdade na diversidade. Incursão bibliográfica sobre o racismo e xenofobia. *Ethnologia* (1995), 3-4, 89-101.
15. Amâncio, L. (1993). Identidade social e relações intergrupais. In J. Vala & M. B. Monteiro (Coord.), *Psicologia social*. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, pp. 287-307.
16. Tajfel, H. (1982). *Grupos humanos e categorias sociais – I*. Lisboa: Livros Horizonte.
17. Giddens, A. (1993). *Sociology* (2ª edição), Cambridge: Polity Press.
18. Levine & Campbell (1972), cited by Amâncio, L. (1993). Identidade social e relações intergrupais. In J. Vala & M. B. Monteiro (Coord.), *Psicologia social*. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, pp. 287-307.

19. Allport, G. W. (1954). *The nature of prejudice*. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley.
20. Billig, M. (1984). Racisme, préjugés et discrimination. In S. Moscovici (Ed.), *Psychologie sociale*. Paris: P.U.F.
21. Garcia H. et. al (1996), op. cit.
22. Cushner, K. & Brislin, R. W. (1996). *Intercultural interactions: A practical guide* (2ª edição). California: SAGE Publications.
23. Gillborn D. (1992), op. cit.
24. Vala, J. et. al (1999), op. cit, p. 163.
25. Dunkin, M. J. & Doenau, S. J. (1985). Student ethnicity and classroom behaviour. In *The international encyclopedia of education* (vol. 8). Oxford: Pergamon Press, pp. 4841-4845.
26. Silva, M. C. V. da (2008). *Diversidade cultural na escola: Encontros e desencontros*. Lisboa, Edições Colibri.
27. Jackson, G. & Cosca, C. (1974). The inequality of educational opportunity in the southwest: An observational study of ethnically mixed classrooms. *American Educational Research Journal*, 11 (3), 219-229.
28. See Vasquez, A. (1982). Temps social / temps culturel. *Enfance*, 5, 335-350, and Vasquez, A. & Proux, M. B. (1984). 'La maîtresse dit que je suis lent': Représentation de l'école française dans le discours d'élèves immigrés. *Revue Internationale de Pédagogie*, 30, 155-170.
29. Silva. M. C. V. da (2008), op. cit., p. 116.
30. Gillborn, D. (1990), op. cit..
31. Zimmermann, D. (1978). Un langage non-verbal de classe: Les processus d'attraction – répulsion des enseignants à l'égard des élèves en fonction de l'origine familiale de ces derniers. *Revue Française de Pédagogie*, 44, 46-70.
32. Philips, 1972 cited by Winitzky, N. (1995). Salas de aula multiculturais e de ensino integrado. In R. I. Arends (Ed.), *Aprender a ensinar*. Lisboa: McGraw-Hill de Portugal, pp. 140-183
33. Brown, B. (1998). *Unlearning discrimination in the early years*. Staffordshire: Trentham Books.

Vieira, Inês

PhD student, researcher, human ecology
ines.vieira@fcsh.unl.pt

Baptista, Luís

Professor, researcher, urban sociology
luisev.baptista@fcsh.unl.pt

CICS.NOVA – Interdisciplinary Centre of Social Sciences, NOVA
Faculty of Social Sciences and Humanities, NOVA University of Lisbon, Portugal

FRONTIERS AND DIVERSITY IN METROPOLITAN CONTEXTS: THE CASE OF CAPE VERDEANS IN LISBON METROPOLITAN AREA

Introduction

Metropolis mean the globalized and expandable feature of societies, metropolis highlight the connection of the city with its surrounding and echo the frontiers established at the physical, territorial and social levels. Metropolis are privileged settings to witness inclusion-exclusion dynamics, constituting a prior context to observe population diversity. So, metropolis mean mobility. In this sense, metropolis stimulate mixed feelings, endorse the coexistence of diverse groups and promote the affirmation of their identities, yet producing a sense of insecurity towards difference.

Specifying metropolis mobility in the Portuguese case, at the political level, the country is frequently taken as a good example regarding migrant integration policies and general institutionalization of immigration; but these good practices get re-equated when confronted to observable realities of immigrant living conditions and opportunities. Through the history of immigration in Portugal, Lisbon Metropolitan Area has been the main host context, both to the most “mobile” people and to the least privileged immigrants. Being the residence place of more than half of the country’s immigrants, it is also the context in which migrant-related integration problems can be better observed.

In certain urban neighborhoods – like the ones where African migrants and descents (including those of Cape Verdean origin) live – the problems of ethnicization of poverty and exclusion are a realistic threat. Yet, nowadays it is important to observe that these neighborhoods mix many different ethnic groups, including Portuguese people. They are, nonetheless, spaces of concentration and segregation, not necessarily at the ethnic level, but due to degraded housing conditions, economic disadvantage and social deprivation. This means that the centre of the problem is not the

existence of ethnic neighborhoods or ghettos; the question is that segregation of poverty, degraded urban and social spaces do condition the opportunities of its inhabitants.

After elucidating the methodological approach, in order to better clarify the background and discuss key features of Cape Verdean presence in Lisbon metropolitan context, we opt to frame migration flows from Cape Verde to Portugal, then present the main results regarding Lisbon metropolitan growth and the Cape Verdean community, and finally discuss three key features emerging from these results, regarding frontiers, fear of diversity and complexity.

Methodological approach

Reading options underlying this work are based in human ecology and sociological references, privileging urban studies literature both at the international and Portuguese scales.

Descriptive statistics are sustained on national official sources, namely from the Portuguese service of strangers and frontiers, complemented by historical data collected and analyzed by Portuguese academics.

Qualitative data on the Cape Verdean community in Lisbon Metropolitan Area is being collected within Inês Vieira's PhD project, financed by FCT (Portuguese national funding agency for science, technology and research, grant reference SFRH/BD/68730/2010). At this stage, 21 semi-structured interviews developed with Cape Verdeans in Lisbon (2013-2015) have been considered. These interviews aim to gather information about different biographic-migratory pathways from Cape Verde to Portugal (and from Eritrea and Ethiopia to Italy, another empirical chapter of the PhD thesis), while assessing immigrants' perceptions about drivers of migration. Interviews took place in locations chosen by the interviewees, mainly in immigrant-related organizations and public use places. The medium length was one hour. Sample identification began through the contact with Cape Verdean associations, then developing on a snowball effect, and will close when saturation of content will be achieved. Interviews will be transcript and subject to content analysis with a thematic focus.

For the purpose of this article, a descriptive synthesis of both quantitative and qualitative data will be presented. There will be an initial attempt to sketch a typology principle of social positioning and metropolitan location, plus an emergent dialogue within theoretical debates.

Framing migration flows from Cape Verde to Portugal

The Republic of Cape Verde is an Island country constituted by 10 islands: the group of Barlavento, on the direction West-East and more exposed to the Harmattan Saharan wind (Santo Antão, São Vicente, Santa Luzia – uninhabited, São Nicolau,

Boa Vista) and the group of Sotavento, on the direction East-West (Maio, Santiago, Fogo, Brava).

The previously uninhabited islands were discovered and colonized by the Portuguese in the 15th century. Cape Verde became a trade center for slaves, and later an important stop for ships (coaling and resupply, whaling and transatlantic endeavours). The country's political history in the 20th century has been marked, mainly, by three factors: Cape Verde's independence in 1975; the attempt of unification with Guinea Bissau; and the one-party system established and maintained until multi-party elections have been possible in 1990. The country has suffered from repeated droughts which caused significant hardship and prompted heavy emigration, followed by the establishment of strong migrant networks. Therefore, Cape Verde's diaspora population is bigger than its domestic population. Most Cape Verdeans have both African and Portuguese antecedents, reflected namely in the Crioulo language (which mixes Portuguese and West African words) [1].

As it can be observed in Table 1, the flow of Cape Verdeans in Portugal had its origin more than 100 years ago, but its stronger numbers began after 1986 – the year in which Portugal entered in the European Economic Community. This might have been a result of: 1) the reinforcement of the public constructions policy, increasing the demand of labour force (mainly for the building industry) following a time of Portuguese out-migration (thus generating a “replacing” mechanism); 2) the almost non-existent mechanisms to control entries and stays, keeping a large number of immigrants in irregular situations during the 1980's and 1990's; and 3) the strong networks that support immigrants reducing risks and costs of emigration [2].

Table 1: Incoming Cape Verdean people in Portugal and former Portuguese colonies (20th century)

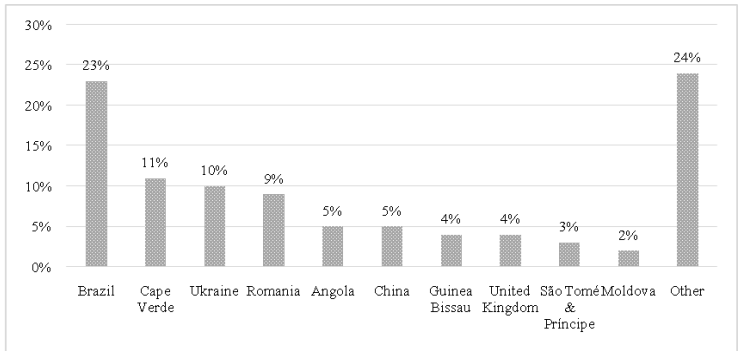
Time/Destination	Portugal	Formercolonies
1900-1920	1232	5377
1927-1945	3336	1682
1946-1959	3933	909
1986-1997	52100	45100

Font: Grassi& Évora [3], Góis [4]

Presently, Cape Verde is the origin country of the second bigger foreign community in Portugal, almost paired with the Ukrainian community. In Graphic 1 we can also observe the increasing diversity of foreign national groups with residence in Por-

tugal, namely from China and Eastern European countries, besides the long-standing numerous Brazilian community [5].

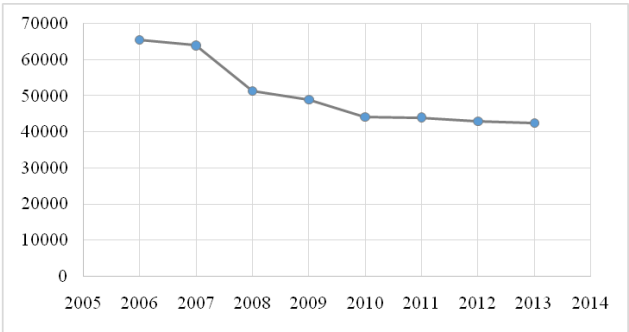
Graphic 1: Foreign people by country of origin, 2013

Font: SEF [6]

According to the Portuguese strangers and frontiers service, 7% of the identified Cape Verdeans live in an irregular situation. Also according to this service’s data, 54% of total immigrants live in the districts of Lisbon and Setúbal, which we may consider Lisbon Metropolitan Area [5]. The global stock of Cape Verdeans has been decreasing since the beginning of the economic crisis in Portugal [6], as we can observe in Graphic 2.

Graphic 2: Stock of Cape Verdean nationals in Portugal

Font: SEF [7]

Lisbon Metropolitan growth and the Cape Verdean community

Lisbon was considered a small European capital city up to the 1970’s. Between 1960 and 1974, Portugal went through a process of intense urbanization and relative modernization, developing from a city of tenants to a metropolis of (differently advantaged) owners. This change marked Lisbon’s expansion to the periphery and the development of an idea of metropolis. It is considered that Lisbon process of metro-

politan growth was due to the construction of large social housing projects in the suburbs [8]. Since their beginning, and observing their relationships with the city, these projects were characterized by a specialized land use, deriving into a highly fragmented urban fabric and a built environment of low visibility. Social housing in the peripheries of Lisbon city was marked by a dominant residential function, tending to the concentration of houses and small-scale commerce and services on a limited extension. The resulting segregation was reinforced by roadways and transport systems [9], which further contributed to a bigger circulation inside these neighborhoods while limited beyond its borders.

This type of segregated growth produced and reproduced different levels of social inequalities. A good example might be found in Amadora, a former scenic village that became a mono-functional suburb [10]. Taking advantage from housing shortages (initially due mainly to internal migration processes, since the 1970's from the former Portuguese colonial contexts), some private builders began the construction of precarious housing states, while proposing commerce and services of small scale. This kind of *petit bourgeois* utopia turned into a large social housing neighborhood, with a set of social problems very much connected to the territory and its inhabitants.

Considering residence distribution of different groups of foreign citizens in Lisbon Metropolitan Area [11] we observe that people from Portuguese-speaking African countries (Cape Verde, Angola, Mozambique, São Tomé and Príncipe), despite sharing the language, are those most affected by spaces of poverty concentration. Brazilians present more diversity, but a significant part of the community follows the same pace. Eastern European groups tend to occupy the least-pressured mildly disadvantaged spaces in Lisbon Metropolitan Areas. The first European group (EU 15: Germany, Austria, Belgium, Denmark, Spain, Finland, France, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, Netherlands, United Kingdom and Sweden) follows a very different path: its main spaces of residence are in the richest areas of the coast line, where private schools of certain European languages, as also other privileged services, might be found.

From the interviews developed in Vieira's PhD project with Cape Verdean immigrants, with a sample effort to approach different sections of the community, a typology principle is emerging with three subgroups:

- (1) City and privileged suburbs/elite;
- (2) City/university studies, work and leisure;
- (3) Suburbs/low-paid jobs, 2nd/3rd generations.

For the aggregation of content analysis of the interviews, an indicator for the social positioning of the interviewees has been developed through the crossing of the educational level (0 – no instruction; 1 – basic or medium education; 2 – higher education), work situation (0 – unqualified work; 1 – qualified but vulnerable work con-

dition; 2 – qualified and stable work condition) and place of residence (0 – stigmatized suburbs; 1 – general suburbs; 2 – city and qualified suburbs) of the interviewed people plus the economic circumstances of their families (0 – unqualified work or economic hardship; 1 – qualified but precarious work or dependent on natural resources; 2 – stable qualified work or colonial advantage). Combined results from 0 to 3 would be identified as lower class (no results), from 4 to 5 medium low class (10 results), from 6 to 7 medium high class (7 results) and with 8 upper class (4 results). If we look for a correspondence between these social class results and Lisbon Metropolitan Area subgroups, upper and medium high class interviewees correspond to the city– subgroup 1, elite; medium low class interviewees correspond to the city– subgroup 2 regarding studies, work and leisure and to suburbs – subgroup 3 regarding residence and family networks.

The first group can be located in the city centre and in other parts of the city of Lisbon, where most of the former colonial workers (and their children) now live. They came to Portugal mainly around the 1970's, reacting to the former colonies independence procedures. Many of them descended from Portuguese people who were sent or decided to work in Cape Verde. If it wouldn't be for the accent, they could not be distinguished from the standardized figure of "the Portuguese". Despite the similarities with their long-standing host context, they miss the *crioulo* language, music and cuisine, and so they create spaces of aggregation and celebration in the city. An example is the Association of Former Secondary Students of Cape Verde (*Associação dos Antigos Alunos do Ensino Secundário de Cabo Verde*, Carnide, Lisbon), where some of these people meet once a week to find other Cape Verdeans (mainly retired people, from 60 to 80 years old) with whom they can talk, listen to music and dance, organize important and punctual celebrations, eat *cachupa* (corn and beans-based, typical meal) and feel connected in the *cape-verdeanity*.

These shared practices can also be found in other subgroups of the Cape Verdean community, but rarely on the same locations. This group can be considered the long-standing elite, with people from middle and upper class, the majority having worked in Portugal after the completion of university degrees (of their own or of their spouses). It is difficult to distinguish this group from the former public workers (doctors and teachers), administrators and military officials of the colonial times.

The second subgroup develops study or work activities, as also leisure times, in the city. Nonetheless, the same people tend to live or have their family networks in the periphery – subgroup 3. These people tend to have arrived in Portugal more recently than the elite group, aiming to study on Portuguese universities while Cape Verdean higher education was still being set.

Many young adults who came to study kept the Portuguese residency to work, namely in immigrant-related associations, institutions and programs [12]. This can

happen in specific Cape Verdean associations like ACV – *Associação Caboverdeana*; in associations for the local development including migrant issues, like *Renovar a Mouraria*, in the city centre; or in associations like *Moinho da Juventude*, in a stigmatized suburb of Lisbon Metropolitan Area. The Portuguese High Commissioner for Migrations [13], both through the organized services of the CNAI – National Centres for the Support of Immigrants (*Centros Nacionais de Apoio ao Imigrante*) (<http://www.acidi.gov.pt/es-imigrante/servicos/centros-nacionais-de-apoio-ao-imigrante---cnai>) and through some specific financing opportunities and programs, is the mediating agency between the Portuguese state and immigrant diasporas and organizations. Due to this straight connection, in spaces like CNAI we may find many workers who are Cape Verdean immigrants or descendants, knowledgeable of the problems of their origin communities and their host challenges in the periphery, yet working and living most of their time in the city centre. These people keep on working so as to improve life back in the origin country (remittances are still an important economic source in Cape Verde) and nearby in the periphery neighborhoods.

The third subgroup is the most numerous and stigmatized one. It is the group of the outskirts and poor neighborhoods, where the majority of residents are immigrants and descents. In cases like the neighborhood Alto da Cova da Moura (Amadora) the majority of residents are Cape Verdeans, generally with low social-economic status, with a great number of people performing unqualified, explored and/or parallel work types.

This stigma results from the residents' social status but also from race-based discrimination. On the 23rd April 2015 edition of BBC News Magazine, a recent event in Cova da Moura neighborhood was noticed with the highlight “Portugal is often praised for its success in integrating immigrants but in the suburbs of Lisbon police are being accused of racism and brutality” [14]. Situations alike result in a general immigrant – but particularly in a Cape Verdean – culture of resistance, denouncing discriminatory situations while consciously refusing elements of the dominant culture. From the refused elements we may highlight the Portuguese language, side by side with a feeling of frustration and pessimism towards the existing opportunities in Portuguese society [15].

Frontiers, fear of diversity and complexity

Portugal shares certain Southern European social dynamics and particularly a pathway of migration history. Nonetheless, the consideration of frontiers in Southern Europe implies different underlying categories. These categories range from questions of regularity of migration processes (which get more pertinent in contexts like the present Mediterranean crisis of incoming asylum seekers), when the frontier is put at the outline of a country (like Italy) or system of countries (like the European Un-

ion); to questions of frontiers among different groups in a same territory, when frontiers are set inside a national, regional or local context and regard other types of social distance. For the purpose of this article, the discussion will regard the second dimension, reflecting about the fragmentation of metropolitan space through the example of different Cape Verdean residents in Lisbon Metropolitan Area.

To understand the urban dimension we should consider three levels of analysis: (1) demographic and urban growth, implying the scale in which we consider reality; (2) metropolitan coexistence and how sociabilities are set in dense and mobility-driven contexts; (3) metropolization effect, in terms of history of urbanization and identity reconversion of places [16].

Regarding the first dimension, Lisbon's growth as a metropolis has been mainly due to incoming population and the subsequent need to expand the city's frontiers; but another echo of this growth happened inside the city walls, allowing the residence of incomers in more or less privileged empty spaces of the city. An interesting finding resonated in Portuguese urban sociology some decades ago, resulting from a serendipity effect: the appropriation of identity resources retained as typical from local residents – like *fado* music for Lisbon – by internal immigrant populations who came to reside in central neighborhoods and became the symbolic holders of these resources [17]. This can be a first sign of complexity while observing the city's physical and social frontiers, particularly if we approach the recent history of city users in *en vogue* neighborhoods such as Mouraria and sense the many layers of a same space used by elder and underprivileged residents, gentrifying incomers, traditional and reinvented servicers and an ever increasing touristic flow. This lack of physical distance between different groups is an evidence of the continuum of public space, an important mark that allows the meeting and mixing of diversity, the expression of Lisbon as a multicultural metropolis.

Lisbon Metropolitan Area is characterized by seductive continuums (inside and outside its space, through public use spaces, roadways and transports within and towards other national and international territories) but also by frightening fragmented places. The most visible presence (namely through media) of the Cape Verdean community is located in segregated suburbs. As Marcuse would put it, this is the context of a quartered city, organized in differently functional and unequal pieces, and internally divided by more or less visible walls that work as effective social barriers [18]. Nonetheless, the community might likewise be found in other – more central – locations, mainly for work or study purposes, and also for residence. But this part of the community, at least when using central city spaces, is not associated to the frightening stigma of suburbia residents. Why?

Portugal has an interesting history of institutionalization of immigration. The country's profile turn from emigration to immigration (which is now developing into

a mixed profile, due to the harsh Southern Europe financial crisis plus long-standing economic fragilities of the country) marked the creation of public organisms dedicated to immigration and integration. Their denomination is evident on the progressive underlying values: ACIME – High Commissioner for Immigration and Ethnic Minorities, then ACIDI – High Commissioner for Integration and Intercultural Dialogue, and finally ACM – High Commissioner for Migrations. Portuguese process of institutionalization of immigration also implied recognizing immigrant associations as legitimate interlocutors for consulting and decision making of public entities. This inclusion of immigrant civil society within the State's political action is quite particular for Portugal in the context of Southern Europe – but it does not necessarily mean an efficient and effective participation of immigrant social actors in this country [19].

The intention of immigrant inclusion echoes not only at the institutional level but also at the individual/attitudinal level. A recent study on Portuguese attitudes towards immigrants and prejudice highlighted a significant value of equality, contextualizing an anti-racist norm. Due to this value, the majority of Portuguese people tend to give positive answers to immigrant integration questions, denying to have negative feelings towards other ethnic/national groups. But the majority of people, even though denying objective racist attitudes towards African immigrants, express a strong adhesion to biological racism indicators (beliefs about different natures/races in humanity) [20]. Therefore, even though disguised by the ideal of equality, there are persistent racist traits in Portuguese society, certainly strengthened by more than five centuries of colonialism in Africa. This attitude resonates with Cape Verdean immigrants' perceptions of racism in Lisbon Metropolitan Area.

Peripheral, migrant-dense neighborhoods in the context of Lisbon metropolis have been studied in the effort to understand if ethnic-based conflicts exist in this area. The general answer is no – even though there are punctual conflictual situations, mainly with young African-descent teenagers belonging to disadvantaged social classes, and therefore the ethnic feature is a supplementary element of the question. The “problematic ones” do actually reveal a sum of diverse disadvantaged situations: deficits in socialization (both in family and school, with a strong absence of parents and other tutors due to vulnerable work situations and timetables and an incapacity to overcome school failure and dropout), which is mainly practiced in the streets with pairs (in a time of particularly needed affirmation of identities and power) when teenagers begin to better understand their deprived situation of an ethnicization of poverty. Besides, there is a set of stigmas and general negative representations about neighborhoods and their African residents which ends up in discourses criminalizing local poverty and reinforcing ideas of “no-go areas”. This increases the distance between these neighborhoods' residents and the majority population, the majority feeling more insecure and demanding immediate, strong, visible and penalizing measures

[21]. In this context, an escalating violent attitude of authority forces might be re-equated with less surprise – and with an urgent need of intervention.

A sense of insecurity towards difference (immigrant/resident, poverty/wealth, neighbor or coworker/socially distant) is therefore being produced and it is important to understand the fabrication and expression of fear in metropolis. A lack of correspondence between fear perceptions and factual victimization experiences has been proved both in small, medium and large/metropolitan urban structures [22]. Nonetheless, fear remains as one of the dominant feelings in urban, and mainly metropolitan, contexts.

For Bauman [23], in times of liquid modernity characterized by the dissolution of solidarity, we can expect the discharge of a generalized sense of insecurity towards the immigrant, the most visible figure of fear. Three core ideas might help to understand the phenomenon: uncertainty, superfluity and mixophobia. The author considers that immigrants introduce uncertainty on the activities of city inhabitants, and this uncertainty generates a source of anguish and latent aggressiveness. The consequent objective of longer-standing residents is the expulsion of this symbol of insecurity and the enforcement of frontiers. Secondly, immigrants are the most visible figure of superfluity, those most in risk of losing their livelihoods and social positions. The accelerated modernization of economy, free market and financial circulation is generating a growing number of superfluous people, not only but also among longer-standing residents; therefore, immigrants are constant reminders of a fragility and precariousness that might also affect other residents. A generalized reaction towards immigrants might hereafter be predicted: Bauman retrieves the concept of mixophobia, the fear of diversity, which responds to growing multilingualism and cultural diversity with segregationist impulses.

For the specific historical context that unites Portugal and Cape Verde, a segregated explicit (and tacit) organization of territory (and people) lasted for centuries. Interestingly, even before its metropolitan growth, Lisbon was considered the metropolis (capital) of Portuguese empire, the place where young Cape Verdeans would go to engage in university studies – and where many of them met and worked to promote decolonization. Colonialism left many traces, from which we would highlight two points of complexity: Portuguese language and distances inside the Cape Verdean community.

Firstly, Portuguese language is (at least one of) the official language(s) in former colonial countries, namely in Cape Verde. However, language, being a communicating space, is a space of power relations. Portuguese language, possibly the main symbolic element of the dominant culture, is seldom refused, mainly by residents of migrant-dense neighborhoods of Lisbon Metropolitan Area. Besides the positive celebration of *crioulo* language as an element of Cape Verdean gathering, in a use that is

shared by all the community's subgroups (hence being part of a cultural communality, an almost a-classed *cape-verdeanity*), the refusal to talk in Portuguese outside Cape Verdean-dense spaces might be retained as a conscious resistance and opposition to a dominant culture that segregates parts of this community.

Secondly, there are important spatial and class-based distances inside the Cape Verdean community of Lisbon Metropolitan Area, and one of the possible filters to understand this distance is based on the colonial background. There is a risk of oversimplification when we consider only certain subgroups of a foreign community being the majority in number – like, in this case, social-economic disadvantaged Cape Verdeans residing in the outskirts of the city. Even though they are the majority in number, they are not the majority for this community's representation in spaces of immigrant institutionalization, for example (metropolitan associative representatives that meet and work in the city, as is the case of CNAI workers, are those more connected to governmental programs for immigrant inclusion). A particular distance is created when talking about the perceived elite of Cape Verdeans, which is very much related to the former public functionalism of colonial times or, at least, with the cultural elite before (and after) the independence of Cape Verde. This elite shares some perceptions of the majority population in Portugal regarding migrant-dense neighborhoods and residents, this way marking a distance between their spaces of *cape-verdeanity* (migrant associations in the city of Lisbon) and those of residence for the majority of their co-nationals.

40 years after the independence of former colonies, some limitations in rising social and spatial mobility seem to persist; the elite is no longer colonial, but its positioning within the colonial administrative and cultural life seems to have meant an aftermost advantage when choosing to live in Portugal. This advantage might be observed through the integration of these Cape Verdeans in highly qualified labor positions and advantaged metropolitan spaces. The hope for social mobility is represented by some immigrants and elements of the 2nd or 3rd generation of Cape Verdeans, who come to Lisbon with study purposes and remain afterwards looking for a job. They share a common Portuguese pathway of challenging conditions for youth qualified work, with the advantage of the strength of “those who advance facing the sea” [24], but also with the disadvantage of a subsisting biased attitude of Portuguese society towards immigrants, particularly African immigrants. The last and most numerous group, the least privileged one, sees the well-known segregated living conditions be enforced and maintained in a time of complex anti-racist norm, discourse and policy, which masks discriminatory forces that perpetuate social and spatial frontiers.

Final remarks

Intense population dynamics place metropolis at the heartbeat of mobility. The framework of metropolitan mobility is, therefore, a good reference to reflect upon social and spatial frontiers and sociability among diverse groups. Metropolitan dimensioning, while requesting us to observe both demographic and territorial growth, coexistence in diversity and identity reconversions, allows us to observe integrative and segregationist dynamics in contemporary, complementary yet diversely analytical spatial, social and individual frameworks.

There are important specificities of mobility and migrations in the context of the Portuguese capital metropolis, Lisbon. Its growth as a metropolis is relatively recent (nearly half a century), was marked by considerable flows of incoming people and got visible through the constructed expansion to the peripheries, initially in a kind of utopian suburban middle-class neighborhoods. This utopia would soon reveal its dystopian feature, with massive blocks of enclosed underprivileged neighborhoods being progressively occupied (as well as the poorer contexts in the city centre) by the least privileged people that arrived to the metropolitan area: first, internal migrants and post-colonial returnees; then, post-colonial African, Brazilian and Eastern European immigrants. Alongside its lack of privileges, and associated to biased attitudes towards immigrants (mainly African immigrants, nationals or descents from formerly colonized countries), these areas and its residents got stigmatized by the majority population.

The Cape Verdean community, second most numerous in Portugal and predominantly concentrated in Lisbon Metropolitan Area, presents good examples to understand the reality of Lisbon metropolitan growth. The typology principle advanced, according to which there would be three subgroups of this national community with different spatial dynamics in the metropolis – (1) city and privileged suburbs/elite; (2) city/university studies, work and leisure; (3) suburbs/low paid jobs, 2nd and 3rd generations – was useful to understand this reality. In fact, inside a single ethnic/national community we can find many social frontiers (class-based, as also related to other spheres of (dis)advantage, in this case regarding former individual and family positioning towards colonial and cultural elites of Cape Verde). This example allows us to observe some continuums and fragmentations of Lisbon metropolitan reality, both at its spatial and social frontiers: through the promotion of (dialogue in) diversity Vs the isolation of stigmatized differences and ethnicization of poverty; through the share of cultural and linguistic features Vs emerging cultures of distance and resistance; to sum up, through an intense play of frontiers, complexified by challenging post-colonial heritages, in a predictable narrative of a seductive and frightening metropolitan context.

References

- [1] Central Intelligence Agency, The World Factbook. Africa: Cabo Verde, last update 24/04/2015 (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/cv.html>), 2015.
- [2] Machado F.L. “Contornos e especificidades da imigração em Portugal”, *Sociologia Problemas e Práticas*, 24, p. 9-44, 1997.
- [3] Grassi M. & Évora I, *Género e migrações cabo-verdianas*, Lisbon: ICS, 2007.
- [4] Góis P., *Emigração cabo-Verdiana para (e na) Europa e a sua inserção em mercados de trabalho locais: Lisboa, Milão, Roterdão*, Lisbon: ACIME, 2006.
- [5] SEFSTAT Reports of Activity for the years 2006 to 2013 (<http://sefstat.sef.pt/relatorios.aspx>).
- [6] SEF, *Relatório de imigração fronteiras e asilo*, 2013.
- [7] *Associação Caboverdeana*: <http://www.acaboverdeana.org>; *Associação Renovar a Mouraria*, <http://www.renovaramouraria.pt>; *Associação Moinho da Juventude*, <http://www.moinhodajuventude.pt>.
- [8] Nunes J.P.S., *Florestas de cimento armado. Os grandes conjuntos residenciais e a constituição da Metrópole de Lisboa (1955-2005)*, Lisbon: Fundação Calouste Gulbenkian, 2011.
- [9] Nunes J.P.S. op. cit.; Cachado R.Á., *Hindus da Quinta da Vitória em processo de realojamento: uma etnografia na cidade alargada*. PhD thesis. Lisbon: ISCTE, 2008.
- [10] Nunes J.P.S., op. cit.
- [11] Pena Pires R. (Coord.) *Portugal: Atlas das Migrações Internacionais*, Lisbon: Tinta da China, 2010.
- [12] Pena Pires, R. (Coord.), op. cit.
- [13] *Alto Comissariado para as Migrações*: <http://www.acidi.gov.pt/acidi---acm-i-p/alto-comissario-para-as-migracoes>; *Centros Nacionais de Apoio ao Imigrante*: <http://www.acidi.gov.pt/es-imigrante/servicos/centros-nacionais-de-apoio-ao-imigrante---cnaei>.
- [14] “They hate black people”, article by James Fletcher, BBC News, 23rd April 2015 (<http://www.bbc.com/news/magazine-32419952>).
- [15] Malheiros J.M., Mendes M. (coords.), *Espaços de expressões de conflito e tensão entre autóctones, minorias migrantes e não migrantes na Área Metropolitana de Lisboa*, Lisbon: ACIME, 2007.
- [16] Baptista L. “A dimensão urbana: relendo os processos de urbanização à luz do crescimento das cidades portuguesas e dos campos em seu redor”, in BaudinG.

& Vaz D. (orgs.) *Transação territorial. Novas relações cidade-campo*, V.N. Famalicão: Húmus, 2014.

[17] Costa A.F. “Espaços urbanos e espaços rurais: um xadrez em dois tabuleiros”, *Análise Social*, XXI (87-88-89), p. 735-756, 1985.

[18] Marcuse P. “«Dual city»: A muddy metaphor for a quartered city”, *International Journal of Urban and Regional Research*, 14 (4), p. 697-708, 1989.

[19] Pires S. “Imigração e governos constitucionais em Portugal”, in António J. & Policarpo V. (Coords.) *Os imigrantes e a imigração aos olhos dos portugueses. Manifestações de preconceito e perspectivas sobre a inserção de imigrantes*. Lisbon: Fundação Calouste Gulbenkian, p. 93-132, 2011.

[20] Costa Lopes R. & Roberto C. “O impacto da norma anti-racista nas respostas a inquéritos sobre preconceito”, in António J. & Policarpo V. (Coords.), op. cit., p. 167-187, 2011.

[21] Malheiros J.M., Mendes M. (coords.), op. cit.

[22] For the French example: Mucchieli F., Raquet E. & Saladino C., *Victimisation et sentiment d'insécurité dans une petite ville de l'agglomération marseillaise*, Etudes et travaux de l'ORDCS, 7, 2013.

[23] Bauman Z., *Confiança e medo na cidade*, Lisbon: Relógio D'Água (original ed. 2005: *Trust and Fear in the Cities*), p. 40, 2006.

[24] Free translation of the poem “Lusitânia” by Sophia de Mello Breyner: “Those who advance facing the sea / And in it they bury like an acute knife / The black prow of their boats / Live of scarce bread and moonlight” (“Os que avançam de frente para o mar / E nele enterram como uma agulha de faca / A proa negra dos seus barcos / Vivem de pouco pão e de luar”).

Jakub Lachert

Candidate for PhD

Warsaw University, Poland

Kuba-lachert@wp.pl

EMIGRATION FROM POLAND AFTER 2004

Poland historically was a country of emigration. There were different circumstances of Polish emigration both political and economic. After the collapse of socialist system in 1989, emigration from Poland has exclusively economic character. Economic transition of Poland caused a lot of social difficulties like huge unemployment

moreover many social groups weren't prepared for reality of free market economy. Many public factories which wasn't comparative on the free market had to reduce working staff or to be sold to the private investors. The unemployment rate grow up from 0,3 % in January 1990 to 6,5 in December 1990. In the 1990's the rate of unemployment grow up systematically to rich 20,6 in February 2004 (3 months before Poland joined EU) [6] .

Polish accession to the EU after 2004, caused many new social phenomena, mainly huge wave of migration to the "old" EU countries which opened labor markets for the citizens of the "new" EU countries (mainly UK and Ireland). Other EU countries like Austria, France or Germany which introduced transitional periods for the workers from new EU countries that's why the first wave of migration from the Central and Eastern Europe hit the UK and Ireland which opened their markets at the beginning of enlargement of the EU in 2004.

Poland as the biggest country among new EU members constituted the vast challenge for the British and (to a higher extend) Irish labor market. Polish migrants worked mainly in the blue collar workers posts in construction companies, as a baby-sitters or staff in restaurants and shops. New wave of emigration from Poland was first tangible effect of accession to the EU. The unemployment in Poland reached 20%, it was the highest level in Poland after 1989. The opening of the rich British and Irish labor market for the Polish citizen was an excellent option to find a job under better financial conditions and protections of the welfare. Especially for the people from small rural areas where unemployment exceeded 50 % of local population [5, p. 6]. Emigration flow is one of the most important challenge for Polish administration. The majority of migrants are well-educated professionals who couldn't find a job which is satisfactory for their education.

How to create acceptable conditions for Polish migrants to attract them to come back. According to Polish migrants the most important factor to come back to country is not exclusively economic. There are some other factors like access to school kinder-garden for children nearby or easy access to health care system.

Emigration from Poland also caused a lot of social difficulties like separation of children from their parents who moved abroad without their families. Other phenomenon is increased amount of divorces after Poland joined the EU. According to the research (which presents period 1991 – 2011) of Polish Institute of Science, 52 % of divorces took place after 2004 [5, p. 3]. It shows that emigration and separation of families had negative impact on the family life of Polish citizens. Moreover percentage of divorce was the highest in the areas from where the emigration was the highest.

Emigration caused also decrease of birth rate. Majority of migrants are young people in working age. According to the same report: in 2011 decrease of birth rate amount to 37,5 thousand because of emigration. Moreover the birthrate among Poles in the UK is 2 times higher than in Poland. If we assume that emigrants don't return to Poland, it might result decrease of amount of Polish population by 10 % in 2035 what means 2,5 million less Poles than in 2011.

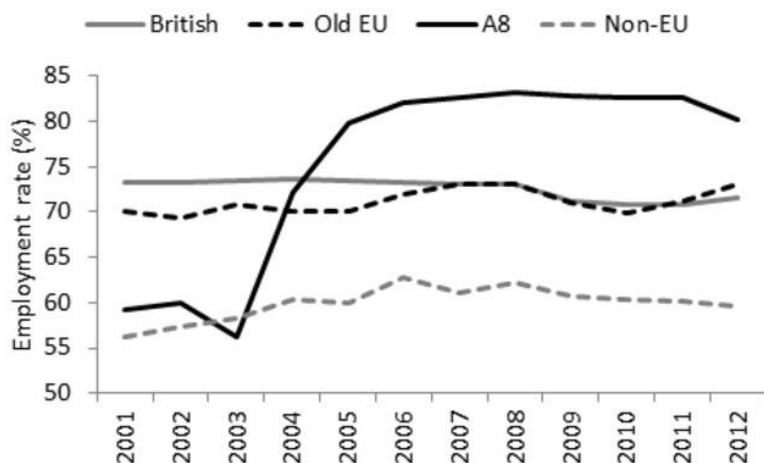
Polish minority in the UK is second largest in the country (after minority from India). Around 500 thousand of Polish citizens live in the UK and 20 % of them, is living in London. In London, the biggest number of the inhabitants (apart from the UK citizens) hold Polish passports (156 000) and the second largest group represent Indian citizens (123 000) [2]. What is characteristic about Polish minority is fact that unemployment among Polish migrants (5 %) [3] is lower than among rest of population (7 %) [3]. That's why during economic crises, there are some populist attempts to blame migrants of rising unemployment. Many British politicians, mainly from ruling conservative party, mention that open British labor market for migrants from "new" EU countries was a mistake of Labor Party (ruling party between 1997-2010) which didn't introduce any transitional periods to protect British market against unlimited wave of Polish, Czech, Lithuanian and other workers from enlarged EU.

Majority of the British society presents negative approach towards migrants after the opening of the market to the Romanian and Bulgarian citizens who are blamed on taking unfair advantage of British social aid. That's why, anti-immigrates slogans are so popular in the British society and part of the British society demands some limitation of the access to the labor market for the citizens of the "new" EU countries. There are attempts among British politicians to negotiate new rules of access to the British market and social aid which has to respect EU legal system. British Prime-Minister David Cameron wants to change a status of the UK in the European Union especially in the area of free migration to the EU citizens like to limit free access to labor market only for citizens from the countries, where average GDP is on the level or higher in comparison to the EU average GDP. This idea aims limitation of migrants from poor, "new" EU members, who cause problems to the social aid system.

British medias presents data which illustrate growth of using working benefits among "new" EU countries. One of the figures from the new dataset that caught the attention of several newspapers was the increase in claims from those who were nationals of EU accession countries (i.e. the new EU members states that have joined since 2004). This number increased from 12,610 in 2008, to 49,720 in 2012 [3]. This fact led to statements such as this one from the Daily Mail: *Number of foreigners claiming UK benefits leaps 41% in 5 years ... rise has been fuelled by a four-fold in-*

crease in benefit claims by Eastern Europeans [1]. These medias ignore the fact that still the majority of benefits claimers are the UK citizens (around 588 000). Moreover among the countries A8 (countries which joined the EU in 2004, excepting Malta and Cyprus) have the highest rate of employment in the UK [2].

Tab 1.

The fear of migration is rather not single phenomenon, it can be treated as part of negative attitude towards the EU regulations on labor market and the EU itself. The British election campaign (to the European Parliament in 2014) was mainly focused on migration issues. British politician “competed” in anti-migration and anti-EU slogan. British society presents rather negative approach towards the EU. There are different circumstances of this attitude both economic and historical. The United Kingdom as a leader of the Commonwealth (former the British Commonwealth), has global interest in this area that’s why the fixed economy of the European Union in some fields like common agriculture policy could be troublesome for the British entrepreneurs. British society tries to distance from the projects of strengthen EU institution at the expense of British administration.

Although the work conditions in Poland are getting better: the average wages are forth times higher than in 1989, unemployment maintained at 12% [4] (what is still high level) but on the other hand there is luck of workers: engineers or medical staff, Poland is still country of emigration. This phenomenon will change when the average salary rich the level of the “old” EU countries. Poland was a single country

in the EU which avoided recession during economic crises. In 2009, when other EU countries struggled with economic instability, Poland gained 1,6 % [4] of economic growth. However result of Polish economy is spectacular, the gap between Poland and countries like the Great Britain or Germany is still huge and average salary is still 4 times lower than in both Western countries.

References

1. "The UK's foreign-born population", Data blog, *The Guardian*, 26 May 2011, www.theguardian.com
2. "Which foreign passports are most common in London?", *Telegraph*, 21 October, 2014, www.telegraph.co.uk
3. "Hard evidence: are migrants draining the welfare system?", *Newstatesman*, 4 September 2013, www.newstatesman.com
4. W. Orłowski, "Poland has survived the economic crisis remarkably well, but the country faces a future dilemma over adopting the euro", *European Politics and Policy*, September 2012,
5. "Informacja o rozmiarach i kierunkach emigracji z Polski w latach 2004 – 2011", *GUS*, 25 October 2012, www.stat.gov.pl
6. "Stopa bezrobocia w latach 1990-2013", *GUS*, www.stat.gov.pl

Tables

1. "Hard evidence: are migrants draining the welfare system?", *The Conversation*, 4 September 2013, www.theconversation.com

Левченко М.В.

кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
Minos201200@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Для современной Германии, как и для большинства европейских государств, стоит острая необходимость привлечения мигрантов, вследствие нехватки собственного населения трудоспособного возраста и проблемы старения насе-

ления в условиях нежелания коренного населения принимать мигрантов. С 2004 года доля населения старше 65 лет составляет 20,2%, а коэффициент рождаемости 1,39, что свидетельствуют о серьезной демографической проблеме, возникшей в Германии во второй половине XX в. Поэтому среди политиков Германии существует позиция, что именно демографическую проблему следует рассматривать как наиважнейшую для современной Германии [1]. С другой стороны, Германия как страна, возникшая из союза разрозненных в 1871 г. земель, пытается «выстроить национальную идентичность вдоль идеи культурного равенства, в противовес политическому неравенству» [2].

В современной Германии существует две категории населения: немцы и иностранцы (включая лиц без гражданства и лиц с невыясненным гражданством). Численная пропорция между ними – 92% на 8%.

Немцем, в соответствии со ст.116 Конституции ФРГ 1949 г., считается гражданин, «если иное не установлено законом, тот, кто обладает германским гражданством или тот, кто был принят на территории Германской империи по её состоянию на 31 декабря 1937 г. в качестве беженца или перемещённого лица немецкой национальности, или в качестве супруга или потомка одного из этих лиц».

Считается, что германские законы не привлекательны для мигрантов. Тем не менее, рост числа иностранцев в конце XX века свидетельствует об отдельных возможностях приобретения немецкого гражданства, в виде лазеек в законодательстве. Период с 1951 по 2005 гг. численность иностранного населения выросла с 506 тыс. чел. до 6700 тыс. чел. в 2005 г., увеличившись, таким образом, в 13 раз.

Динамичное послевоенное экономическое развитие вкупе с выгодным территориальным положением и «человеческой» социальной политикой достаточно быстро превратило ФРГ из страны с эмигрантским «лицом» [3] в государство, пользующееся вниманием иностранных граждан [4]. Иностранцы стали серьезным фактором современного экономического развития страны. Им принадлежит 281 тысяча фирм, что составляет 6,3% всех зарегистрированных в стране предприятий на 2005 год. Однако к концу XX в. сложилась ситуация, при которой среди немецких иностранцев, весьма значительной - около трети - оказалась доля таких неграждан, которые жили в Германии в течение долгого времени или даже от рождения, оставаясь «иностранцами» в немецкой статистике. Таким образом, едва ли не 2 млн. чел., считаясь иностранцами, де-факто являются для Германии не иностранцами, но негражданами. Для справки можно сказать, что средняя продолжительность пребывания иностранцев в стране

на конец 2004 г. составила 15,6 года, но 32% от общего числа зарегистрированных иностранцев проживают в Германии более 20 лет.

Это объяснялось тем, что Германия имея миграционный прирост, не описывало его в терминах международной миграции. Переселение этнических немцев до конца 80-х годов воспринималось в стране как возвращение домой, переселенцы не только быстро получали гражданство («автоматически»), но и практически сразу растворялись в категории «население». Однако к середине 90-х годов появились новые категории - «русские немцы» и «восточные евреи». В результате, негражданами - старожилами остаются, по сути, те мигранты, которые переселялись в Германию на волне немецкой трудовой иммиграции 70-х годов, а точнее переехавшие уже после закрытия «временных трудовых переселенческих программ» [5]. Приписывая себе статус «неиммиграционной страны» государство нисколько не инициировало предоставление этой группе своего гражданства.

Между тем, что сами мигранты далеко не всегда ощущают явную и неоспоримую потребность в получении немецкого гражданства. Так многие не хотят решать организационные вопросы связанные отказом от гражданства[6]. При этом, отсутствие немецкого гражданства, в случае легальности прочих документов, не является преградой для ведения бизнеса, работы по контракту или учёбы. С другой стороны, экономическая и социальная интеграция иностранцев (и особенно поздних переселенцев) не происходит автоматически с получением гражданства. Такой порядок действует для взрослых мигрантов; для детей в возрасте до 10 лет по новому Закону о гражданстве (2000), существует возможность получить временное - до 23 лет - двойное гражданство.

С началом нового столетия иммиграционный поток уменьшился, а число случаев предоставления немецкого гражданства наоборот - увеличилось. Доля иностранцев в населении страны впервые за этот период стала падать. По данным уполномоченной по делам миграции правительства ФРГ г-жи М.Бек, за 2000-2005 гг. более миллиона иностранцев получили гражданство ФРГ. Следует отметить, что подобные изменения затронули и другие европейские страны. Так правительства Франции, Швеции или Нидерландов в начале XXI в. тоже были вынуждены пересмотреть своё отношение к категории «гражданства» - если раньше предоставление гражданства рассматривалось почти исключительно в качестве поощрения «заслуженным» (политически лояльным и социально интегрированным) мигрантам и миграционная политика предусматривала этот инструмент как награду, то нынешняя политика «работы со статусом гражданства» в этих странах является, в большей мере, инструментом привле-

чения мигрантов или, как минимум, понимания негативной двусмысленности ситуации с негражданами, как это мы имеем в Германии.

В течение всего послевоенного периода внешняя миграция населения имела исключительно важное значение для экономики, а затем и демографии страны.

после окончания Второй мировой войны особую роль играли потоки т.н. гуманитарных мигрантов - беженцев, рассматриваемых ФРГ в качестве репатриантов.

До 1949 года почти 12 млн. беженцев вернулись в четыре оккупационные зоны. К 1950 г. Ситуация в приграничных с восточной частью страны землях, стала настолько напряженной от их наплыва, что потребовалось вмешательство федерального правительства, установления квот распределения репатриантов, затем введения закона о чрезвычайном въезде.

Однако, одновременно с наплывом беженцев, имели место и очень значительные по размерам эмиграционные потоки. До момента основания обоих германских государств 10 млн. иностранных и каторжных рабочих, военнопленных и бывших заключенных концентрационных лагерей вернулись на свою родину или переселились в третьи страны. Многие немцы тоже старались в тот период уехать в Америку.

В 1950 г. из 49 млн. жителей вновь основанной Федеративной Республики около 8 млн. чел. составляли изгнанные - почти шестая часть от общей численности населения. В это же время в ГДР почти пятая часть граждан была представлена беженцами с Востока и изгнанными - в целом 3,6 из 18 млн. чел.

После 1950 г. характер миграционного обмена Германии изменился - отошли на второй план миграции с социалистически ориентированными странами Восточной Европы, чему способствовало не столько изменение немецкой политики, сколько закрытие границ (хотя миграционный обмен ФРГ и ГДР оставался значимым); зато чрезвычайно важными стали временные трудовые миграции - «гастарбайтеры» из Италии, Испании, Греции, Турции, Марокко, Португалии, Туниса и Югославии рекрутировались в Германию с 1955 по 1968 гг. в рамках двусторонних межгосударственных соглашений по привлечению иностранных рабочих и были призваны насытить возрождающуюся экономику рабочими руками [7]. Экономика Германии приобрела требуемое, взамен общество получило ощутимую прибавку не ротационно сменяющихся «гастарбайтеров», а «фактических» иммигрантов. За 13 лет - с 1960 по 1973 гг. численность иностранного населения возросла с 686 тыс. чел. До 2,6 млн. чел. Вопреки задуманному немецким правительством, после сворачивания процесса вербовки в

1973 г. последовала не обратная волна выезда, а массовый приток членов семей гастарбайтеров. Закрытие легальных возможностей въезда подтолкнуло уже находившихся на территории Германии к решению об окончательном «укоренении». Потеряв перспективу выезжать на длительное время и возвращаться за заработками, иностранные рабочие с помощью судебных инстанций и общественных организаций стали активно отстаивать право на долговременное пребывание и территориальное единение семей.

Существование «железного занавеса» и административных препон делали, как правило, невозможным выезд из Восточной Европы. Роль этого потока к концу 60-х – началу 70-х годов стала настолько небольшой, что в обществе начались дискуссии об упразднении статуса репатрианта, чего, впрочем, по политическим причинам, сделано не было.

В конце 80-х годов этнические переселенцы вновь стали существенной составляющей иммиграционного потока в Германии (вначале из Польши, затем из других стран «соцлагеря»). Резко возросли и объемы переселений из Восточной Германии в Западную. Почти в то же время сильно увеличился приток ходатайствующих о предоставлении политического убежища. С 1988 по 1993 год свыше 1,4 млн. человек - преимущественно из восточной половины Европы, из балканских стран и Турции - подали прошение о предоставлении им убежища. Считается, что еще 350 тыс. беженцев из районов военных действий в Боснии и Герцеговине нашли, по меньшей мере, временное прибежище в Германии, не проходя процедуру подачи ходатайства о предоставлении им политического убежища.

Эти перемещения стали залогом того, что в течение нескольких лет (1988-1992 гг.) миграционный прирост Германии стал даже большим, чем соответствующий американский показатель.

Подобное состояние, впрочем, не продлилось долго. Введенные с 1993 г. ограничительные практики (квотирование миграционного потока, отмена особых привилегий для репатриантов по воссоединению семей, территориальное распределение) существенно снизили возможность получения политического убежища, а также иммиграцию переселенцев немецкого происхождения. Уже к 1997 г. в стране был зафиксирован самый низкий миграционный прирост с середины 80- годов, кроме того, впервые после 1984 г., сальдо миграции для иностранцев стало отрицательным (1997 г. - 22 тыс. чел.), сохраняясь положительным для немцев (включая переселенцев). Тем не менее, доля переселенцев (немцев) в потоке въезжающих существенно снизилась.

Вопреки опасениям многих политиков, недовольных необоснованным, с их точки зрения, притоком мигрантов в страну, нынешние объемы миграции еще меньше, чем в конце 90-х годов. Статистические данные за 2003–2005 гг. свидетельствуют, что размеры прибытий в Германию сокращались примерно на 23 тыс. чел./год, или на 10,5% [8]. Таким образом, общий уровень прибытий в Германию за последние десять лет снизился более чем вдвое, составив менее 800 тыс. чел./год.

С учетом ежегодной эмиграции, составлявшей в последние годы порядка 600 тыс. чел./год (её основу составляют иностранцы), положительная нетто-миграция насчитывает двести с небольшим тысяч, что в свою очередь почти вдвое меньше, чем десятилетие назад. Данные уполномоченной правительства ФРГ по делам миграции, беженцев и интеграции иностранцев г-жи Мари-Луизе Бек свидетельствуют, что около четверти его составляют сами немцы, кочующие из страны в страну.

Таким образом, во второй половине XX в. Германия из эмигрантской страны фактически не только превратилась в страну иммиграции, но стала по численности иммигрантов лидером в Европе (более трети всех мигрантов ЕС; концентрирует 2/3 всех эмигрантов из стран Центральной и Восточной Европы). Приблизительные расчёты показывают, что за 1950–2005 гг. страна приобрела 10 млн. чел. (чистый миграционный прирост населения в миграциях на постоянное место жительства). Несмотря на такую в целом благоприятную картину реальная миграционная «биография» Германии не так однозначна: периоды больших миграционных подъемов сменялись рецессиями, так что даже беглый взгляд на кривую нетто-миграции в стране позволяет легко «прочитать» «миграционную волну» с раз за разом уменьшающейся амплитудой колебаний. Остаётся надеяться, что нынешняя низкая точка этой «волны» станет в ближайшие годы началом нового подъёма. Хотя реальных поводов для такой надежды немного. Рассматривая вопрос о проблемах миграции в Германии, следует сказать, что это проблема всей Европы. Одной из главнейших причин являются сочетания двух факторов, открытые границы внутри Евросоюза и различия в законодательстве этих стран. Отказаться от труда мигрантов Европа не в состоянии, поэтому, важнейшей государственной задачей остается необходимость выстраивания баланса интересов иммигрантов (особенно в трудовой сфере) и антимигрантски настроенной общественности.

Литература

1. Гринберг Р.С. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте» Вып. 19 - «Повестка дня – 2010»: демонтаж или модернизация соци-

ального государства?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nikitskyclub.ru/article.php?idpublication=4&idissue=31&loc=1>, свободный - Проверено 18.06.2014.

2. Lepsius R. National und Nationalismus in Deutschland //Interessen, Ideen, Institutionen. Opladen - 1990 - S. 232 – 247.

3. Ильин В. Теории социального неравенства в западной социологии. М. – 2000. С.203.

4. Фассманн Х., Мюнц Р. Миграционные процессы в Европе. Франкфурт на Майне/ Нью-Йорк – 1996. S.412.

5. Полян П.М. Опыт иммиграционной политики государства и положение иностранцев в Германии // Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. МОМ. Москва - Алматы, 2004 - С. 60 – 61.

6. Русский newweek. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runewsweek.ru/news/print.php?nid=1414> свободный - Проверено 23.06.2013.

7. Бараулина Т. Государственное конструирование реальности: социальные последствия миграционной политики //Рубеж: альманах социальных исследований. – Москва: МГУ - 2003 - № 18. - С. 65 – 108. (С. 84).

8. Сообщение РИА «Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runewsweek.ru/news/print.php?nid=1414> свободный - Проверено 23.06.2013.

СЕКЦИЯ 7

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Мустафина Д.Н.

доктор филологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
muss_jane@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА⁷

Сложно оспорить тот факт, что основным этническим маркером этноса является язык. И, как правило, функциональная мощность языка определяет место этноса в социально-политической парадигме. Когда мы говорим о языке в политике, то опыт, в том числе и новейший, включая ситуацию на Украине, показывает, что язык может быть инструментом влияния на геополитическую обстановку, язык становится камнем преткновения и причиной конфликта, ущемление языковых прав мотивирует регионы поднимать вопросы самоопределения и т. д. Мы практически не найдем исключений, если проанализируем исторические процессы самоопределения народов и государств, процессы деколонизации, провозглашения суверенитетов – первые политические и законодательные шаги почти всегда касаются вопроса языка нации, региона, государства и т. д. Это неудивительно, язык – является символом нации, собственно прямым доказательством того, что она существует, индикатором его развития или деградации и любые процессы развития этносов, порабощения одних этносов другими не только сопровождаются, но и собственно реализуются посредством влияния на язык.

Если говорить непосредственно о языке, то скажем, изучая этимологию языка, как правило есть возможность практически безошибочно доказать некоторые очень важные исторические гипотезы. Все события, войны и завоевания, экономические связи этноса и политические явления находят свое отражение в языке. Нам, например, сложно сейчас узнать, какие цветы выращивали в садах Волжской Булгарии, какие овощи и фрукты завозились, а какие культивировало местное население, данные летописей часто расходятся. Изучив этимологию татарской лексики, касающейся этой сферы, доказав тюркское происхождение

⁷ Публикация статьи финансируется РГНФ в рамках гранта 15-14-16002 а(р).

некоторых слов, и иное происхождение других терминов, ученые дают нам возможность подтвердить или опровергнуть те или иные предположения и подробно описать характерные черты быта, сфер занятости, природу, масштаб экономических связей и другие аспекты. Таким образом, язык представляет собой с одной стороны, отражение истории, с другой - это гибкий и податливый инструмент для формирования будущего и влияния на него.

Сегодня глобальный мир предъявляет новые требования. Стандартизация всех отраслей и аспектов жизнедеятельности общества – один из трендов и неотъемлемых процессов глобализации. Для того, чтобы мир функционировал, как единый организм, а именно такое определение глобализации сейчас дается в современных аналитических изданиях, представители мира, особенно те, кто влияет на него, должны понимать друг друга. Любые задержки скорости передачи информации, ее обработки при принятии решений в глобальном мире недопустимы. Процессы человеческого взаимодействия реализует язык, и стандартизация процессов коммуникации ведет к неизбежной универсализации способов общения. Глобальный мир меньше всего склонен учитывать проблемы языкового многообразия. И в данном контексте, несмотря на общепринятые лозунги об уважении к многообразию, национальному, культурному, языковому, мы де-факто имеем спрос на единообразие. Именно единообразие в глобальном мире обеспечивает развитие, общее и индивидуальное, включая карьерный и социальный рост. В самое сложное положение в данном контексте попадают региональные языки. Их называют миноритарными в противовес мажоритарным, другое название - языки малочисленных народов, языки национальных меньшинств. Вопрос терминологии, к слову, особенно в советской и российской социолингвистике очень сложен. И это опять доказывает роль языка в политике. Каждое определение как правило должно учитывать определенные политические реалии той страны, в которой оно используется. В определении не должно быть ни одного сомнительного аспекта, которое могло бы дать или отнять какие-то политические полномочия представителям языковых меньшинств. Поэтому любые политические документы, касающиеся языков, как правило сталкиваются с проблемами терминологического характера. Для России это особенно характерно, так как являясь одной и самых многонациональных стран мира, в ней проживают этносы, которые в своих титульных регионах составляют большинство. К таким регионам относится и Татарстан. Подобных регионов в федеративных государствах Европы и мира не так много. Регулировать политическую обстановку в них гораздо сложнее, чем в тех регионах где

представители регионального или миноритарного языка являются меньшинством.

Наиболее адекватными, на наш взгляд, являются европейские термины, которые представлены в Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (далее Хартия) – основном европейском документе по языковым правам в Европе. В Хартии региональным языком назван язык, использующийся на определенной части государства, где он может являться языком большинства. Миноритарным языком называют язык, используемый на территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства и отличающегося от официального языка или языков страны. Татарский язык является и региональным, и миноритарным, согласно этим определениям. Кроме того, он является соофициальным. То есть языком, имеющим статус официального в рамках территориальной единицы федеративного государства, на всей территории которого установлен статус общегосударственного языка.

Если говорить об истории языковой политики и ее региональной составляющей, то осознание необходимости взвешенного и сбалансированного подхода к языкам и процессам, сопровождающим их функционирование, пришло во второй половине XX века. Оно развивалось совместно с признанием демократических принципов и норм в отношении прав человека на международном уровне. Меры, предпринимаемые отдельными государствами для поддержания языкового баланса, были частью стабилизации общей картины развития государства, что стало признанием концептуального характера языкового вопроса в рамках развития всех сфер жизнедеятельности любого общества. Впоследствии движения в поддержку языков приобрели международный характер, принципы отношения к языкам стали универсальными. Таким образом, возникла необходимость выделения отдельного направления политики государства, способного регулировать языковые вопросы, являющиеся, с одной стороны, уязвимыми, с другой – оказывающими влияние на основополагающие сферы общества. Термин «языковая политика» вмещает весь комплекс мер, предпринимаемых государством для достижения поставленных целей в области функционирования и развития языков. Многообразие языковых ситуаций, исторических признаков ее развития, уровней социально-экономического и культурного развития государств и регионов, функциональные возможности самих языков и ряд других причин не позволяют выработать единых механизмов реализации языковой политики. Однако языковые права в мировой практике признаны неотъемлемыми правами человека, что при всем многообразии типов языкового развития в от-

дельных государствах требует опоры на единые демократические принципы соблюдения прав человека. Одним из наиболее точных определений языковой политики является определение В.Т. Клокова: «языковая политика – это осознанное и целенаправленное воздействие на функциональную и структурную области языка со стороны официальных и неофициальных лиц, общественных организаций, партий, правительств, классов и проч.» [1, 1992: 215]. Автор предлагает собственное определение понятия «языковая политика»: языковая политика – это деятельность государства по регулированию собственной языковой парадигмы для приведения ее в соответствие с целями и задачами национальной политики государства.

Формирование языковой политики как отдельного направления, целью которого является разработка и реализация механизмов и схем развития языков и связанных с ним сфер, потребовало поиска фундаментальных основ и принципов, что, в свою очередь, повлекло рассмотрение языковой политики в качестве объекта научного исследования. Базой для разработки теории языковой политики является междисциплинарный подход, что более чем актуально для разработки и практической реализации языковой политики. Область языка неразрывно связана со всеми сферами жизнедеятельности общества, для этой связи характерны взаимодействие, взаимовлияние и взаимозависимость. Многогранность языкового вопроса расширяет рамки научных направлений, в контексте которых могут изучаться языковые явления и формируется непосредственно языковая политика. Таким образом, научный подход к языковой политике реализуется через исследования в области лингвистики, социологии, истории, политологии, психологии и других родственных научных отраслей. Социолингвистика – именно то функциональное звено лингвистической науки, которое позволяет изучать языковую политику и языковую ситуацию, совмещая различные научные направления. Результаты социолингвистических исследований основаны, в свою очередь, на междисциплинарном научном анализе, что повышает их ценность и практическую значимость.

Согласно определению Э.Ф. Володарской, языковая политика представляет собой систему способов и форм сознательного воздействия государства и общества на регулирование функциональных взаимоотношений между отдельными языками в многонациональном и многоязычном социуме.

Несмотря на многообразие языковых ситуаций и условий сосуществования и функционирования языков, языковая политика реализуется преимущественно в следующей последовательности:

- 1) разработка теоретической программы, решающей вопросы данной конкретной национально-языковой ситуации;
- 2) юридическая регламентация предложенной программы с учетом языкового баланса социума;
- 3) обеспечение финансовой поддержки программы;
- 4) внедрение разработанной программы включением рычагов исполнительной власти;
- 5) обеспечение контроля за реализацией программы;
- 6) анализ процессов внедрения программы с целью своевременного выявления отклонений от генеральной линии или обнаружения в ходе внедрения программы более оптимальных путей ее реализации;
- 7) отбор выявленных положительных инноваций с целью уточнения и их дальнейшего внедрения в реализуемую программу [2].

На выбор основных направлений языковой политики, согласно теории Э. Ф. Володарской, на современном этапе оказывают влияние следующие факторы:

- 1) реальная социолингвистическая обстановка в стране: анализ предполагает качественные, количественные и оценочные показатели языковой ситуации;
- 2) система традиционных культурологических взглядов: оценка коммуникативной ценности, истории, эстетической и культурной престижности, функциональной самодостаточности или недостаточности;
- 3) повсеместная активизация процессов за признание прав миноритарных языков

Представленный выше традиционный подход, разработанный во второй половине 20 века, развиваемый и реализуемый с конца 90-х и в начале 2000-х годов принес много положительных результатов, которые вселяли оптимизм. Однако, глобализационные процессы даже 10-летней давности несравнимы с темпами сегодняшних реалий. И в отношении сохранения и тем более развития региональных языков сегодня они работают либо с малой эффективностью, либо на сохранение имеющегося потенциала, и в худшем случае не работают, вызывая деградацию языков. Поиск новых путей поддержки и развития миноритарных языков предполагает выработку новой языковой политики, федеральной и региональной. Однако следует учитывать, что количественные и качественные признаки языковой ситуации в регионе предполагают индивидуальные меры по поддержке языка. Даже в рамках одной федерации подходы к поддержке ее региональных языков должны отличаться, если предполагать эффек-

тивные меры. Татарский язык в Татарстане, где 51% татар и хакасский язык в Хакасии, где хакасов примерно 10%, и это - преимущественно сельское население, это абсолютно два разных процесса. На сегодняшний день целью социолингвистов должна стать разработка принципов языковой политики, учитывающей стремительные глобализационные риски и способной адекватно на них реагировать. Если говорить о самом благополучном регионе РФ в части языковой политики - Республике Татарстан – то в последнее время наблюдается определенное падение эффективности развития татарского языка. С одной стороны, определённые общегосударственные принятые инициативы, особенно в области образования, стали этому причиной, но с другой стороны, со стороны республики также наблюдается определенная пассивность. Реакцией на общегосударственные меры становится не ответные компромиссные инициативы, а декларация негативного влияния этих мер на татарский язык. К примеру ЕГЭ и тот факт, что экзамен сдается только на русском языке действительно подрывает традиции национального образования. Национальные школы с татарским языком обучения вынуждены переходить на русский в старших классах для подготовки выпускников к ЕГЭ, и у родителей в целом пропадает мотивация отдавать детей в национальные школы. Данный вопрос требует особого рационального подхода. На наш взгляд, принимая во внимание, что языками технической науки являются преимущественно английский и русский в нашей стране, нет необходимости сдавать экзамены по естественным наукам на татарском. Однако гуманитарные направления должны получить такую возможность. И если это аргументированно представить федеральному центру, разработав контрольно-измерительные материалы, обосновав необходимость этой меры, то мы можем продвинуться в этом направлении. Принимая во внимание, что в России 20 регионов с соофициальными языками, мы могли бы найти поддержку в этом вопросе и среди других регионов. Возвращаясь к вопросу эффективности языковой политики в процессе глобализации, необходимо обратить внимание на еще один аспект. На сегодняшний день в Татарстане имеются такие условия для поддержки регионального языка, которых нет не только ни в одном регионе РФ, но и в большинстве европейских регионов. Здесь предполагаются и нерегулируемые признаки, такие как численность титульного этноса, исторические предпосылки, опыт государственности, и регулируемые, такие как стандартизированность языка, научная база, законодательная база, присутствие языка во всех звеньях образовательной цепи, СМИ, интернете и многое другое. Однако сегодня, мы тем не менее, не можем говорить о стабильном развитии татарского языка. Более того, озабоченность вызывают пессимистичные заявления уче-

ных-филологов, которые еще помнят начало 90-х, темпы развития татарского в те годы и склонны предвещать татарскому языку скорую гибель. Однако при всех вышеперечисленных высоких социолингвистических показателях с чем же связана эта незначительная положительная динамика? Как показывает опыт, это может быть объяснено отсутствием синергии в регулировании языковой политики. Столь многогранная сфера как язык предполагает одновременное внимание к огромному числу сфер, можно сказать всех сфер жизни общества. Примером синергетического подхода к реализации языковой политики может служить Государственная программа РТ по сохранению и развитию языков народов РТ на 2014-2020 гг. Это документ-преемник двух предыдущих программ, каждая принималась на 10 лет с 1992 года. Новая программа масштабно охватывает большую часть сфер жизни республики, однако в итоговый вариант документа не вошло создание специального отдела при Кабинете Министров РТ ответственного за реализацию программы. На наш взгляд, именно создание такого органа, комитета или отдела по языкам, который бы координировал весь процесс, имел полномочия запрашивать любую информацию по выполнению положений программы, имел в своем распоряжении индикаторы эффективности и мог сравнивать и отслеживать динамику обеспечило бы синергию языковой политики в Республике Татарстан.

Новый глобальный мир требует новых подходов к сохранению миноритарных и региональных языков. Если не вести работу по адаптации языковой политики под реалии времени, то велик риск в короткие сроки потерять накопленный за 20 лет ресурс. Языковые процессы характеризуются инерционностью, результаты развития языка аккумулируются очень долго и с большими усилиями, а утрачиваются, напротив, в очень короткие сроки.

Литература

1. Клоков, В.Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов, 1992. С. 92.
2. Володарская, Э.Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ / Материалы научной конференции «Язык. Культура. Общество». М.: Изд-во МИИЯ, 2009. С. 2-72.

Перотто Моника
PhD, доцент
Болонский Университет, Италия
Департамент языков, литературы и современных культур
monica.perotto@unibo.it

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ТАТАРСТАНЕ И В ИТАЛИИ: АСПЕКТЫ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ

Среди самых перспективных моделей для типологического описания языковой картины би- или мультилингвальной страны, в современной социолингвистике создана М. А. Горячевой универсальная типовая модель, позволяющая на основании ряда взаимосвязанных параметров определять тип языковой ситуации в конкретном регионе и проводить сравнительный анализ языковых ситуаций в разных странах мира [1, с.60].

В общепринятое определение “языковой ситуации” (ЯС) [2, с.266] входят разные компоненты чисто языкового типа (любые языковые образования репертуара: языки, региональные койне, формы существования одного языка и т.п.), демографического (ДМ - демографическая мощность языка, т.е. число говорящих на данном языке) и коммуникативного (КМ – коммуникативная мощность, т.е. число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым языком) [1, с.61]. Кроме того, среди факторов, влияющих на развитие языковых отношений в рамках языковой ситуации, безусловно центральную роль играют языковая политика и статус взаимодействующих языков. Данные компоненты следует изучать не в отдельности, а в совокупности, с учетом процессов исторической, социальной и экономической жизни, способствующих их постоянной эволюции.

В настоящей работе мы частично придержимся этой модели для сравнения ЯС двух регионов⁸ мира как Республика Татарстан (РТ) и итальянская область Альто Адидже – Южный Тироль (Alto Adige – Südtirol) столь далеких на карте, но показывающих очень близкие черты внешней языковой симметрии. Однако, при более тщательном анализе мер, предпринятых на уровне языковой

⁸ Здесь и далее условно употребляется термин “регион” в значении территории, хотя речь идет о двух совсем разных административных субъектах, Татарстан – Автономная Республика Российской Федерации, Альто Адидже – автономная область Итальянской республики. Их первый общий элемент: оба обладают административной автономией.

политики, и их эффекта на реальную жизнь двух регионов обнаружены на самом деле многочисленные элементы внутренней асимметрии.

1. РТ и Альто Адидже: настоящий билингвизм?

По классификации Горячевой первым параметром, определяющим тип ЯС, является статус языка. РТ и итальянскую область Альто Адидже можно считать “бикомпонентными”, так как в обоих регионах имеются два главных языка равных по статусу, хотя отличающихся по терминологии: русский и татарский в РТ “государственные”, в то время как итальянский и немецкий в Альто Адидже “официальные”.⁹

В этом плане отмечается симметрическое отношение между языками: хотя с одной стороны на русском и на итальянском говорит соответственно вторая по численности этническая группа и в РТ и в Альто Адидже, тем не менее было бы нереалистично считать их миноритарными языками, так как они представляют доминантную группу не в самом регионе, а в высшем государственном организме, соответственно РФ и Итальянской Республике. С другой стороны по отношению к государству РФ и Италии татарский и немецкий являются языковыми меньшинствами, хотя обладающими высоким престижем, древней культурой и традицией.

В обоих регионах кроме этих языков имеются и другие языки наименьшей демографической мощности: в РТ проживает 126 этносов, из которых татары являются титульным и русские вторым по численности этносом, среди остальных больше всего числится чувашей и удмуртов. В последних переписях населения наметился рост титульного этноса: если в 1989 году татары составляли 48,5% населения республики, в 2002 их стало 52,9% и в 2010 – 53,2%, в то время как число русских составило 43,3% в 1989 г., но сократилось до 39,5% в 2002 и 39,6% в 2010 [3].

В Альто Адидже по данным переписи 2011 г. большинство населения составляют немецкая (69,41%), итальянская (26,06%) и ладинская группа (4,53%) [4, с. 119]. На самом деле 73% населения этого альпийского региона считает своим родным немецкий язык, хотя они говорят на австро-баварском диалекте (южно-тирольском варианте стандартного немецкого – Hochdeutsch). ДМ обоих языков соответствует численности населения группы и их КМ практически одинаковая в отдельных сферах влияния, но особый характер этой ЯС – это

⁹ Согласно Словарю Социолингвистических терминов [2, с. 159] термин “официальный язык” является политико-юридическим синонимом термина “государственный язык”. В некоторых странах термин употребляется в законодательстве вместо термина “государственный язык”.

изолированность этих сфер, что приводит к редкому контакту между языками. Немецкоговорящие компактно проживают в сельских местностях и в горных долинах, составляя одноязычные острова, в которых употребление итальянского языка – явление довольно редкое. В городских местностях, где население принадлежит обеим группам,¹⁰ знание второго языка не является приоритетным, так как каждая группа предпочитает пользоваться теми инфраструктурами и посещать те места агрегации, где гарантируется употребление родного языка. Данная изоляция особенно заметна на уровне культурных инфраструктур: пока остались без результата усилия создать междисциплинарную библиотеку итальянской и немецкой культур. Тем не менее, в городских центрах контакт развивается больше, и отношение к билингвизму более позитивное.

Учитывая присутствие разных языковых групп, в обоих регионах можно говорить о двуязычной или многоязычной окружающей среде, а в индивидуальном плане дела обстоят иначе. Если в РТ, по мнению Волковой, «формирование языкового паритета становится условием гармонизации общества» [5, с.196], поэтому приоритетна необходимость сохранения баланса этнических интересов и к этому направлены усилия языковой политики республики, в Альто Адидже преследуется одинаковая цель, но процесс развития двуязычия с трудом добывается и способствует межнациональной интеграции.

На уровне КМ можно встретить некую асимметрию и в Альто Адидже, и в РТ. В первом из двух регионов употребление итальянского и немецкого языков обязательно только в административной сфере. Необходимость проявления двуязычной компетенции ограничивается *de facto* работникам этой сферы: для наема на работу им требуется предъявление сертификации уровня двуязычия (так называемого *patentino*).¹¹ В остальных отраслях охрана и защита родного языка, особенно востребованные немецкой группой, опасавшейся полной ассимиляции с периода фашизма,¹² способствовали созданию двух параллельных и

¹⁰ В городе Болцано, главном городе области, преобладает итальянская группа (73,80%), в Брессаноне немецкая (72,82%), в Мерано они почти равняются (49,06% - итальянцы, 50,47% - немцы), в Брунико (82,47%) и Випитено (73,64%) преобладает немецкая группа [4, с.120].

¹¹ Законом №1165 от 23.10.1961 был введен обязательный экзамен для проверки уровня двуязычия, который нашел очень сильное сопротивление именно со стороны итальянской группы [6, с.72]. Достижение определенного уровня (А, В, С, D) двуязычия позволяет соискателю получить разные должности в публичном секторе, поэтому хорошее знание двух языков может помочь в продвижении по карьере.

¹² История этого региона является главным препятствием приема двуязычия. Территория Альто Адидже была присоединена к Царству Италии в конце первой мировой войны после разгрома австро-венгерской империи. В двадцатые и тридцатые годы было запрещено употребление немецкого языка в школе и в публичных заведениях, так как немецкая группа, как и другие национальные меньшинства, должны были полностью ассимилироваться с итальян-

довольно изолированных миров, где двуязычие осталось более потенциальным, чем настоящим. Провинциальный деятель культуры Альто Адидже Антон Целгер еще в 80-ые годы теоризировал необходимость отдельного развития двух групп: «Чем больше мы будем жить отдельно друг от друга, тем лучше мы поймем друг друга» [7]. Специалисты называют такое явление “сепаративным билингвизмом” [8, с.53].

Отсутствие мотивации к билингвизму является острой проблемой и для итальянской группы, особенно среди молодого поколения. В исследовании Kolipsi, проведенном в этом регионе в студенческой среде, собраны очень значительные данные: большинство студентов обеих групп утверждает, что никогда или почти никогда не слушает радиопередачи (немецких 51,8% и итальянских 65,2%) и не читает на втором языке (немецких 38,4% и итальянских 54,3%), а также не пользуется интернетом на втором языке (немецких 53,6% и итальянских 53,3%) [9, с.244]. Итальянцы объясняют свой низкий уровень знания второго языка и отсутствие мотивации к билингвизму тем, что в школах региона преподается стандартный немецкий язык, не соответствующий диалекту, реально употребляемому во всех сферах жизни. На самом деле очень маленькая группа жителей Альто Адидже (наверно около 10% населения), составленная прежде всего смешанными семьями, является реально двуязычной [7].

Если на уровне топониматики (дорожные указатели, публичные объявления) строго соблюдается присутствие обоих языков, также в системе образования, как мы увидим, остается возможность выбора среди итальянских и немецких школ, но “паритетное” двуязычное образование гарантируется только в школах ладинской группы.

В РТ по данным Горячевой [10, с.504] 53,3% населения владеет татарским языком (большинство татар, 94,2%), но использует его прежде всего в повседневном общении, как семейный язык. Преобладает национально-русское двуязычие, то есть в большинстве татары двуязычны, в то время как русские моноязычны: 71,3% татар свободно говорит, читает и пишет на русском языке, в то время как только 2,9% русских имеет подобный уровень компетенции на татарском языке [11, с.29]. ДМ русского языка в РТ почти в два раза больше численности этноса, в то время как у татарского языка эти два показателя равняются.

Главным препятствием для гармонического развития двуязычия является этно-демографическая поляризация населения республики [5, с.197]. Вслед за массовой урбанизацией последних десятилетий прошлого века, татарский оста-

ской культурой. Долгое время немецкая группа избегала контакта с другими культурами под девизом “Mischkultur ist Mistkultur” (смешанная культура – это некультура)[7].

ется очень распространенным и функциональным в сельских местностях, в то время как в городе, где живет большинство населения республики, русский язык обладает большей КМ.¹³ Горячева определяет уровень КМ татарского языка как высокий, поскольку РТ является первым регионом РФ по количеству газет и журналов, выпускаемых на титульном языке. В сфере теле- и радиовещания распространение передач и каналов на татарском языке очень широкое.

В анкетировании, проведенном в 1995 Л.К. Байрамовой, многие молодые татары утверждали, что слушают радио и смотрят телеканалы на русском и на татарском языке, а также читают книги и журналы на обоих языках [10, с.504], тем не менее проблема престижа татарского языка остается острой, особенно среди городской молодежи. В работе Мусиной и др. [11, с.18] утверждается важность борьбы против “языкового молодежного нигилизма”, отрицания необходимости знания татарского языка из-за его “неразвитости” и “несовременности”.

В отличие от Альто Адидже, хотя оба языка - русский и татарский - государственные, в органах государственной власти в РТ не действует эффективный билингвизм, так как «еще не сложилась реальная практика применения татарского языка в процессе законотворчества и документооборота» [12, с.126]. Данное явление типично для многих регионов РФ и может быть вызвано недостаточно высоким престижем титульного языка в административной сфере или низким уровнем развития официального стиля языков титульных народов РФ.

Далее рассмотрим какие меры принимаются на уровне языковой политики и языкового планирования, то есть в сфере образования.

2. Языковая политика в РТ и в Альто Адидже

В августе 1992 г. был принят Закон РТ “О языках народов Республики Татарстан”, и в ноябре того же года Конституция Республики закрепила статус государственного языка для татарского и русского. В следующем году в новом законе “Об образовании” (19.10.1993) было подтверждено право обучения на татарском и русском языках [13, с. 11-12]. Новые законодательные акты должны были способствовать не только юридическому равноправию двух языков, но и реализовать меры для повышения реальной функциональности татарского языка. С этой целью в 1999 г. была принята “Концепция языковой политики РТ”, где были определены принципы и задачи для эффективного применения языковой политики. За первой следовали другие республиканские целевые программы (последняя из которых введена в действие в 2013 г. на период 2014-

¹³ Для определения сфер использования основных языков в РТ, см. 11, с. 14-15.

2010).¹⁴ Тем временем и на уровне Российской Федерации были предприняты подобные меры для закрепления позиций русского языка (новый Федеральный Закон “О государственном языке РФ” был принят 1.06.2005) и определения государственных образовательных стандартов [13, с. 13].

Как очевидно, если в РТ функциональность татарского языка была и остается одним из приоритетов этнокультурной и образовательной политики республики, с другой стороны роль русского языка как выражения централизованной федеральной политики тоже закрепляется. Меры, предпринятые для утверждения национально-культурной автономности,¹⁵ могут быть недостаточны. «Если Федеральный Центр делает сегодня акцент на единстве и интеграции, национальные регионы, принимая “новые условия игры”, пытаются сохранить относительную самостоятельность в решении вопросов языкового-культурного развития» [13, с. 15].

В Альто Адидже гарантия законной автономности и признания двуязычия для немецкой и итальянской групп региона была результатом болезненного процесса и сильных этнических столкновений.¹⁶ После принятия второго Устава Автономности в 1972 г., открылся новый этап, гарантирующий паритетное использование двух языков в топонимике, в официальных актах и документах делопроизводства, а также в сфере образования [6, с. 37-38]. Тем не менее, в 1976 вышел исполнительный декрет, устанавливающий необходимость предъявления сертификата о двуязычии (вышеназванного *patentino*) и обязательную “этническую пропорцию” (*proporzionale etnica*) при найме на государственное место работы. Данные меры вызвали настоящий шок у итальянского населения региона, опасавшегося исключения от занятия государственных и административных должностей. Если декрет безусловно действовал для немецкой группы в виде компенсации прошлых этнических дискриминаций, то для итальянской группы появился риск сужения сфер употребления их языка, особенно на территории, где большинство население немецкоговорящее.

¹⁴ Государственная программа “Сохранение, изучение и развитие государственных языков РТ и других языков в РТ на 2014-2010” (25.10.2013). Режим доступа http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_227812.pdf, проверено 10.07.2014

¹⁵ Речь идет, например, о законе “О национально-культурных автономиях в РТ” (12.05.2003) [13, с. 14].

¹⁶ Принятие первого Устава Автономности в 1948 г., в котором территория Альто Адидже была присоединена к провинции Тренто, привело к созданию области Трентино-Альто Адидже. В этой территории немецкая группа была миноритарной и не принимала условия, продиктованные итальянской стороной. Из этого следовал в 60-ие годы период демонстраций и сильных этнических столкновений.

В заключении анализа двух ЯС Альто Адидже и РТ для проверки эффективности мер языковой политики настоящим испытательным стендом является в обоих регионах сфера образования.

3. Асимметрии в сфере образования

В Альто Адидже еще первый Устав Автономности устанавливал право каждой группы организовать систему образования на родном языке, но действующая сегодня система восходит ко второму Уставу (ст. 19), предусматривающему две отдельные школьные системы: одну на немецком и другую на итальянском со вторым языком обязательным в обеих. Можно говорить о “паритетной системе”, так как языковая нагрузка в каждой школе предусматривает 4 часа в неделю на второй язык. Самая серьезная проблема возникла при найме преподавателей: немецкая группа требовала, чтобы только носители преподавали и первый и второй язык в немецкой школе, но в итальянской не было возможности применения той же нормы из-за нехватки персонала для немецкого языка (они все работали в немецких школах), так что в итальянских школах пришлось принимать итальянских преподавателей немецкого языка. В итоге уровень компетентности итальянцев в немецком языке существенно спал. Не удивляет, что в Лингвистическом Барометре 2004 [14, с. 42] о школьном опыте усвоения второго языка позитивное мнение выразили 47,3% немецких информантов и только 25,2% итальянских, в то время как мнение было негативным у 15,6% итальянских информантов и 9,6% немецких. Участники исследования, проведенного институтом EURAC (European Academy of Bozen/Bolzano) [7], жалуются, что в итальянской школе только 46% преподавателей обладают сертификатом о двуязычии (в немецкой школе их 86%). Очевидно, в немецкой школе состоялась адаптация к новым общественным условиям и нормативам, в то время как в итальянской продолжалось преподавание немецкого языка как иностранного без учета окружающих условий билингвизма. Парадокс этой асимметрической ЯС в том, что все чаще итальянские родители, поддерживающие необходимость двуязычного образования своих детей, зачисляют их в немецкую школу. Подобное явление бывает и в РТ, но здесь его динамика немного иная.

В РТ обучение ведется на 6 языках: кроме русского и татарского, еще на чувашском, марийском, удмуртском и мордовском языках. После принятия закона о языках народов республики (1992), в системе образования наметилось расширение функций татарского языка [11, с. 22-23]. Если до конца 80-их годов татарские школы были особенно многочисленны в сельских местностях [13, с. 18], то в девяностые годы все больше и больше их начали открывать и в городе.

Ввелись “паритетные модели” [5, с. 200] с равным количеством часов на изучение русского и национального языка, увеличились возможности получения высшего образования на татарском языке. Созданы школы “с этнокультурным компонентом”, где проводится обучение родному языку и культуре в качестве дополнительных занятий. В РТ таких школ с русским языком 47, в том числе в Казани 10 [13, с. 20]. Выбор, конечно, остается особенно открытым для татарской группы, поскольку русские предпочитают отдавать своих детей в русские школы. Хотя для татар выбор обучения на родном языке мог бы показаться естественным, тем не менее сдача ЕГЭ на русском языке является тормозом для этого выбора. Кроме того, вопрос качества преподавания и подготовки профессиональных кадров всегда остро вставал в национальной школе, поэтому количество родителей, желающих отдавать своих детей в городские татарские гимназии и лицей, в последние годы значительно сократилось [11, с. 23].

Заключение

Как было указано, с точки зрения ЯС Альто Адидже и РТ демонстрируют разные элементы симметрии: являются “бикомпонентными” регионами, в которых функционируют два языка, равных по статусу и с большими ДМ и КМ. В обоих регионах распределение двуязычия и функциональность языков определяются поляризацией населения: в городских центрах замечается больше лингвистического контакта и открытости к двуязычию, в то время как в сельских местностях преобладают моновязычие и местные традиции. У обеих групп, представляющих большинство населения (немецкую в Альто Адидже, татарскую в РТ), закрепились автономность и присутствие языка на уровне образования, но первый аспект ассиметрии встречается в применении языковой политики: в Альто Адидже двуязычие стало обязательным в административной сфере благодаря отчасти жестким нормативам, в то время как в РТ татарский язык еще не вполне действует как язык делопроизводства. Второй аспект ассиметрии обнаружен в школьной системе, хотя она задумана как “паритетная”. В случае РТ – это школа титульного языка, которая должна достигать престижа и эффективности обучения русской школы, в то время как в Альто Адидже происходит наоборот: проведенные исследования показывают, что больше всего страдает итальянская школа.

В обеих регионах многочисленными являются усилия для закрепления языковых контактов и распространения сбалансированного двуязычия, чтобы интеграция была взаимовыгодной для обеих групп. Направление новых проектов и программ безусловно должно ориентироваться на поиск мотивации к дву-

язычию как интересному стимулу для лингвистического развития новых поколений.

Литература

1. Горячева, М.А. Типологическая модель языковых ситуаций: итоги разработки и перспективы // Вопросы филологии. – 2006 – №1 (22). С. 60-67.
2. Словарь социолингвистических терминов. Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. – 2006.
3. Национальный состав населения Республики Татарстан. Режим доступа: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx>, проверено 19.06.2014
4. ASTAT, Annuario Statistico della provincia di Bolzano, 2013. Режим доступа: http://www.provinz.bz.it/astat/download/IB2013_K3.pdf, проверено 19.06.2014
5. Волкова, Т.А. Некоторые аспекты реализации государственной языковой политики в Республике Татарстан в сфере образования // Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века. Казань – 2014 – С. 196-205.
6. Baur S., Mezzalana, G. Pichler, W. La lingua degli altri. Aspetti della politica linguistica e scolastica in Alto Adige- Südtirol dal 1945 ad oggi. Milano – 2008.
7. Forer D., Paladino M.P., Vettori C., Abel A. Il bilinguismo in Alto Adige: Percezioni, osservazioni e opinioni su una questione quanto mai aperta. / Il Cristallo – 2008 – Режим доступа: http://www.eurac.edu/staff/AAbel/Documents/Forer_Paladino_Vettori_Abel_bilinguismo_AA_Cristallo_2008_L_1.htm. Проверено 19.06.2014
8. Dell'Aquila V., Iannaccaro G., La pianificazione linguistica. Lingue, società e istituzioni. – Roma – 2004.
9. Abel A., Vettori C., Wisniewski K. (a cura di) Kolipsi. Gli studenti altoatesini e la seconda lingua: indagine linguistica e psicosociale, Режим доступа: http://www.eurac.edu/en/research/institutes/multilingualism/Documents/Publikationen/Kolipsi_Band_1_mitCover.pdf. Проверено 19.06.2014
10. Горячева, М.А. Языковая ситуация в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Бурятия и Коми как иллюстрация видов соотношения русского и титульных языков. / Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. Отв. Ред. Е.П. Челишев. М. – 2010 – С.501-510.
11. Исакова З.А., Миннуллин К.М., Мусина Р.Н. (отв. Ред.), Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань – 2002.

12. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я., Как и зачем сохранять языки народов России, Хельсинки – 2012.

13. Мусина, Р.Н. (отв. Ред.) Языки в системе образования Республики Татарстан. По материалам этносоциологического исследования. Казань – 2011.

14. ASTAT, Barometro Linguistico dell'Alto Adige 2004. Uso della lingua e dell'identità linguistica in provincia di Bolzano. Bolzano – 2006.

Режим доступа: http://www.provinz.bz.it/astat/it/famiglie-aspetti-sociali/537.asp?SonstigeSozialstatistiken_action=4&SonstigeSozialstatistiken_article_id=42622. Проверено 10.07.2014.

Горячева О.Н.

кандидат филологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт,
olganikgor@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДВУЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Изменения, произошедшие в языковой политике Республики Татарстан, позволили расширить сферы применения татарского языка параллельно с русским. Он становится не только предметом изучения, но и выступает как средство обучения на некоторых факультетах Казанского (Приволжского) федерального университета, в Казанской консерватории и Казанском государственном институте искусства и культуры. Серьезным научным исследованием татарского языка занимаются на факультете татарской филологии и истории ФГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедре татарской филологии Башкирского государственного университета, в Институте языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Татарский язык, наряду с русским, является государственным языком Республики Татарстан [1]. В местах проживания диаспоры и в самой республике существует развитая сеть учебных и воспитательных учреждений, в которых используется татарский язык: дошкольные учреждения, начальные и средние школы с татарским языком в качестве средства воспитания и обучения всем

предметам, а также начальные и средние школы, в которых язык изучается как предмет [4].

Длительное время постоянного и живого контактирования способствовало перекрестному обмену лексики, что проявилось, прежде всего, в устной разговорной речи во вкраплении татарских словоформ в русскую речь и русских в татарскую речь. Русскому человеку не надо объяснять, что такое чак-чак, губадия, Курбан–байрам, Сабантуй, Рамазан, так же и татарину понятны без перевода русские названия блюд (пельмени или пирожки), названия русских праздников (Пасха или Рождество), одежда (кепка или шапка-ушанка). Языковая ситуация в Татарстане характеризуется формированием истинного русско-татарского двуязычия, лишённого какого бы то ни было антагонизма или национального экстремизма.

Значительные усилия в популяризации татарского языка прилагаются правительством Татарстана: принимаются законодательные акты (закон «О языках народов Республики Татарстан»[1], о минимальном уровне знаний татарского языка [2], введение ЕГЭ по татарскому языку[3]); издаются русско-татарские и татарско-русские словари, учебная, художественная, публицистическая и научная литература, отражающие практические потребности общества в знании лексики того и другого языка и необходимые для правильного словоупотребления в процессе коммуникации; выходят десятки газет и журналов на татарском языке; ведутся радио- и телепередачи, работают национальные театры, проводятся экскурсии, церемонии и праздники с использованием второго государственного языка; создаются татарские группы для общения на родном языке, дошкольников обучают азам второго государственного языка, корректируется учебная программа в школах и вузах (введение занятий по татарскому языку и литературе, истории Татарстана и выделение часов на их изучение).

Осознавая необходимость использования татарского языка на территории республики, признавая его государственный статус, к нему все чаще прибегают и в сфере бизнеса, политики, рекламы и связей с общественностью. В ОАО «ВАМИН», «Вкусняево», «Челны-хлеб» было принято решение дублировать информацию о составе продуктов на татарском и русском языках, в оформлении тары, этикетках стали использовать традиционные цвета и национальный татарский орнамент. В 2009 году ОАО «Казанский жировой комбинат» выпустил майонез «Халяль», где информация о продукте предоставлена на русском, татарском и казахском языках. Учли особенности этнических традиций и в торговой сети «METRO Cash&Carry». Все вывески, информационные щиты и указатели переведены на татарский язык. ОАО «Вымпелком» в 2010

году стало предоставлять услуги на татарском языке, работает call-центр на татарском языке, щиты в сервисных центрах и информационные буклеты выполнены на двух языках. В крупных торговых, сервисных, спортивно-развлекательных центрах посетителям помогут знающие оба языка служащие. Все чаще вновь открывающиеся магазины имеют тюркоязычные названия: «Аргамак», «Бэхэтле», «Нур», «Алтын Ай». В названиях предприятий содержится указание на род деятельности, товар («Сөт», «Икмэк», «Чэчэклэр», «Аяк иемер», «Ризык», «Бүлэклэр», «Башлык», строительная фирма «Төзелеш»).

По-татарски звучат названия улиц и проспектов. В Казани из неперсонализированных названий к татарскому языку имеют отношение следующие: Алан, Акчулпан, Гулбакча, Дюртенче, Ирек, Кызыл Татарстан, Эш Урам, Юлдаш, Якты Юл, Яшель, Яшьлэр, Яшь Куч, Яшь Урам. В Елабуге есть переулок Каенлы, улица Миляш, в новостройках значительна доля татарских названий: Алтынай (Золотой месяц), Акчарлак (Птица), Балан (Калиновая), Балкыш (Сияние), Болгар (Булгар), Дуслык (Дружба), Наратлык (Сосновая), Нократ (Вятка), Нурлы урам (Лучистая улица), Матур урам (Красивая улица), Туганлык (Родственная), Чулман (Кама), Шатлык (Радужная), Шомырт (Черемуховая), Юлдаш (Спутник). В Альметьевске и Нижнекамске наблюдается преобладание персонифицированных названий (ул. Марджани, ул. Гарифуллина, пр. Зарипова, ул. Тукая, ул. Мурадыяна, ул. Урманче, ул. Гайнуллина). Возможно синонимичное дублирование в названии улиц, связанное с билингвизмом, например, Тимер Юл - Железнодорожная, Яшель - Зеленая, Чияле - Вишневая, Яшьлэр - Молодежная, Кызыл Армия - Красноармейская (Казань), Дуслык - Дружба (Альметьевск), Яшлек-Молодежная (Набережные Челны), Наратлык - Сосновая (Елабуга),

На рекламных щитах все чаще размещают сообщения без сопроводительного русифицированного перевода: «Татар кызы – тан йолдызы» («Татарская девушка – утренняя звезда») о региональном конкурсе красоты, «Сабан туге гузле – 2013» («Красавица Сабантуя-2013») о набережночелнинском конкурсе. Некоторые рекламодатели выделяют целевую аудиторию, ориентируясь на языковой признак, обращаясь к ним на татарском языке (Сушилар). Media Mark подготовил серию растяжек с включением национальных элементов (тюбейка) и объединенным в одну фразу русско-татарским текстом: «Инноваций кубрэк в два раза!» «Евросеть» рекламировала себя на TATAR RadioSI двусмысленной песенкой: «Евросеть», цены просто... (многозначительный «бип»), а при втором воспроизведении - «бик эйбэт» («очень хорошие» - тат.) произведенным эффектом рекламодатели остались довольны.

Грандиозная PR-кампания была проведена сотовым оператором связи «Билайн» в Татарстане под лозунгом: ««Билайн» любит татарский язык!», что привело к появлению голосовых сообщений на татарском языке. Сеть магазинов автозапчастей «Би-би» в рекламных роликах используют слоганы «Нам по пути!)/ «Безгә бер юлдан!». Мобильность электронной связи, интернет ресурсов подтверждается соблюдением национальных интересов Республики: официальный сайт Государственного Совета РТ имеет татарскую версию сайта. Заработала в 2010 году на татарском языке поисковая система «Яндекс», интерфейс переведен на татарский язык. В 2012 г. запущена всемирная информационно-ресурсная социальная сеть «Татар иле».

Совершенствование межъязыковых связей наряду с деловыми и национальными способствуют становлению общекультурного межэтнического взаимодействия в Республике Татарстан.

Литература

1. Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», 1992
2. Газизова А. 167 татарских слов // Вечерние Челны № 26 (816) от 27 июня, 2012г., Набережные Челны.
3. Приказ от 9 февраля 2012 г. № 715/12 «Об утверждении порядка организации и проведения в 2012 году государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших основные общеобразовательные программы основного общего образования, с использованием механизмов независимой оценки знаний путем создания государственной экзаменационной комиссии Республики Татарстан» Эл. ресурс <https://edu.tatar.ru>
4. <http://peoples.org.ru/tatar.html>

Славина Л.Р.

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт,
LILISR@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КАНАДЕ

Двуязычие и мультикультурализм уже на протяжении четырех десятилетий являются официальными идеологиями политики в Канаде.

Принято выделять три идеальных типа языковой политики: ассимиляция, дифференциация и мультикультурализм [1; 80]. Языковая гомогенизация (одноязычие) общества является основной целью политики ассимиляции. При политике дифференциации миноритарные или языки меньшинств не поддерживаются государством, однако имеют возможность создания параллельных институтов (частные учебные учреждения, частные СМИ).

Модель мультикультурализма в языковой политике предлагается рассматривать в двух вариантах:

1) Региональный мультикультурализм, где защита языков территориально обусловлена, и основана на принципах федерализма и многоуровневого устройства политической власти.

2) Социокультурный вариант мультикультурализма признает уникальность и защищает права использования языка во всех коммуникативных сферах. Такая языковая политика стимулирует развитие билингвизма или мультилингвизма в образовании. Канада придерживается именно такой политики языкового регулирования.

В контексте глобализации общества билингвальное образование приобретает особую актуальность. В работах Д. Н. Мустафиной подчеркивается, что «результаты социолингвистических исследований, направленных на... решение глобальных вопросов и поощрение толерантности, доказали основополагающую роль образования в достижении целей языковой политики. Образование является главным средством, которое оказывает активное влияние на состояние, престиж и развитие языка» [2; 175].

В Канаде, пишет Дуфф Р., события в Квебеке в 60-е годы XX века стимулировали развитие билингвизма [3]. Пьер ЭллиотТрюдо, ставший в 1968 году премьер-министром страны, представил парламенту Закон об официальных языках (Official Languages Act), который был принят в 1969 году. Этот закон

должен был юридически закрепить равенство английского и французского языков в федеральных учреждениях и тем самым обеспечить уважение языковых прав, гарантированных канадской Конституцией [8]. Впервые устанавливалось равноправие французского и английского языков в любой сфере, относящейся к федеральной юрисдикции. По этому закону все федеральные министерства, ведомства и службы переводились на двуязычную основу. Для тех государственных чиновников, которые не знали французского языка, был установлен срок для его изучения. В Конституцию 1982 года было включено положение о равенстве английского и французского языков в Канаде и закреплено право франкоканадцев на получение образования на родном языке вне зависимости от места жительства.

Хитер Лотерингтон считает, что образовательные программы с глубоким погружением, где не менее 50 процентов содержания реализуется посредством второго языка, становятся все более популярны. Первые программы двуязычного погружения (с французским и английскими языками) были внедрены в детских садах Канады под давлением общественности, возглавляемой протестантскими лидерами города Сент-Ламберт [4]. С начала 1960-х годов и до 1969 года (объявления Акта об официальных языках – Official Languages Act, 1969) канадская провинция Квебек находилась в состоянии высокой политической напряженности по вопросам языкового и культурного признания большинства франкоязычного населения. В области Монреаль, находящейся под влиянием франкоязычной части граждан, группа обеспокоенных родителей начала последовательное планирование, консалтинг и общественное лоббирование вопроса более эффективного применения французского в качестве второго языка преподавания. Родители считали, что дети должны иметь возможность стать «двуязычными» в рамках школьной системы [4; 220]. Было много оговорок и условий, однако, в конечном итоге была сформулирована экспериментальная программа. В образовательной системе провинции Квебек по принципу языка и религии были выделены французская католическая, французская протестантская, английская католическая и английская протестантская школы. Многие родители не хотят ставить под угрозу свои культурные и религиозные особенности отправляя своих детей во французскую католическую или даже в «академически более слабую французскую протестантскую» школы [4; 221]. Но цель общественности состояла не в усложнении учебной программы дополнительными предметами, как, например, в школе Торонто, провинция Онтарио, где французский и русский были предложены обучающимся для получения дополнительной квалификации и степени бакалавра. Родители хотели, чтобы дети по-

лучили "нормальное" образование, с одним исключением - оно должно привести к двуязычию к концу начальной школы, без ущерба для родного языка [4; 231].

Более радикальная программа, не имеющая аналогов во франкоговорящей Канаде, была предложена родителями протестантами города Сент- Ламберт [5; 11-16]. Дети обучались франкоговорящим учителем только на французском языке до второго класса, с 3 класса в образовательный процесс включался английский язык с последовательным увеличением объема данного языка до 50% к 6 классу. Четыре десятилетия спустя, после успеха погружения во французский язык учащихся детского сада, экспериментально организованного для англоязычных детей в городе Сент- Ламберт в 1965 году, данная педагогическая модель была впервые описана как «погружение в языковую ванну» («immersion in a language bath») [5; 225].

Микроконтекст отдельно взятой семьи, который может быть моновязыковым и монокультурным, моновязыковым, но бикультурным, биязыковым и бикультурным, а также многокультурным, зависит от предпочтений и языковых компетенций семьи.

По мнению Р.Руис, канадская языковая политика определяется Зосновными направлениями – язык как проблема, язык как право, язык как ресурс. Язык как проблему стали рассматривать, когда предположили, что дети, которые не разговаривают на официальных языках, будут неравноправны в возможностях. Возникло предположение, что гражданин (ребенок) будет владеть только той частью информации и знаниями, которую он может получить через английский или французский, с данной позиции, право на получение информации ущемляется. И третье направление – это новая экономическая идея принятия многоязычия как человеческого капитала, который лежит в основе образовательной идеи мультиграмотности (education an ideas of multiliteracy) [2].

В контексте языковой политики в сфере образования 2003 году правительством Канады были предложены два документа - «Канадские образовательные программы» (The Next Act) и План 2013 (Plan 2013). Концепцией этих программ является образование билингвов в государственном масштабе. Предлагается анализ политических, теоретических и демографических контекстов, оправдывающих поддержку изучения и использования второго языка в современном канадском обществе, который демонстрирует, что двуязычие и многоязычие действительно познавательны, социально и лингвистически выгодны для общества. Исходя из анализа, ставятся конкретные цели и задачи, а также

предлагаются пути их достижения. Данные документы имеют рекомендательный характер для провинций Канады.

Таким образом, двуязычное образование стало очень популярным образовательным вариантом, так как канадский мультикультурализм не просто попытка защитить культурные различия, но и активная работа над формированием образа гражданина Канады и разработкой систем общественных ценностей. Это достигается с помощью различных средств, но главным образом через обеспечение доступа к одному из двух официальных языков, защиту родного (домашнего) языка и культуры каждого гражданина, прав человека как основы для общих ценностей, этики и законов.

Литература

1. Skutnabb-Kangas, Tove & Phillipson, Robert (1994). Linguistic human rights: past and present. Skutnabb-Kangas, Tove & Phillipson, Robert (Eds.), in collaboration with Mart Rannut. Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination. Contributions to the Sociology of Language 67. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.

2 Мустафина Д. Функциональное развитие татарского языка и других региональных языков Российской Федерации и Европы в свете социолингвистической парадигмы. - Наб. Челны: Изд-во ИНЭКА. – 2012.

3 Duff, P. 2001. Language, literacy, content and (pop) culture: Challenges for ESL students in mainstream courses. The Canadian Modern Language Review, 58, pp. 103–132

4 Lambert, W. E. & Tucker, G. R. Bilingual education of children: the St. Lambert experiment. Rowley, MA: Newbury House, 1972.

5 Swain, M. & Johnson, R. K. Immersion education: a category within bilingual education / R. K. Johnson & M. Swain (eds.), Immersion education: international perspectives Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

6 R. Ruiz (1984) cited by M.P. Geldberg and D. Corson, Immigrant and Aboriginal First Languages as prior Learning Qualifications for formal Employment in the Business, in the Government and education sectors (NALL Working Paper 03-1999, 1999) at <http://oise.utoronto.ca/depts/csew/nall/res/03goldberg.htm>

7 The Next Act: New Momentum for Canada's Linguistic Duality / The Action Plan for Official Languages at <http://www.sfu.ca/baff-offa/media/uploads/ActionPlanForOfficialLanguages2003.pdf>

8 Plan2013 – Strategies for a National Approach in Second Language Education ISBN 0-662-39314-7 Cat. No. CH14-8/2005E-HTML PREFACE/ at <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CH14-8-2005E.pdf>

СЕКЦИЯ 8

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Красильникова О.В.

кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
zadumina@ya.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы психологической аккультурации (адаптации) мигрантов постоянно находятся в центре внимания отечественных и зарубежных учёных [1; 2; 3]. В качестве методологической базы исследователи зачастую используют известную модель аккультурации, разработанную Дж. Берри [4]. Согласно этой теории, существуют четыре формы *культурной адаптации*, в зависимости от того в какой степени сохраняется поддержание культурной идентичности и причастности к новой культуре: *ассимиляция, интеграция, сепарация/сегрегация, маргинализация* [5]. Благодаря простоте в обращении и достаточной объясняющей способности эта концепция получила масштабное распространение и легла в основу многих работ по проблемам адаптации и аккультурации.

Однако, несмотря на свою популярность, модель Дж. Берри подвергается постоянной критике. Почти сразу после её выхода в США были опубликованы работы оппонентов [6; 7; 8; 9; 10; 11]. В частности, Х. Триандис [10] указывал, что «модель предложенная автором непроверяемая», а Д. Дел Пилар, Д. Удаско [12] поставили под сомнение наличие стратегии маргинализации. При этом критики обращали внимание на сложность в определении основных показателей и критериев аккультурации [13]. Кроме того С. Шварц, Дж. Унгер и др. [14] считали, что необходимо выделить ещё и стратегию «бикультурализма», а некоторые авторы высказывали мнение, что число стратегий должно быть увеличено до шести, и включать «отрицание, оборону, минимизацию, приём, адаптацию и интеграцию» [15].

Несмотря на обозначенные трудности Д. Бирман, Е. Трикет и А. Винокуров [16] продолжали развивать теорию Дж. Берри и обогатили её языковыми,

идентификационными, а также поведенческими аспектами. Появившиеся позднее новые объяснительные теории с применением сложных видов анализа и большого числа подтипов стратегий [17], так и не смогли обесценить теорию Дж. Берри и лишить её научной значимости.

В данной статье мы хотели бы подробно остановиться на критике методов исследования психологической аккультурации, представленной в работе нашего бывшего соотечественника, профессора Саскачеванского университета (Канада) В. Чиркова [18]. Актуальность обращения к указанной теме обусловлена необходимостью получения достоверных знаний о возможностях аккультурации мигрантов, а значит, в разработке действенных, эффективных методов исследования психологической адаптации. Кроме того, возрастание интереса к данной статье связано с тем, что анализируемая работа не имела широкого резонанса среди российских учёных и оставалась малоизвестной, несмотря на то, что её активно обсуждали в западноевропейском научном сообществе. Статья вышла на английском языке в международном специализированном психологическом журнале и не была опубликована в русскоязычном варианте.

Исследование В. Чиркова представляет анализ 42 статей, посвященных *психологической аккультурации*, в результате которого, автор пришел к выводу, что все учёные занимались *объяснением*, в то время как необходимо *понимание* этого сложного феномена. В первую очередь, В. Чирков отмечает, что «сложный характер процесса аккультурации требует весьма разнообразных мышлений о предмете, применения различных эпистемологических и методологических подходов, меж-и мультидисциплинарности, интеллектуальной гибкости и готовности критически анализировать достигнутые результаты и полученные знания» [18].

Социальные явления должны рассматриваться как природные феномены, существующие независимо от нашего восприятия, истина о них, буквально, встроена в их сущность и они ждут, когда их откроют. В соответствии с определением «научного объяснения» исследователям необходимо открывать законы, на основе которых существуют явления и категоризировать понятия в формах законов, которым этот феномен подчиняется. Например, яблоки падают на землю, потому что действует закон гравитации; люди не оказывают другим людям помощь в людных местах из-за действия «закона диффузии ответственности», иммигранты имеют проблемы с адаптацией, потому что они выбрали неправильную аккультурационную стратегию. Ведущий кросс-культуральный исследователь Х. Триандис говорит, что «если методология не может делать

предсказания, то это не значит, что их невозможно сделать. Обобщения – это то, что отличает науку» [10].

Поведенческая адаптация похожа на природный процесс. Аккультурация случается независимо от того, как всё вокруг происходит. Интерпретирующие учёные, не ищут универсальных законов, они пытаются найти значения действий, чтобы понять их. Они говорят, что невозможно объяснить человеческие действия через универсальные законы, потому что люди намеренно обуславливают свои действия через значимый социальный контекст. Человеческие действия могут быть поняты только изнутри.

Интерсубъективное значение образуется людьми через установление нормативных правил и социальных практик. Субъективное значение – это то, что актер подразумевает под своим действием. Действие наследует свои значения от общих идей и правил социальной жизни, и эти действия выполняются актерами, которые что-то под этим подразумевают. Другими словами, люди сталкиваются с репертуаром интерсубъективных значений того, что правильно, просто и хорошо – это значит, что эти значения и составляют людскую культуру. Эти значения существуют потому, что члены культурного общества взаимодействуют через взаимодействия.

Люди также конструируют персональные субъективные значения своих действий в определённом контексте, которые управляют ими через социально сконструированный мир этих символов и значений. Таким образом, чтобы понять человеческие действия учёным нужно понять значение человеческих действий, посредством интерпретации опыта или ситуаций, т.е. осуществить индивидуально-феноменологический или интерпретационный анализ.

Все эти выводы основаны вокруг предположения, что социокультурная реальность (семья, деньги, женитьба и т.д.) социально сконструирована посредством реципрокного взаимодействия многих. Эта социальная конструкция означает в своём контексте, что она поддерживается членами культурного сообщества, без которого бы это сообщество не существовало.

Важным условием интерпретативного подхода является понимание, что интерпретация зависит от контекста места, времени и людей, вовлеченных в это действие. В соответствии с этим, каждое событие привязано к контексту и времени, а потому его интерпретация уникальна. Данный подход имеет большое значение для изучения аккультурации иммигрантов, которые прошли аккультурацию в своих домашних культурах и имеют знания о том, что хорошо и что плохо. Акцептируемые ценности помогают людям существовать в их окружении и позволяют им существовать в их жизни. Как только они принимают эту

систему новых ценностей, они создают для себя культурное значение реальности.

Людские действия подвержены нормативным ценностям, которые следуют из разделяемых ими норм, правил, ожиданий, возникающих в социально-культурном сообществе. Их чувства, эмоции, мотивации формируются под воздействием реальности. Когда иммигранты прибывают в другую страну, они сталкиваются с нетрадиционными ценностно-нормативными отношениями, и они должны понять их и сконструировать для себя обновлённую систему ценностей. Они должны участвовать в коллективном конструировании новой реальности. Таким образом, цель психологии аккультурации описать и понять изменение правил и конституции иммигрантской реальности, осознать изменения, проблемы и конфликты на которые иммигрантам приходится идти из-за различий в этих двух реальностях, выявить значение и динамику их действий по мере того, как они пытаются следовать через эти реальности.

Процесс аккультурации может быть описан с двух позиций: исследователи её *объясняют* через общие законы или *интерпретируют* через ценности культурно сконструированной реальности. Есть ли резкое различие между этими двумя методами – объяснительным и интерпретирующим? *Объяснительный метод*, т.е. квантификация (аккультурационная идентификация, аккультурационная ориентация, психологическая адаптация, социокультурная адаптация) осуществляется с помощью стандартизированных шкал и опросника по большому числу иммигрантов. Учёные ищут при этом закономерности, пытаются сделать обобщающие заключения, исследуя группу людей, и посредством этого, предсказать их будущее поведение.

Понимание требует разговора с людьми, анализа их историй, открытия их действий через этнографию, анализа их дневников, писем, архивов. Это имеет смысл, потому что исследователи анализируют социальные контексты и через реконструкцию их опыта понимают смысл действий. Ученые должны рассматривать социальные, культурные, исторические контексты с точки зрения людей, которые в них находятся и через реконструкцию их опыта понять этих людей и их поведение.

Анализ современных работ по психологии аккультурации показывает, что обычно исследование начинается с определения понятия аккультурации. Например, в 43% статей, проанализированных В. Чирковым, аккультурация определялась как «результат *контакта* двух или более культур». После этого контакта происходит *изменение* или *взаимопроникновение* со стороны тех, кто подвержен этому взаимодействию. Эти изменения случаются по происшествии

времени, аккультурация может происходить на *групповом* и *индивидуальном* уровнях.

В 14% (6 статей), аккультурация отождествлялась с адаптацией или трансформацией идентичности. В 10% (4 статьи), аккультурация – это взаимодействие аккультуративных стратегий и аттитудов мигрантов и местного населения. В 5% (2 статьи) аккультурация рассматривалась как процесс уравнивания поддержки домашней культуры по сравнению с культурой принимающей стороны.

Мы приведём некоторые примеры наиболее часто встречающихся дефиниций: «Аккультурация – это собрание знаний и интернационализация социальных аксиом». «Аккультурация – это восприятие культурных ценностей принимающего общества». «Аккультурация – это культурное переключение, которое сопровождается бикультурной идентичностью». Определение, сконструированное в 1936г.: «Аккультурация – это феномен, который является результатом, когда группы, имеющие различные культуры, вступают в непрерывный контакт с последующим изменением первоначальных культурных паттернов в одной, в другой или в обеих группах». Оно появилось для того, чтобы обрисовать взаимоотношения европейцев с аборигенами Северной Америки, оно отражает групповой уровень и не обеспечивает взгляда на психологические механизмы аккультурации индивидуального уровня.

Таким образом, В. Чирков отмечает, что мы не знаем природу аккультурации, не знакомы с механизмами и направлениями будущих исследований. *Аккультурация, как одна из форм адаптации* стала доминантной парадигмой, *игнорируя* сложную структуру аккультурационного процесса.

Понимание культуры. Этимология слова «аккультурация» подразумевает нотации «культуры» в дискурсе аккультурации. Культура, как правило, идентифицируется с национальностью, идентичностью или с ними обеими. Культура была представлена через язык, этничность, национальность. Однако только в одной анализируемой статье культура презентовалась как анализ ценностей, а в двух статьях вообще не было дано определения культуры

Исследователь подчёркивает, что если мы принимаем постулаты современной антропологии, то культура не отождествляется с национальностью и этничностью, а поэтому в ответ на вопрос: «Где культура в аккультурационных исследованиях?» Можно сказать: «Её нет».

Доминантная методология. В соответствии с эмпирической традицией исследователи описывают феномены или подтверждают феномены. Верификация существующих теорий обозначает доказательность науки. Две статьи (5%)

были теоретические, 95% – эмпирические, в 82% применялся корреляционный дизайн, 11% – экспериментальные, 6% посвящены психологическим измерениям, в одной статье авторы использовали качественные методы; 6% – подтверждающие статьи, 91% – собирание данных через обзоры или структурированные интервью.

Теоретическая концептуализация. Наиболее популярными теориями является теория Дж. Берри – 55% статей, в 15% – Дж. Берри плюс самомониторинговые теории, 17% – интерактивная аккультурация, которая является логическим развитием двухмерной модели аккультурации, 12% статей – без всякой теоретической основы, 1 статья основана на анализе домашней и принимающей культур.

Кросс-секциональное versus интердисциплинарное исследование.

Заключительное наблюдение: 94% статей имеют кросс-секциональный дизайн, который не имеет отношения к аккультурации как к процессу, происходящему во времени.

После знакомства с литературой по психологии аккультурации В. Чирков делает предположение, что аккультурация – это адаптация к чему-то новому.

Исследователи убирают все национальные, культурные и этические аспекты групп мигрантов, чтобы предсказать общие перспективы. Автор интересуется, а, действительно, существуют ли законы аккультурации?

Он полагает, что исследователи должны смотреть на регулярности в аккультурационных процессах. Подчеркивает, что нужно описывать процессы в контекстах и окружениях, а потом находить общее. Обобщения должны быть тщательно выверены.

Большинство работ, проанализированных учёным, подтверждающие по своей природе, и построены вокруг гипотез других исследователей. Немногие исследования являются описательными и открывающими. Психология аккультурации является ещё недостаточно зрелой, потому её модели и теории выглядят порой надуманными. Игнорируя описательную фазу работы, исследователи считают, что создают настоящую науку.

В. Чирков напоминает, что феномен нужно описывать с точки зрения этнографии, открыто говоря с эмигрантами. Такие явления культуры как роль семьи, ответственности, работа, рабочая этика не исследованы. Мало данных используется из других дисциплин. Работы методологически очень узко заточены, используются лишь корреляция, регрессионный анализ, при отсутствии этнографии. Учёные пытаются понять процесс, который растянут во времени, применяя одновременный дизайн. Аккультурационные исследования имеют

только минимальные полезности. Больше всего его удивляет, что специалисты мало думают о процессе аккультурации: какова его природа, какой тип знаний мы можем открыть, какую методологию мы можем применять?

Критический анализ не обозначает, что эмпирическая парадигма должна быть исключена. Главный пункт – исследования обязаны служить цели, они должны быть ментально открытыми для учёных из других областей.

Примером того, как надо исследовать, по мнению В. Чиркова, является труд В. Томаса и Ф. Знанецкого «Польские мигранты в США» [19]. Сравнивая домашнюю культуру с новой, авторы этой работы провели качественное исследование, используя жизнеприближающий метод.

Польские крестьяне до иммиграции жили в закрытых сообществах, в которых семьи были единицами социального мира. Они определяли поведение и мораль. Переехав в США, мигранты попали в мир индивидуалистов, где поведение регулируется законами, а не групповыми санкциями, и вместо коллективизма – независимость. Хотя авторы не говорили об аккультурации – это было и так понятно. Самостоятельная жизнь, дезорганизация после переезда, новый опыт, притом не только позитивный. В Польше всё определяли патриархальные нормы, а в США их надо было ещё устанавливать. Произошёл конфликт интересов жен и мужей, т.к. жёны чувствовали, что в США больше прав, а для мужей это было непривычно и плохо. Жёны стали нарушать устои семьи. Это помогло развить новые образцы семейной жизни.

В. Чирков настаивает на том, что нужно проводить культурологический анализ в различных областях – семейная жизнь, взаимодействие с властями, в т.ч. в прежней стране, изучать опыт во время перехода из одной культуры в другую, пытаться понять действия, которые осуществлялись в тех иных ситуациях. Необходим анализ групп через языковые методы, изучение взаимодействия между мигрантами и другими лицами. Наблюдение изнутри лучше всего, это позволяет изучить иммигрантский опыт и понять ценности, которые функционируют в новом обществе.

Критически характеризуя современные исследования, канадский учёный подчёркивает, что «доминантная модель не соответствует качеству феномена процесса аккультурации, а позитивистский подход является далёким от объёма исследований» [18]. Кроме того, главной претензией автора является замечание о том, что в аккультурационных исследованиях нет культуры, т.е. не представлены сами модели культуры и нет объяснения, какую роль играет культура, и что, к сожалению, все эти возможности и атрибуты еще мало используются в дискурсе психологии аккультурации.

Таким образом, анализ методологических проблем исследований психологической адаптации мигрантов показывает, что в социальных науках не сложилось общепринятого и надежного инструментария для изучения аккультурационных процессов. Учёные нуждаются в разработке более эффективных методик, которые бы объясняли общие законы и удовлетворяли специалистов по критериям качества. Научное сообщество ждёт открытия механизмов адаптации, нахождения общих алгоритмов и процедур, а также верифицированных индикаторов этого многогранного процесса. Обозначенные проблемные места являются точками роста для будущих исследователей.

Литература

1. Попков В.Д. Особенности адаптации русских эмигрантов в Берлине (90-е годы) // Журнал социологии и социальной антропологии 2000. – №3. – С. 158-166.
2. Levitt, P. (2004). Transnational Migrants: When «Home» Means More Than One Country // Migration Information Source. Migration Policy Institute, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=261>, свободный. – Проверено 17.03.2014.
3. Mecheril, P. (2011). Wirklichkeit schaffen: Integration als Dispositiv - Essay // Bundeszentrale für politische Bildung 18.10.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpb.de/apuz/59747/wirklichkeit-schaffen-integration-als-dispositiv-essay?p=all>, свободный. – Проверено 11.12.2013.
4. Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. // Applied Psychology: An International Review, 46 (1), 5-68.
5. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы (Перевод с англ. Ивана Шолохова) // Развитие личности – 2001. – №3-4 – С.183-193.
6. Kagitçibasi C. (1997). Whither multiculturalism. Applied Psychology: An International Review, 46, 44-49.
7. Lazarus R.S. (1997). Acculturation isn't everything. Applied Psychology: An International Review, 46, 39-43.
8. Peck, S. (1997). Berry in Legoland. Applied Psychology: An International Review, 46, 49-52.
9. Schönplflug, U. (1997). Acculturation: Adaptation or development? Applied Psychology: An International Review, 46, 52-55.
10. Triandis, H.C. (1997). Where is culture in the acculturation model? Applied Psychology: An International Review, 46, 55-58.

11. Ward, C. (1997). Cultural learning, acculturative stress, and psychopathology: Three perspectives on acculturation. *Applied Psychology: An International Review*, 46, 58-62.
12. Del Pilar, J. A., Udasco J. O. (2004). Deculturation: Its Lack of Validity // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, Vol 10(2), May, 169-176.
13. Rudmin, F. W. (2003). Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization. *Review of General Psychology*, 7, 3-37.
14. Schwartz, S.J., Unger, J.B., Zamboanga, B.L., Szapocznik, J. (2010). Rethinking the concept of acculturation: Implications for theory and research // *American Psychologist*, Vol 65(4), May-Jun, 237-251.
15. Stroppa, C. (2011). Interkulturelle Anpassungsprozesse: Die Rolle von interpersonellen Netzwerken, sozialer Unterstützung und kultureller Distanz im Rahmen von Auslandsentsendungen. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://edoc.ub.uni-muenchen.de/13009/1/Stroppa_Christina.pdf, свободный. – Проверено 12.06.2014
16. Birman, D., Trickett, E. J., & Vinokurov, A. (2002). Acculturation and adaptation of Soviet Jewish refugee adolescents: Predictors of adjustment across life domains // *American Journal of Community Psychology*, 30, 5, 585-607.
17. Trickett, E., Persky, I., Espino, S.R. (2009). Acculturation Research: Proxies as Sources of Concept Obfuscation / In A. Gari & K. Mylonas (Eds.), *Quod Erat Demonstrandum: From Herodotus' ethnographic journeys to cross-cultural research*. Athens, Greece: International Association for Cross-Cultural Psychology. 267-277. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iaccp.org/drupal/sites/default/files/spetses_pdf/28_Trickett.pdf, свободный. – Проверено 27.03.2014
18. Chirkov, V. (2009). Critical psychology of acculturation: What do we study and how we study it, when we investigate acculturation? // *International Journal of Intercultural Relations* Volume 33, Issue 2, March, 87–93.
19. Thomas, W.L. & Znaniecki, F. (1918/1996). *The Polish peasant in Europe and America: A classic work in immigration history*. Urbana: University of Illinois Press.

Ханова А.Ф.

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
ahan.85@mail.ru

ДИАГНОСТИКА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: ПСИХО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сложившаяся в настоящее время в мировом сообществе особая этноконтактная ситуация, ставит перед общественными науками особые цели и задачи, важнейшими из которых являются укрепление полиэтничности и поликультурности в демографической структуре общества. Межэтнические отношения, проявляющиеся также в крайних формах напряженности и конфликта, и входящие в ракурс научного интереса культурантропологии, политологии, социологии, экономики, истории, психологии, этнопсихолингвистики и т.д., требуют глубокого и комплексного междисциплинарного исследования и гибкого реагирования на вызовы, носящие глобальный характер.

Многие специалисты говорят о кризисе национальной идентичности в российском обществе, который произошел в процессе качественного пересмотра межэтнических отношений в связи с новыми социальными установками, что привело, в свою очередь, к выражающейся в разной степени межэтнической напряженности.

Исследования уровня межэтнической напряженности в регионах России, проводившиеся сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федерального информационного агентства «Клуба регионов» в период с сентября 2013г. по март 2014г., выявили рост ксенофобии и связанных с нею экстремистских идеологий, пришедшие на смену сепаратизму. По мнению экспертов, в случае низкой эффективности национальной политики, следует ожидать расширения географии конфликтов и роста межэтнической напряженности. Как отмечают специалисты, наиболее угрожающая межэтническая ситуация по совокупности причин сложилась в Москве, Московской области, Петербурге, в Ставропольском крае, на Северном Кавказе (Дагестан) и в Поволжье (Республика Татарстан). Если напряжённость в регионах Южного федерального округа (Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский край и др.) обусловлена близостью Северного Кавказа, то Поволжье эксперты характеризуют как «самостоятельный очаг напряжённости». В данных регионах за-

фиксировано значительное количество конфликтов на почве межнациональной розни, в том числе массовых, и с применением насилия. Согласно общему прогнозу исследователей имеет место неблагоприятная тенденция, с возможностью дальнейшей эскалации конфликтов.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что республика Татарстан, одна из 6 национальных республик Приволжского федерального округа, вошла в верхний позиции рейтинга, где соседствующие с ней республики (республика Башкортостан, республика Мордовия, Чувашская республика, республика Марий-Эл, Удмуртская республика) признаны регионами средней и низкой степени проявления межэтнического напряжения. Республика Мордовия и Чувашская республика позиционируются как регионы с успешной национальной политикой.

По мнению экспертов, возможная причина состоит в том, что в подавляющем большинстве спокойных регионов конфликты не происходят в силу естественных причин (мигранты не проявляют интереса из-за отсутствия возможностей заработка, когда регион удалён и/или небогат) либо отсутствия событий, способных послужить детонаторами. Республика Татарстан является одним из наиболее экономически развитых регионов РФ. Столица республики, Казань, – третий по количеству мигрантов город в Приволжском федеральном округе, однако, по мнению специалистов, внешняя миграция не входит в число наиболее значимых факторов межнациональной напряженности ни в городе, ни в республике. Среди конфликтных ситуаций в регионе можно выделить две большие группы:

1) онлайн-преступления, связанные с распространением в социальных сетях материалов, разжигающих межнациональную рознь;

2) конфликтные действия, вызванные противоречиями между титульным этносом (татарами) и остальным населением республики, особенно в языковом вопросе.

В числе онлайн-экстремистов есть не только молодежь, но и взрослые люди (39-62 года), что свидетельствует об остроте общественных дискуссий. Конфликтные ситуации второй группы заключаются также в диспропорции титульного этноса и представителей других национальностей в сферах государственного управления и бизнеса. Данный факт беспокоит русское население, главным образом представителей деловых и политических элит. То есть, имеет место этнический конфликт, детерминированный внутри элитной конкуренции, но носящий, как правило, мирный характер, и, связанный с попытками конструктивного общественного диалога.

Динамику проявлений межнациональной напряженности эксперты характеризуют как стабильно высокую. Активную деятельность осуществляют татарские националистические организации («Иттифак», «Азатлык»), при этом часто их позиция и требования совпадают с позицией запрещенной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», проповедующей в том числе идею создания всемирного Халифата. На территории региона межнациональная напряженность тесно связана с напряженностью межконфессиональной, что зачастую становится причиной совместных выступлений и акций националистов и религиозных деятелей. Во время украинского «майдана» татарские националисты поддерживали протестующих, а также выступали за расширение автономии крымских татар с перспективой создания единого татарского национального государства, включающего и Татарстан. Русские национальные объединения предпринимают меры по защите интересов нетитульных народов в рамках национальной политики республиканских властей, а также противостоят попыткам пересмотра истории (например, интерпретации взаимоотношений Русского государства и Казанского ханства в XVI в.) [12]. Критично настроенные по отношению к региональным элитам эксперты утверждают, что националистическая тема является в числе прочего инструментом политического шантажа федеральной власти, позволяющим получить дополнительные экономические преференции. Однако данный процесс, по мнению специалистов, вступив в реакцию с радикальным исламом, может выйти из-под контроля и привести к росту сепаратистских настроений.

Данный анализ, проведенный экспертами (социологами, аналитиками, политологами, историками, журналистами) на основе мониторинга более 50 интернет-ресурсов, выявил причины и структурные особенности межэтнической напряженности. Известно, что основной причиной возникновения межэтнической напряженности являются изменения в структуре и содержании этнической идентичности. Следует особо подчеркнуть междисциплинарный характер центрального объекта исследования – этнической идентичности, который требует знания психологических теорий и концепций, опоры на эмпирические данные психологии, социологии, истории, политологии, демографии, отражающие этнокультурную действительность. При исследовании этнической идентичности, этнических стереотипов, этносоциальных представлений ученые сталкиваются с трудностями, связанные со спецификой предмета – этническим сознанием. Вследствие чего, в отечественной науке активно разрабатывается также этнопсихолингвистический подход.

Психолингвистика (этнопсихолингвистика), занимающаяся проблемой репрезентации системности языкового сознания носителей различных культур, выдвигает в качестве основного метода ассоциативный эксперимент. Суть данного метода состоит в том, что этносоциальные представления, составляющие содержание этнической идентичности, фиксируются в констатных ментальных образованиях – конвенциональных стереотипах, специфически репрезентированные в языке. Таким образом, структура и содержание этнической идентичности могут быть смоделированы на основе анализа ассоциативных связей в вербально-ассоциативной сети индивида. Ассоциативный эксперимент позволяет наиболее непосредственно выявить фрагменты этнической картины мира, в том числе, неосознаваемые элементы этнического бессознательного. Вследствие чего, по справедливому утверждению В.А. Пищальниковой, ассоциативный эксперимент как метод диагностики межэтнической напряженности может быть эффективно использован и для выявления и диагностики межэтнической напряженности между представителями непосредственно взаимодействующих этносов, проживающих на одной территории внутри общего социального контекста [7: 160-162]. Изучение характера трансформации этнической идентичности, которая ведет к возникновению межэтнической напряженности в условиях «нереального» противостояния этнических общностей вследствие социальной напряженности, с помощью психолингвистических методов позволяет выявлять не только степень межэтнической напряженности, но и некоторые особенности менталитета той или иной этнической общности. Особенно это касается исследования структуры и содержания этнических стереотипов и ценностных установок, в которых может быть репрезентирована межэтническая напряженность.

Моделирование этносоциального стереотипа базируется на концепции языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым. Предложенная им последовательность анализа ассоциативного поля может рассматриваться как исходная лингвистическая база для психолингвистического исследования. В ряде современных исследований этнопсихолингвистической направленности для анализа результатов, полученных в ходе проведения ассоциативных экспериментов, используется метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова [4].

Исследования структуры и содержания этносоциальных представлений с помощью ассоциативного эксперимента с учетом психологической основы этничности – противопоставления «Мы - Они» – позволяет выявить содержание основополагающего эмоционально-оценочного компонента этнической идентичности. Этнические чувства, обнаруживаемые в ассоциативных значениях,

позволяют моделировать структуру и содержание этнической идентичности, выявить тенденции ее трансформации. Раскол этнической идентичности наиболее ярко выражается в изменениях в структуре и содержании таких межэтнических установок, как этнические стереотипы. Е.Ф. Тарасов определяет стереотип как «фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием» [11: 50]. Как подчеркивает О.В. Белова, стереотипы выполняют этнодифференцирующую функцию, функцию защиты (способствуют сохранению традиционной системы ценностей), функцию социально-этнической интеграции, а также познавательную, манипулятивную и коммуникативную [2].

В условиях межкультурного диалога этнические стереотипы играют особую роль: адекватные представления о наиболее значимых чертах и характеристиках своего народа (автостереотипах), а также о своих этнических «соседях» (гетеростереотипах) являются обязательным условием выбора оптимальной тактики межкультурного общения и установления благоприятных межэтнических отношений. Часто для верного понимания явлений «чужой» культуры необходим выход за границы, установленные стереотипами в «своей» культуре. Поэтому выявление содержания авто- и гетеростереотипов и особенностей их функционирования в языковом сознании представителей разных этносов является объективной необходимостью.[5: 203]

Ассоциативный словарь является уникальным инструментом лингвокогнитивного, лингвокультурологического, социо- и психолингвистического исследования, будучи одним «из возможных способов описания “коллективного обыденного” сознания реальных носителей языка» [цит. по 6:135]. Русский ассоциативный словарь (РАС) репрезентирует усредненное языковое сознание россиянина, чьим родным языком является русский. По данным РАС, получено следующее ассоциативное поле «татарин» (102 реакции на слово-стимул): *национальность* (9), *барин* (7), *русский* (7), *человек* (5), *монгол* (4), *чурка* (3), *башкир* (2), *враг* (2), *гость* (2), *игро* (2) и единичные реакции: *басмач*, *брат*, *восток*, *Гагарин*, *грузин*, *дворник*, *жадный* и т.д. [9]

Наиболее частотными реакциями (R) на слово-стимул «русский» (всего 112 реакций) являются: *язык* (29), *человек* (16), *мужик* (6), *еврей* (4), *Иван* (3), *Ваня* (2), *дурак* (2), *дух* (2), *характер* (2), *эмигрант* (2), далее единичные реакции: *бизнес*, *большой*, *Ванька*, *вера*, *ветер*, *друг*, *квас*, *композитор*, *конь*, *красивый*, *красная рубашка*, *лень*, *лес*, *мало*, *мешочник*, *Москва* и т.д. [9]

Структуру ассоциативного значения слова-стимула «татарин» по данным РАС составляют понятия – 22 (22%), представления – 20 (20%), эмоции и оценка – 14 (14%) и отказ – 2 (2%). Структура ассоциативного значения слова-

стимула «русский» по данным РАС репрезентируется в следующих аспектах: понятия – 28 (25%), представления – 16 (14%), эмоции и оценка – 5 (4,5%) и отказ – 4 (4%)

Содержание автостереотипа актуализируется в следующих компонентах: «свой-чужие» – 16 (14%), внешний облик – 2 (2%), образ жизни – 11 (10%), этническая культура – 1 (1%), эмоции и оценка – 9 (8%). Содержание гетеростереотипа репрезентировано в компонентах: «свой-чужие» – 22 (22%), внешний облик – 10 (10%), образ жизни – 7 (7%), этническая культура – 10 (10%), эмоции и оценка – 16 (16%).

Таким образом, компонент «свой-чужие» преобладает в большей степени в гетеростереотипе, чем в автостереотипе, представляющий татар в качестве иноземцев (R – *враг, гость, сосед, человек заграничный*). Примечательно, что вторая по частотности реакция «русский» на слово-стимул «татарин» характеризует крепкие исторические связи, включенность данного этноса в контекст русского сознания.

Представление о внешнем облике практически отсутствует в автостереотипе (R – *красивый*), но значительно преобладает в гетеростереотипе (R – *маленький, невымытый, с черными глазами, узкоглазый, черный*). Представления об этнической культуре в гетеростереотипе (R – *восток, Золотая Орда, коран, монголо-татарское иго, Хан Батый* и т.д.) значительно превышают аналогичные в автостереотипе (R – *мешочник*).

Эмоционально-оценочный компонент автостереотипа характеризуется реакциями с положительной коннотацией (R – *большой, красивый, розовое, сильный, умный, уважение* и т.д.). Две реакции с отрицательной коннотацией (R – *шовинизм, дурак*), где реакция *дурак* наряду с частотными реакциями *Иван, Ваня, Ванька* не эксплицирует ярко выраженный негативный оттенок. Эмоции и оценка в структуре гетеростереотипа отличается преобладанием реакций с явной отрицательной коннотацией (R – *монгол, чурка, басмач, жадный, злобный, косой, мертвый, наглец, наглый, плохой, проклятый, сволочь* и т.д.)

Вследствие чего, актуализация образа татарина в русском языковом сознании подчинена общему стереотипу об этносе татар как завоевателей (монгол, Золотая Орда, татаро-монгольское нашествие и т.д.), носит, безусловно, отрицательный характер, т.е. имеет место агрессия в содержании гетеростереотипа. В частности, отмечена актуализация архетипических образов в автостереотипе, что свидетельствует о положительной этнической идентичности с элементами гиперидентичности (согласно классификации, предложенной Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой.) [цит. по 1: 13].

Представляется перспективным исследование этнических стереотипов в языковом сознании русских и татар, проживающих на территории республики Татарстан. Например, исследование русского языкового сознания в региональном аспекте, именуемое также как диаспорное, представляется значимым в сопоставительном аспекте с РАС. По мнению В.Д. Попкова, диаспорная идентичность представляет собой конструкт разнообразных идентичностей, в основе которых лежит представление о едином культурном базисе, на который накладываются идентичности регионов, принимающих общины диаспоры [8: 85]. Анализ ассоциативных реакций русских и татар выявит основные компоненты авто- и гетеростереотипов, свойственные для языкового сознания данных этносов, проживающих на территории республики, и наряду с др. методами социологических и психологических исследований репрезентирует специфические структурные и содержательные компоненты межэтнических отношений. Использование регионального материала открывает перспективы моделирования значения как достояния определенных категорий индивидов, а также решения частных психолингвистических задач, например выявления содержания овнешняемой части сознания современного человека в условиях меняющейся социокультурной ситуации, учета перцептивно-когнитивно-аффективной деятельности говорящих одного региона, установления тенденций изменения семантики, качества эмотивно-чувственного значения и пр. [3:160]

В качестве заключения отметим, что феномен межэтнической напряженности представляющий собой реальную угрозу современному мировому сообществу в условиях глобализации, мультикультурализма и полиэтничности, требует комплексного междисциплинарного подхода. Психолингвистический подход выявляет также значимые стратегии диагностики межэтнической напряженности (в частности, в республике Татарстан) и составляет цель нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Тверь: 2006. - 19 с.
2. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (Этнолингвистическое исследование): Дисс. ... д-ра филол. н. – М., 2006. – 264 с.
3. Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка / Вопросы Психолингвистики. 2(18). – М.: Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН 2013. – С. 158-174.

4. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – 191-206с.
5. Никаева Т.М. Функционирование авто – гетеростереотипов в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов. Вопросы Психолингвистики. 2(18). – М.: Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН 2013. – 202-208с.
6. Морель Д.А. Комплексное использование данных ассоциативного эксперимента в исследовании фрагмента языковой картины мира. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-144
7. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Часть 2. Этнопсихолингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. 200 с.
8. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М., 2003. 278 с
9. Русский ассоциативный словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>, свободный. – Проверено 09.06.2014.
10. Стрельцова В.В., Маслова Л.Н. Лингвистические методы исследования межэтнической напряженности. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 24. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. – с. 73-85
11. Тарасов Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян. – М.: Фирма «Имидж-контакт», 1997. – С.253–277.
12. ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России » – Приложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html>, свободный. – Проверено 09.06.2014.

Гибадуллин Р.М.

кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
nafisagi@gmail.com

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Неотъемлемой частью этно-исторической самоидентификации является понятие национальной территории. Как привило, оно охватывает все места расселения этноса, где его представители считают себя коренным населением и на этом основании формируют местную историко-краеведческую традицию как часть своей общенациональной истории. Однако проживающие в одном регионе разные этнические группы, выстраивая собственное видение его истории, своей роли и значения в нём, нередко оказываются в состоянии идеологического противоборства. Это происходит во многих странах, прежде всего, в некогда колонизированных регионах, где представители титульного этноса страны во имя её единства вынуждены оспаривать у местных автохтонов право на то, чтобы считать такие регионы частью своей «национальной территории». По этой же причине государство обычно не поощряет развития и чрезмерного распространения в регионах историко-краеведческих идей автохтонных этносов, небезосновательно видя в этом потенциальный источник сепаратизма. То, как реализуется такая «антисепаратистская» стратегия, в целом отвечающая интересам любого централизованного государства, описана М. Ферро на примерах разных стран. Она сводится к тому, чтобы все вошедшие в состав государства территории рассматривать как историческую арену исключительно или преимущественно титульного, государствообразующего этноса страны. По мнению М. Ферро, такой подход, в конечном счёте, базируется на популярных в прошлом европоцентристских и цивилизаторских представлениях об «иерархии народов по уровню их развития» [3, с.28], согласно которой одни «народы» входят в Историю лишь тогда, когда их «открывают» другие [3, с.12].

Подобная ситуация, типичная для многих стран мира, наблюдается и в тех российских регионах, где русское историческое краеведение взаимодействует с культурно-историческими традициями местных этнических сообществ. Несомненно, изучение свойственных этому взаимодействию особенностей и противоречий является актуальной проблемой на пути достижения межэтниче-

ского единства Российской Федерации. Фактором, усиливавшим столкновение националистических подходов к истории российских регионов, стал обозначившийся в 1990-х гг. разрыв между этнополитическими стратегиями, официально провозглашавшимися на федеральном и республиканском уровнях. Так, республики продолжали основываться на изначальных принципах российского федерализма в духе советского «национально-государственного строительства». В соответствии с этим, например, в Татарстане в 1988-1992 гг. реализовывалась идея «национально-государственного возрождения» республики. Напротив, федеральная стратегия достаточно радикально разрывала с такими идеями. В частности, «Концепция национальной политики РФ» (1996 г.) отстаивала особый, надфедеративный статус русского этноса как государствообразующего на всей территории Российской Федерации и поэтому исключала в перспективе сохранение в её структуре национально-территориальных образований других этносов [2, с.272, 293]. Мысль о возможности их ликвидации стала даже культивироваться в официальных кругах российской этнологии. Так, в докладе президента ассоциации этнографов и антропологов России В.В. Тишкова, прозвучавшем на пленарном заседании X конгресса этнологов и антропологов России (2013 г.), были поставлены вопросы о том, «насколько сохраняющаяся советская система... республиканско-регионального административного деления была и остаётся оправданной», и «в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ»? Признание же того, что реальную значимость этого фактора для каждого региона, «видимо, должны определять сами жители» [4, с.1, 11], по сути, открывало путь для инициирования русским населением национально-территориальных образований вопроса о пересмотре их этнического статуса.

В этом этнополитическом контексте стоит рассматривать, например, ситуацию в Волго-Камье, где местная история всегда была и остаётся объектом русско-татарского спора, в котором каждая из сторон стремится интерпретировать её через призму собственной идентичности. Так, татары позиционируют себя не только в качестве автохтонов Волго-Камья, но и как преемников располагавшихся здесь в IX-XVI вв. государств, достигших значительного для своего времени уровня развития. Причем, несмотря на то, что эти государства были разрушены завоеванием (сер. XVI в.), их цивилизационный потенциал считается непреходящим и сохраняющимся в современных формах. Такой взгляд позволяет татарам претендовать на особую роль в историческом прошлом Волго-Камья – как первых проводников цивилизации в крае и стойких приверженцев её духовному наследию в условиях трагических испытаний. Русские же проти-

вопоставляют этому собственное видение истории – через призму представлений о своей прогрессивной миссии по освоению завоёванного края и обеспечению его поступательного развития в XVII–XX вв. до уровня современного состояния. Это даёт возможность укоренять в русском этно-патриотическом сознании образ Волго-Камья как земли, преобразованной созиданием русской нации и поэтому ставшей её историческим достоянием.

При этом и для той, и для другой стороны важное значение приобретает обоснование определяющей роли своего этноса в создании местных городов как живых подтверждений его цивилизационной миссии в регионе. В результате, это нередко выливается в стремление русских и татар, проживающих в одном городе, конструировать его исторический образ с позиций собственных этнических традиций. Прежде такие образы формировались на внеэтнической основе, неизменно включавшей в себя «героические страницы» советской эпохи: революцию, гражданскую войну, первые пятилетки и Великую Отечественную войну. Образы «городов-героев» и «комсомольских, всесоюзныхстроек», памятники Ленину и «места революционной славы» – всё это призвано было укреплять в сознании горожан чувство причастности к победам и свершениям, составлявшим моральный стержень советской исторической идентичности. В постсоветский же период в конструировании истории городов главную роль стали играть этно-патриотические идеалы, позволявшие горожанам как сообществу осознавать себя органичной частью собственной нации.

Именно этим объясняется повышенный интерес некоторых российских ученых к проблеме этнокультурной идентификации городов, расположенных в «национальных регионах» России. В проводившемся в 2012 г. в Казанском (Приволжском) Федеральном университете социологическом исследовании «Межкультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье, XIX – начало XXI вв.)» (А.А. Сальникова) серьёзное внимание уделялось таким проблемам, как смена в массовом сознании «советской» идентичности на «национальную» и связанное с этим символическое размежевание городов на «русские» и «нерусские». В частности, последнее было обозначено вопросом: «Как вы считаете, в целом Казань выглядела как (а) мультиэтничный, (б) преимущественно «русский», (в) преимущественно «татарский» город и почему?». Сама постановка такого вопроса показывает, насколько важным считается принцип националистического противопоставления «наше, а не ваше» при изучении проблем «межкультурности в городском пространстве».

Однако насколько актуальным для российской этнологии в целом является изучение влияния факторов этничности на формирование культурно-исторического образа современного города? Об этом позволяют судить материалы X конгресса этнологов и антропологов России (Москва, 2-5 июля 2013 г.), посвящённого специально урбанистической проблематике в этнологии. Прежде всего обращают на себя внимание работы, в которых объектом изучения стали: «история города как фактор локальной идентичности» (В.В. Чубарова) [4, с.30], «социокультурное пространство городов» и его «восприятие представителями разных... этнокультурных групп» (В.Н. Стрелецкий) [4, с.274], а также то, как в зоне «российско-украинского пограничья» «конструируется “историческое пространство города”», и «почему жители воспринимают и осмысливают его по-разному» (Н.И. Антонова) [4, с.24]. О разнообразии форм и средств такого «конструирования» и «восприятия» позволяют судить работы, в которых анализировались понятия «образ города» и «туристическая легенда города». Эти понятия, по мнению авторов, могут присутствовать в сознании горожан и как литературные тексты о «своеобразии ландшафта, истории, развития культуры, науки и искусства», и «устоявшиеся метафоры» (типа «город-крепость», «город на реке» и т.д.) (Ю.Р. Горелова) [4, с.221], и местный фольклор («преданья, былины, легенды, сказки, поверья, байки,... исторические анекдоты»), и даже «нефольклорные составляющие» («рассказы, пересуды, слухи, распространённые ошибочные или недостоверные общественные мнения») (А.В. Троценко) [4, с.226].

Следует отметить, что в некоторых работах позиция самих авторов явно выражала тот или иной этноисторический дискурс. В частности, это работы о городах, расположенных в зоне русско-тюркского взаимодействия – в некогда пограничном для российской империи ареале, где её культурное проникновение накладывалось на влияние исламской цивилизации. С одной стороны, мы видим привычный для нас подход российского историка (А.В. Любичанковский), который на примере г. Оренбурга рассматривает «город как основной маркер цивилизационного процесса», осуществлявшегося Россией в ходе освоения нового для неё ареала [4, с.273]. С другой стороны, казахстанский историк (А.Х. Бикенов) явно стремится подчеркнуть роль эндогенных, местных факторов в формировании городской цивилизации в регионе, предлагая «учитывать факты наличия городов до русской колонизации, возведения русских городов часто на месте казахских поселений» [4, с.113]. Схожее стремление заявить о собственной этнорегиональной модели развития городской культуры, отличной от русской, лежит и в основе исследования татарстан-

ским историком (Д.М. Исхаков) «урбанистической культуры татар», которая, по его мнению, хотя и вобрала в себя различные «образцы, привнесённые под влиянием внешних культур (русских, европейских и ближневосточно-мусульманских)», всё же базировалась на «старых культурных традициях, входящих к первичной урбанизированной культуре» [4, с.101].

На конгрессе была также предпринята попытка обозначить как важную для городов с полиэтничным населением социальную задачу – формирование образов культурно-исторической идентичности, обладающих консолидирующим потенциалом. Показательно, что проблема рассматривалась на примере Татарстана, его «символической стратегии... при позиционировании крупных городов, муниципальных образований и некоторых деревень», которая оценивалась как «эффективная» благодаря «обращению региональных властей к культурным традициям и исторической памяти народов республики» (Г.Ф. Габдрахманова, А.Р. Мухаметзянова) [4, с.99]. Не случайно, города Татарстана фигурировали в качестве актуальных примеров и в работе, посвящённой влиянию этнических факторов на современную городскую геральдику как «один из компонентов локальной идентичности» (А.О. Чистяков). Так, герб г. Набережные Челны был упомянут в числе тех, которые в наибольшей степени «подчёркивают этничность их носителей», а герб г. Казань – как принятый «после многочисленных дискуссий» и устранения из его официально рекомендованной «исторической» версии XVII-XIX вв. тех элементов, которые могли быть восприняты как «уничтожение культуры титульного этноса» [4, с.48]. На примере Набережных Челнов была рассмотрена также проблема достижения «единства исторического самосознания полиэтничных городских социумов» Татарстана, преодоления свойственных им «русско-татарских разногласий в понимании... культурно-исторической идентичности» своих городов (Р.М. Гибадуллин) [4, с.44].

Таким образом, материалы X конгресса этнологов и антропологов России показывают, что межэтнические противоречия, возникающие на почве этноисторического восприятия городов, пока не стали для российских учёных самостоятельной темой исследования, однако всё больше сдвигаются в поле их зрения, в том числе, благодаря актуализации на примерах Татарстана.

Такая тенденция, несомненно, вызревает и в самом Татарстане, в его краеведческой среде, о чём в определённой мере свидетельствуют, например, материалы Всероссийской научно-практической конференции «Прикамский регион: география, история и культура» (г. Набережные Челны, 18-19 апреля 2013 г.). В тех немногих статьях, в которых так или иначе затрагивается тема

исторического образа региона, авторы либо демонстрируют свои этнические предпочтения в понимании этого образа, либо в самой теме акцентируют этнологические аспекты. Так, в исследовании «памятников истории горного дела в Нижнем Прикамье» автор (А.А. Гунько), желая подчеркнуть, усилить общероссийскую значимость региона, использует характерный для русской историко-патриотической традиции образ особой земли как «опоры российского государства». Хотя приводимые автором основания для такой оценки Нижнего Прикамья, имеют лишь косвенное к нему отношение, что видно даже из текста статьи: «Приуральский регион, частью которого является Нижнее Прикамье, не раз становился опорой российского государства в тяжёлые годы его существования, поставляя столь необходимую медь в период войн XVII-XIX вв. или уголь для восстановления страны после гражданской войны...». К дискурсивным проявлениям в этой статье можно отнести и то, что автор, кратко касаясь предистории горного дела в крае «как одного из древнейших занятий народов, населявших Прикамский регион», обозначает лишь её архаический период в III-II тыс. до н.э., не упоминая ничего о достижениях периода татарского средневековья [1, с.91]. На конференции получил выражение также историко-краеведческий дискурс татар-кряшен. Актуальная для них идея этно-территориальной самоидентификации как отдельного от татар «народа кряшен» («керэшен халкы») явно предполагается постановкой вопроса об изучении «мотивов родной кряшенской земли Прикамья, её судьбы, истории и культуры» (Р.А. Мингазова, Р.Р. Асхамова) [3, с.219].

Материалы конференции позволяют зафиксировать интересный факт: если одни авторы стремятся укоренить на территории Татарстана «нетитульную» для него (русскую и «кряшенскую») этно-историческую идентичность, то другие – схожим образом татарскую идентичность простирают за пределы Татарстана, в регионы, где она уже не является «титульной». Например, рассматривая «регион Волго-Камья в разных цивилизационных измерениях», автор (Л.Ф. Ашрафуллина) подчёркивает роль тюрко-исламского фактора в достижении здесь первых цивилизационных результатов: высокого «уровня земледелия и ремесла, активного использования географического потенциала региона в сфере международной торговли [3, с.98]. Другой автор (А.М. Рафиков), отмечая, что Вятско-Камский регион «издревле является местом синтеза различных культур», показывает как одну из историко-патриотических традиций этого региона вклад татарского купечества в его развитие во второй половине XIX – начале XX вв [3, с.116,117]. Примечательно, что в рамках такого подхода высказывается важная мысль о необходимости использовать «дидактический по-

тенциал» исторического краеведения для формирования межэтнического единства, основанного на «умении видеть и принимать свою родину во всём её многообразии» [3, с.116].

Таким образом, неодинаковое восприятие территории Татарстана в историческом сознании русских и татар хотя и не носит конфронтационный характер, всё же создаёт определённую конкурентность сторон в том, чтобы закрепить за собой те или иные приоритеты. В такой ситуации идеологически востребованными становятся, прежде всего, исторические трактовки, способные обеспечивать межэтнический баланс. С одной стороны, они должны раскрывать позитивную, цивилизующую роль русских, русского фактора в целом по отношению ко всем народам и территориям, оказавшимся в составе российского государства. С другой стороны, эти трактовки должны поддерживать представление о непрерывавшейся на территории Татарстана цивилизационно-исторической традиции татар как самостоятельной культурной силы региона.

Литература

1. Прикамский регион: география, история и культура: Материалы всероссийской научно-практической конференции (18-19 апреля 2013 г.): Сборник научных трудов. – Набережные Челны: НИСПТР, 2013. – 240 с.
2. Стешенко Л.А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X – XXI вв. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 384 с.
3. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. – М.: Высш. шк., 1992. – 351 с.
4. X Конгресс этнологов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 355 с.

Худайкулов Н.Н.

кандидат социологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
filosof21@mail.ru

ПРОБЛЕМА МЕХАНИЗМА АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК

В настоящее время миграционные процессы, надо признать, приобрели глобальный характер. И Россия не исключение. Миграция стала одним из ос-

новых факторов социального и экономического развития большинства развитых стран. Эти процессы не обошли стороной и множество государств из бывшего Советского союза. Проблема миграции становится актуальной для многих стран, которые в силу естественного старения собственного населения, остро нуждаются в человеческих трудовых ресурсах. Во-вторых, миграционные процессы являются результатом вступления национальных экономик в глобальные экономические отношения. В результате возникает новая проблемная ситуация, характеризующаяся противоречием между необходимостью регулирования социальной адаптации трудовых мигрантов и отсутствием концептуальных разработок, позволяющих теоретически обосновать и сформировать на практике формы такого регулирования.

РФ превратилась в центр притяжения трудовых мигрантов из менее благополучных стран ближнего и дальнего зарубежья. Объективной необходимостью стала проблема социальной адаптации трудовых мигрантов.

Социальная адаптация трудовых мигрантов к новой среде их обитания является растянутым во времени комплексным процессом, затрагивающим по существу все стороны их культуры и быта и отражающимся на основных признаках их социального статуса. Адаптация мигрантов представляет собой процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни. Этот процесс затрагивает его социальную и биологическую сущность. Нужно отметить, что не бывает абстрактной адаптации. Последняя всегда носит конкретный характер [1].

Отношение к трудовым мигрантам в России неоднозначно, вследствие чего их пребывание в стране сопровождается возникновением большого числа социально-экономических и организационно-правовых проблем. Наряду с положительными моментами внешняя трудовая миграция в РФ порождает множество проблем социального, экономического, социокультурного и социознательного характера. Особенно сильно это проявляется в регионах преимущественной концентрации иностранной рабочей силы. Возникают такие проблемы как качественный состав трудовых мигрантов, их «сдвига» к бедной части населения, увеличение культурной дистанции, резкое изменение этнической структуры горожан и связанного с ним снижения толерантности совместно проживающих в городе людей. Ситуация осложняется тем, что трудовые мигранты, преследуя в основном только экономические цели и зачастую плохо владея русским языком и не зная особенностей местного быта не проявляют особого стремления к тому, чтобы интегрироваться в социокультурную среду России. В результате растет степень сепарации трудовых мигрантов в России, что вызы-

вает весьма настороженное отношение к ним со стороны работодателей и Российского общества в целом, вплоть до полного неприятия, что в свою очередь осложняет процесс адаптации трудовых мигрантов на новом рабочем месте в России.

Миграционная политика России в настоящее время ориентируется в основном на экономическое, либо демографическое восприятие миграционных процессов. Поэтому механизмы управления процессами внешней трудовой миграции неадекватны потребностям отечественного рынка труда, ситуации, складывающейся в стране в целом. В большинстве регионов страны отсутствуют институты адаптации и интеграции иностранной рабочей силы. Отсюда, необходимость создания комплексного подхода к формированию системы мер юридического, социального, социокультурного, политического характера. При разработке механизмов привлечения внешней рабочей силы необходимо учитывать страну ее происхождения, профессиональные, квалификационные, социально-психологические характеристики.

В Общественной палате РФ 8 ноября 2012 года прошел круглый стол «Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов в российском обществе и пути их решения» [2]. По завершению слушаний Общественная палата приняла ряд рекомендаций:

1. Активизация сотрудничества органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления с общественными объединениями мигрантов и частными организациями.
2. Формирование сети информационно-консультативных центров в сфере трудовой миграции для предпринимателей и трудовых мигрантов.
3. Совершенствование миграционного и трудового законодательства в плане устранения излишних административных барьеров применительно к иностранной рабочей силе.

Для того чтобы сформировать эффективный механизм управления адаптацией трудовых мигрантов необходимо узнать их социально-психологический портрет. Итак, кто же он, среднестатистический трудовой мигрант в России. Во-первых, это житель из ближнего зарубежья, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Во-вторых, как правило, это молодые люди в возрасте 20-35 лет. Конечно, есть мигранты и постарше возрастом, но их не так много. В-третьих, в основном, это неженатые люди. И это накладывает отпечаток на демографической ситуации в России. Более того, даже женатые мигранты не прочь создать семьи в РФ. Существует даже термин «гостевая семья». В-четвертых, главная цель большинства мигрантов это экономический интерес, а

именно, заработать «побольше» денег, чтобы оставшиеся на родине члены семьи могли худо бедно существовать. Поэтому трудовые мигранты, в большинстве случаев, готовы жить в России при минимальных условиях жизни. Трудовые мигранты тратят в России мало, а основную долю заработка отправляют на родину. В-пятых, это в основном бедные, в финансовом плане, люди. В-шестых, это, как правило, малообразованные люди. Поэтому приезжая в РФ, и оказываясь в иной социокультурной, экономической и политической среде они просто напросто «теряются». В-седьмых, это люди с совершенно другой культурой и другим менталитетом. Одним из главных черт этого менталитета – это уважение и почитание старших по должности и по возрасту. К сожалению, часто эта черта перерастает в покорное послушание. Чем многие чиновники и работодатели в России пользуются в своих корыстных интересах. В-восьмых, это люди готовые братья за любую работу, приносящую определенный доход. В-девятых, это в основном мужчины.

Каким же должен быть механизм социальной адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо сформулировать методологические принципы, на которых должен строиться весь комплекс мероприятий данного механизма. Во-первых, нужна прозрачность принимаемых решений. Для разработки того или иного решения необходимо привлечь как можно больше специалистов из экономики, психологии, юриспруденции, философии, культурологии, политики, а также этнические общественные организации. Только совместными усилиями страна может придать прозрачность таких решений. Во-вторых, отказ от претензий на абсолютную истину. Это означает предоставление трудовому мигранту выбор принимаемых действий. Нельзя отказывать мигранту во въезде в нашу страну по каким-либо «мелким» формальным недочетам. Это также означает, что в любом случае решения чиновников не могут носить раз, навсегда установленный порядок. В-третьих, необходимо отказаться от предвзятого отношения к трудовым мигрантам из Средней Азии. Нужно относиться к ним как к равным себе людям. В-четвертых, учитывать социально-психологические черты и культуру мигрантов. В-пятых, необходимо создать во всех регионах страны институты, регулирующие процесс адаптации трудовых мигрантов. В-шестых, необходимо разработать комплекс мероприятий по формированию у россиян толерантного отношения к мигрантам.

Таким образом, механизм регулирования адаптации трудовых мигрантов должен предусматривать комплекс мероприятий политического, юридического, гуманитарного, психологического, экономического характера.

Литература

1. Демографический понятийный словарь/ Под ред. Л.Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. - М.,2003. - С.6-7.
2. О работе общественной палаты российской федерации в 2012 г. [Электронный ресурс]. http://www.oprf.ru/files/2013dok/o_rabote_OPRF15052013.pdf

Сайфуллин Р.Г.

кандидат политических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский институт
saifrubin@mail.ru

МИГРАЦИИ, ЭТНОСЫ И ПАССИОНАРНОСТЬ

Миграции населения являются одной из важнейших проблем народонаселения и рассматриваются как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни. В условиях глобализации современного мира резко возросли международные миграционные потоки, что может создать условия для разрастания межэтнических конфликтов, привести к изменениям границ расселения этносов и государств. Это делает актуальной задачу всестороннего изучения миграций.

Существует несколько научных подходов к изучению миграций, среди которых можно отметить демографический, социологический, исторический, психологический, историко-биологический (биосоциальный). Последний подход получил развитие в основном в трудах Л.Н. Гумилева. На основе этого подхода можно проанализировать биосоциальные причины наступления кризисов в развитии этносов и созданных ими государств, и связанных с этими кризисами усиления миграционных потоков населения.

Гумилев рассматривает этнос как биосоциальный феномен. Одна из биологических ипостасей этноса состоит в том, что все составляющие его индивиды принадлежат к одному из трех энергетических типов – пассионариям, субпассионариям или гармоничным людям, соответственно, индивидам энергоизбыточного, энергодефицитного и энергоуравновешенного типов. Видоизменение численных соотношений энергетических типов внутри этноса определяет процесс этногенеза, под которым понимается процесс прохождения этносом

всех стадий своего развития – фаз этногенеза и разделяющих их фазовых переходов – кризисных неустойчивых периодов, для которых характерны масштабные внутривнутриполитические конфликты, часто перерастающие в гражданскую войну [1]. Неустойчивыми являются также и кризисные периоды внутри некоторых фаз, аналогичных по своему генезису фазовым переходам.

Понятно, что масштабы внутренних миграций возрастают в неустойчивые периоды, так как гражданская война, часто характерная для этих периодов, ведет к тому, что мирное население, относящееся в основном к гармоничным людям, оставляет охваченные войной районы. Возрастные рамки неустойчивых периодов определяются универсальной, инвариантной относительно исторических эпох, этносов и типов политий закономерностью – числовым алгоритмом этнополитогенеза [2].

Охваченные войной районы оставляют в основном гармоничные люди, в спокойные времена обычно не склонные к миграциям. По мнению Гумилева, активным миграционным поведением отличаются пассионарии и субпассионарии. «Субпассионарии часто играют важную роль в судьбах этносов. Они скапливаются в городах и совершают вместе с пассионариями завоевания и перевороты» [1].

Склонность пассионарного типа к миграциям следует из биосоциальных закономерностей, регулирующих плотность популяций. В.Р. Дольник дает следующее описание роли пассионарного типа. «Нашествия в места, занятые другими популяциями, называется нашествием, а в области, зачастую непригодные для жизни – инвазией. Цель нашествия и инвазии – выбросить за пределы перенаселенной популяции избыточное молодое поколение. Участники нашествия становятся как бы бесстрашными, не боятся погибать, особенно коллективно. У людей при сходных обстоятельствах происходят подобные же изменения: молодежь не хочет жить так, как жили родители, образует группы, которые легко превращаются в очень агрессивные орды, а те неудержимо стремятся куда-то двигаться и что-то там совершать, обычно разрушительное. Аналогия между нашествиями животных и некоторыми нашествиями орд варваров лежит на поверхности» [3], – приходит к выводу Дольник.

Сброс за пределы своей территории лишней молодежи, среди которой высока доля пассионариев – это один из способов оптимизации доли пассионариев в этносе, находящемся в неустойчивом периоде. Если не происходит этого сброса, то в этносе из-за наличия «лишних» пассионариев и субпассионариев может начаться гражданская война.

Биосоциальные причины начала гражданской войны следующие. Для устойчивых состояний фаз этногенеза характерны оптимальные соотношения долей энергетических типов. В неустойчивые периоды это оптимальное соотношение нарушается, пассионариев и субпассионариев часто становится больше, чем это необходимо для сохранения устойчивого состояния. Существующий излишек пассионариев и субпассионариев ведет к расколу этнического поля – образованию двух или более противостоящих друг другу военно-политических группировок, противоречия между которыми разрешаются путем вооруженного насилия. В результате гибели части участвующих в вооруженных конфликтах пассионариев и субпассионариев их доли становятся оптимальными для следующей или текущей фазы, раскол этнического поля прекращается, внутривнутриполитическое положение стабилизируется.

Таким образом, сброс пассионариев и субпассионариев с территории находящегося в неустойчивом состоянии этноса, осуществляемое путем миграций, организации завоевательных походов и т.д., помогает оптимизировать их доли в составе этноса и этим избежать гражданской войны.

Проведенный предварительный анализ позволяет говорить о перспективности использования биосоциального (историко-биологического) подхода к анализу феномена миграций. Основой его применения служит не вызывающая сомнений биосоциальная природа, как самого человека, так и этнических общностей. Биосоциальный подход позволяет не только вскрыть причины наступления кризисов в развитии этносов и созданных ими государств и связанных с этими кризисами усиления миграционных потоков населения, но и прогнозировать начало этих кризисов.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
2. Сайфуллин Р.Г. Алгоритмизация исторического процесса // Экономическая синергетика: стратегии развития России / под ред. Б.Л. Кузнецова. Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2009. С. 106-126.
3. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб: Издательство Петроглиф, 2009.

СЕКЦИЯ 9

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Скакун Е.В.

кандидат политических наук, доцент
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
skakun@brsu.brest.by

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мир и безопасность по праву занимают ведущее положение в системе основополагающих человеческих ценностей. Ведь в широком смысле – это не просто отсутствие войны. Это и отсутствие нищеты, справедливость, соблюдение прав человека, забота о здоровье, надлежащее управление и многое другое, что создает условия для достойной жизни людей.

Еще Н. Макиавелли и Т. Гоббс рассматривали безопасность страны как центральную задачу государства, прочную зависимость правителя от военных способностей и качеств, а также и от зависимости его своих граждан. «Я одобряю тех, кто строит крепости, - писал Н. Макиавелли, - и тех, кто их не строит. Но осуждаю всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу». Т. Гоббс считал заботу о безопасности страны краеугольным камнем деятельности государства.

К сожалению, несмотря на существенные массы международных организаций, включая ООН, а также союзов и блоков, конкретного практического воплощения общих и универсальных подходов к безопасному существованию на планете пока не произошло.

Наряду с важностью международной и региональной безопасности как никогда ранее, усиливается значение национальной безопасности. Именно обеспечение национальной безопасности сохраняет индивидуальность (социальной, этнической группы, государства, нации) в единообразном мире. Поэтому важнейшим аспектом безопасности выступает обеспечение прежде всего национальной безопасности.

Национальная безопасность представляет собой совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства в системе международных от-

ношений, его способность адекватно реагировать на возникающие внутренние и внешние вызовы в соответствии со своим национальными интересами.

Методологическая и правовая основа обеспечения национальной безопасности нашей страны определены Конституцией Республики Беларусь, а также законами и указами Президента Республики Беларусь, принятыми еще в 90-е годы прошлого столетия.

Основополагающим документом, регламентирующим вопросы обеспечения безопасности нашего государства, является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. [1].

В Концепции определены стратегические и основные национальные интересы в политической, экономической, научно-технической, социальной, демографической, информационной, экологической и военных сферах. Названы основные угрозы национальной безопасности, а также внутренние и внешние источники угроз национальной безопасности. Указаны основные направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности. Определена система обеспечения национальной безопасности.

Постоянно в Концепцию вносятся изменения. Поэтому можно утверждать, что Концепция старается учитывать все изменения, которые происходят не только в республике, но и в мире.

В соответствии с п. 45 Концепции, «Обеспечение национальной безопасности представляет собой деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь» [1].

Одной из таких угроз, которая в последнее время резко обострилась, является проблема распространения терроризма, осуществления террористических актов.

В п. 27 Концепции сказано, что «Основными потенциальными либо реально существующими угрозами национальной безопасности являются: подготовка или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве Республики Беларусь, использование ее территории либо воздушного пространства террористическими организациями и группами против иных государств....» [1].

Законодательство Республики Беларусь приводится в соответствие с международными обязательствами в сфере борьбы с терроризмом. В частности,

Республикой Беларусь ратифицирована в 2004 году Международная конвенция 1999 года о борьбе с финансированием терроризма, в 2006 году – Международная конвенция 2005 года о борьбе с актами ядерного терроризма [2, с. 6].

Долгое время Республике Беларусь удавалось избегать масштабных проявлений терроризма на своей территории. Однако взрыв на станции метро «Октябрьская» в Минске 11 апреля 2011 года показал, что акт терроризма может случиться и в тихой спокойной стране. Учитывая особое экономико-географическое расположение Беларуси на перекрестке основных международных транспортных и торговых путей – проблема борьбы с терроризмом приобретает для нашей страны практическое значение.

В законодательстве Республики Беларусь отражены правовые и организационные основы борьбы с терроризмом. Это Декрет Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. № 21 «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями», Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» от 3 января 2002 г., другие законодательные акты и международные договоры Республики Беларусь.

Противодействие международному терроризму является также важнейшей составляющей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 года.

Главными принципами борьбы с терроризмом в Республике Беларусь признаются: законность; приоритет мер предупреждения терроризма; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; комплексное использование профилактических, правовых, политических, социально-экономических и пропагандистских мер; приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции; минимальные уступки террористу; единоначалие в руководстве силами и средствами, привлекаемыми для проведения контртеррористических операций и др. [3]

Согласно Закону Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» «Борьба с терроризмом в Республике Беларусь осуществляется в целях: защиты личности, общества и государства от терроризма; предупреждения, выявления, пресечения террористической деятельности и минимизации ее последствий; выявления и устранения причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности» [3].

Наиболее существенные характеристики международного терроризма, обозначенные в международно-правовых документах, нашли отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь. В УК Республики Беларусь предусмотре-

рена специальная глава «Преступления против мира и безопасности человечества», а также зафиксировано два состава террористических актов – террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 124) и террористический акт (ст. 359).

Позиция белорусского руководства относительно проблемы противодействия международному терроризму впервые была четко сформулирована во время выступления Постоянного представителя Беларуси при ООН Сергея Линга на пленарном заседании 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября 2001 года по пункту 166 повестки дня «Меры по ликвидации международного терроризма». В своем выступлении С. Линг подчеркнул, что Республика Беларусь последовательно выступает за активизацию сотрудничества в борьбе с этим социальным злом, не имеющим никакого оправдания ни при каких обстоятельствах. А залогом эффективной борьбы с терроризмом может стать только тесное сотрудничество и растущее взаимодоверие между государствами при направляющей роли ООН [4, с. 40].

Для того чтобы себя обезопасить от террористической угрозы наша страна активно участвует в работе таких международных организаций, антитеррористическое взаимодействие с которыми Беларусь считает для себя приоритетным – это Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Беларусь считает важным вклад ОБСЕ в международное сотрудничество по борьбе с терроризмом и выступает за то, чтобы у ОБСЕ была своя, определенная роль в международной борьбе с терроризмом. При этом деятельность ОБСЕ должна не дублировать усилия ООН, а дополнять их. ОБСЕ, например, могла бы заняться изучением и распространением передового опыта борьбы с терроризмом. ОБСЕ также по нашему мнению, могла бы изучать причины, толкающие людей к террористической деятельности [5, с. 30].

Безопасность Республики Беларусь в политической сфере занимает одно из ключевых мест в системе обеспечения национальной безопасности и является одной из главных ее составляющих.

В связи с необходимостью решения ряда международных проблем, для уменьшения степени угрозы республике, нашим правительством были обозначены основные жизненно важные интересы государства в политической сфере. Среди них можно выделить непосредственно те, которые касаются внешней политики Республики Беларусь:

- формирование многополярного мира и системы международных отношений, основанной на верховенстве норм международного права и многостороннем сотрудничестве, обеспечивающих участие Беларуси в решении вопросов, затрагивающих ее интересы;

- совершенствование и укрепление механизмов обеспечения национальной и коллективной безопасности с участием Республики Беларусь на глобальном, региональном и двустороннем уровнях, придание международной безопасности всеобъемлющего и комплексного характера;

- прагматичное взаимодействие с мировыми центрами силы, основанное на эффективной многосторонней и многовекторной дипломатии, стратегическом партнерстве и особых отношениях с дружественными государствами, равноправном взаимодействии и взаимном учете интересов;

- позиционирование Республики Беларусь за рубежом в качестве демократического правового государства, ответственного и предсказуемого партнера, донора международной и региональной безопасности;

- обеспечение защиты прав соотечественников и солидарности белорусов во всем мире ради сильной, процветающей Беларуси. [1].

Геополитическое положение Беларуси, ее весомый военный потенциал никому не позволяют сбрасывать нашу страну со счетов при формировании на континенте устойчивой системы безопасности. Беларусь в свою очередь, опираясь на восточный и западный векторы своей политики, намерена обеспечивать собственные государственные интересы и должна выработать свою линию поведения на международной арене. Во-первых, завоевание политического влияния страной должно основываться на налаживании ее равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия. Во-вторых, надо занимать прагматическую внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равноудаленности от тех или иных блоков сил и прагматическом сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Тем самым ее общегосударственные интересы будут формироваться на внеидеологической основе, видоизменяясь в зависимости от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к внешнеполитическим задачам страна сможет сделать упор на решение экономических и других внутренних проблем.

Согласно статьи 18-й Конституции нашего государства: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегули-

рования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права».

Разрабатывая систему национальных интересов в области внешней политики, Беларусь учитывает главные тенденции современного европейского развития, оказывающие прямое влияние, как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны. К числу названных тенденций следует, в первую очередь, отнести политику расширения Европейского Союза и расширения НАТО на Восток.

Превращение Беларуси в непосредственного соседа Евросоюза требует от обеих сторон новых подходов в экономическом взаимодействии. Беларусь выработывает оптимальную модель плодотворного сотрудничества с Евросоюзом. Эта модель основывается на взаимном экономическом интересе, общности цивилизационных процессов, принадлежности к европейской культуре, единстве истории и географического пространства. Тем более и Европейский Союз заинтересован в развитии сотрудничества с Республикой Беларусь в сферах охраны границ, борьбы с нелегальной миграцией и трансграничной преступностью, противодействия торговле людьми, охране окружающей среды. Отношения с Евросоюзом закреплены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: «развитие полноформатных отношений с государствами Европейского союза, поддержание активного диалога с ЕС по всему спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, с перспективой заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также отмены дискриминационных мер в отношении белорусского государства». [1]

Конструктивной основой в обеспечении национальной безопасности является позиция государства, твердо стоящего на страже самостоятельности своего политического курса, но открытого к диалогу и разумному маневру во всех областях международных отношений.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10388>. – Дата доступа: 24.08.2014.
2. Тихиня, В.Г. Международно-правовая борьба с терроризмом: современные проблемы и пути их решения / В.Г. Тихиня // Юридический журнал. – 2009. - №2. – С. 3-6.
3. О борьбе с терроризмом: Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г., №77-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002. - №6. – 2/825.

4. Пузырев, Д. Вклад Республики Беларусь в борьбу с международным терроризмом / Д. Пузырев // Беларуская думка. – 2008. - №6. – С. 36-41.

5. Сычев, А.Н. Международный терроризм как крайне опасная угроза современному мироустройству: характер проблемы и пути международного противодействия / А. Сычев // Журнал международного права и международных отношений. – 2004. - №1. – С. 27-31.

Кавецкий С.Т.

кандидат философских наук, доцент

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,

kstbrest@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В число субъектов современного политического процесса входят политические партии. Партия – это основанное на идеологических и политических ценностях добровольное объединение людей, представляющее определенные общественные классы, социальные группы и слои, стремящиеся к реализации общих интересов и целей путем завоевания политической власти либо участия в ней.

Власть – конечная цель любой партии, инструмент реализации интересов тех общественных групп или классов, которые являются ее социальной базой.

Партийное строительство на Беларуси началось в конце 80-х – начале 90-х годов. К середине 80-х в Беларуси, входившей в состав СССР, существовало примерно 100 всесоюзных, более 200 республиканских и около 800 традиционных общественных объединений. Несмотря на количественное и структурное многообразие они отражали застойность, закостенелость и ритуальность общества. Их роль определялась руководящей ролью КПСС и его структурного звена – КПБ.

Беларусь прошла путь формирования и развития общественных движений, характерный для союзной системы. Условно это можно представить следующим образом: кружки друзей единомышленников – неформальное движение – народный фронт – политические партии. И в то же время, необходимо

учитывать ситуацию того времени в экономике, экологии, национальном самосознании и положение политического руководителя.

Во-первых, экономика республики развивалась десятилетиями на экстенсивной основе, были достигнуты в большей степени количественные результаты, нежели качественные. В результате на рубеже 70-х – 80-х годов в республике, как и во всей стране, начали накапливаться нерешенные проблемы. Ожидание рынка, реформы денег и цен ввергли население в паническое состояние. Попытки правительства и местных Советов выбраться из этой ситуации путем введения талонной системы распределения товаров и продуктов оказались неэффективными.

Во-вторых, авария 1986 года на Чернобыльской АЭС, находящейся на территории Украины, привела к выпадению радиоактивных осадков на 70% территории Белоруссии.

В-третьих, Белоруссию не миновал процесс подъема национального самосознания, который имел как внутренние, так и внешние причины. К чему следует отнести в первую очередь национальное движение в Литве, Латвии, Эстонии, а позднее на Украине; косвенно влияли также перемены в Польше. Внутренний толчок был дан немногочисленной группой белорусской интеллигенции, поднявшей свой голос в защиту родного края, памятников старины, языка.

В-четвертых, КПБ, оставаясь правящей и главной политической силой в республике, так и не смогла преодолеть «синдром центра». Несмотря на попытки всколыхнуть партию немногочисленной группы ее членов в Верховном Совете БССР, образовавших фракцию «Коммунисты Белоруссии за демократию», их постигла неудача.

В-пятых, свою роль сыграл развал СССР и прекращение деятельности КПСС.

В-шестых, важное значение имело провозглашение суверенитета Республики Беларусь и др.

Таблица № 1

БНФ “Адраджэнне” (Позняк)	9,5%
Объединенная гражданская партия (Богданкевич)	4,5%
Белорусская социал-демократическая Грамада (Статкевич)	3,5%
Партия коммунистов Беларуси (Новиков)	16,5%
Партия народного согласия (Сечко)	3%
Партия труда и справедливости (Нетьлькин)	2,5%
Аграрная партия (Шарецкий)	2%
Другие партии	6,5%
Никого	49,5%

Первой (28.03.1991) была зарегистрирована объединенная демократическая партия Беларуси (ОДПБ), ее создали представители демократических партий Минска, Бреста, Витебска. На 1.01.1993 было зарегистрировано 159 общественных организаций, в том числе 5 партий. В г. Бресте действовала Брестская рада Белорусского народного фронта «Возрождение», клуб «Демократическое движение», «Движение за создание экологической партии Белоруссии», общественно-культурное объединение «Полесье» (Полісся), Украинское общественно-культурное объединение Брестской области (Берэць), Польское культурно-просветительное общество имени Р. Траугутта, а также отделения партий. На 1 января 1995 года было зарегистрировано 29 партий. Рейтинг популярности партий у брестчан (выборка 200 респондентов) оказался следующим (табл. 1).

Процесс создания политических партий в Республике Беларусь проходил сложно и противоречиво. К концу 1997 года было зарегистрировано 43 политических партии. Их рейтинговое положение было следующим (табл. 2).

Таблица № 2

	РБ	г. Брест	г. Ивацевичи
1. Аграрная партия (Шарецкий)	2,6%	4,7%	3,6%
2. Белорусский народный фронт (Позняк)	6,9%	7,8%	7,1%
3. Белорусское патриотическое движение (Баранкевич)	0,5%	1,6%	
4. Белорусское патриотическое движение женщин “Надзея” (Полевикова)	5,6%	7,8%	
5. Белорусская социал-демократическая партия “Народная грамада” (Статкевич)	0,3%	1,6%	
6. Белорусский христианско-демократический союз (Силко)	0,3%		3,6%
7. Либерально-демократическая партия (Гайдукович)	1%		
8. Объединенная гражданская партия (Богданкевич)	0,7%	4,7%	
9. Партия Всебелорусского единства и согласия (Булахов)	0,2%	1,6%	
10. Партия здравого смысла (Каравайчик)	0,9%		
11. Партия коммунистов Беларуси (Калякин)	6%	4,7%	10,7
12. Партия любителей пива (Ромашевский)	2,4%	3,1%	
13. Республиканская партия труда и справедливости (Нетылькин)	0,2%		
14. Славянский собор “Белая Русь” (Сергеев)	0,3%		
15. Белорусская партия труда (Бухвостов)	0,8%	1,6%	
16. Другие партии и движения	3,4%		
17. ЗО	61,8%	60,9%	7,5%

В дальнейшем начинается процесс количественного уменьшения партий, происходящий по ряду причин. Во-первых, многие партии не имели социальной базы и, соответственно, организационных звеньев на местах и были

признаны недействующими. Во-вторых, некоторые мелкие партии слились в крупные. В-третьих, некоторые партии были закрыты в результате административного давления. Таким образом, к концу 1998 года их осталось 28, а на 1 декабря 1999 года были зарегистрированы 17 политических партий и около 1200 общественных объединений.

В 2002 году зарегистрировано 18 политических партий, среди которых выделились 2 коммунистические партии (ПКБ, КПБ), 2 партии БНФ, Объединенная гражданская партия, ЛДПР, 5 партий социал-демократического толка, партия экологического направления и др. Наиболее влиятельные из них имеют свои отделения на Брестчине.

Как известно, цель каждой партии – это борьба за власть, однако в нашей стране участие партии в борьбе за депутатские мандаты в Палату Представителей затрудняется господствующей мажоритарной системой. Так в период выборов 2000 года смогли принять в них участие 268 представителей следующих партий:

Таблица № 3

Либерально-демократическая партия	87 чел.
Партия коммунистов Белорусская	70 чел.
Коммунистическая партия Белоруссии	42 чел.
Аграрная партия	18 чел.
Республиканская партия труда и справедливости	14 чел.
Республиканская партия	13 чел.
Белорусская патриотическая партия	9 чел.
Социал-демократическая партия народного согласия	8 чел.
Белорусская социал-демократическая партия “Народная грамада”	5 чел.
Белорусская социально-спортивная партия	2 чел.

В ходе выборов в парламент были избраны 16 представителей различных политических партий. Среди них:

Таблица № 4

Коммунистическая партия Белоруссии	6 чел.
Аграрная партия	5 чел.
Республиканская партия труда и справедливости	2 чел.
Белорусская социально-спортивная партия	1 чел.
Социал-демократическая партия народного согласия	1 чел.
Либерально-демократическая партия	1 чел.

Таким образом, определен условный рейтинг популярности политических партий. Однако это не совсем так. Во-первых, оппозиционные партии вообще не принимали участия в выборах, во-вторых, представители партий выдвигали

лись не во всех избирательных округах, имели разные объективные и субъективные условия, в-третьих, во всех случаях личностные факторы кандидата в депутаты значили для избирателя значительно больше, чем его партийная принадлежность.

В 13 округах выборы не состоялись, в том числе во всех трех округах г. Бреста и двух – в г. Барановичи. Согласно социологическому опросу, проведенному после выборов (г. Брест, выборка 300 респондентов), причины этого следующие:

Таблица № 5

1. Не доверял ни одному из кандидатов	30,6%
2. Бойкотировал выборы	18,8%
3. Отсутствие реальных полномочий у парламента	10,6%
4. Есть дела и поважнее	36,4%
5. Что-либо еще	3,6%

В октябре 2004 года состоялись выборы в Палату представителей Национального Собрания Республики Беларусь. Уже в первом туре были избраны депутаты в 109 округах из 110. Среди депутатов были и представители политических партий: один депутат от ЛДПБ, КПБ и Аграрной партии, избранные по системе мажоритарного голосования

Таблица № 6

1. Аграрная партия (Шиманский М.)	0,0%
2. Белорусская сацыял-дэмакратычная партыя (Народная Грамада) (Левкович А.И.)	7,1%
3. Белорусская партия «Зеленые» (Громыко О.)	0,0%
4. Белорусская партия женщин «Надзея» (Матусевич В.)	4,3%
5. Белорусская партия труда (Лемешонок Л.)	0,0%
6. Белорусская патриотическая партия (Улахович Н.)	0,0%
7. Белорусская социально-спортивная партия (Александрович В.)	0,7%
8. Белорусская экологическая партия «БЭЗ» (Карташ Н.)	0,0%
9. Консервативно-христианская партия БНФ-ХП (Позняк З.)	1,4%
10. Коммунистическая партия Белоруссии	3,6%
11. Либерально-демократическая партия (Гайдукевич С.)	6,4%
12. Объединенная гражданская партия (Лебедько А.)	2,1%
13. Партия коммунистов Белорусская (Калякин С.)	4,3%
14. Партия Белорусского Народного Фронта (Вечерко В.)	0,0%
15. Партия «Белорусская социал-демократическая Громада» (Шушкевич С.)	0,7%
16. Республиканская партия (Белозор В.)	0,0%

17. Республиканская партия труда и справедливости (Соколов В.)	0,0%
18. Социал-демократическая партия Народного Согласия (Ермак С)	0,0%
19. Ни одной из названных	72,2%

По результатам социологического опроса на вопрос: «Какой из политических партий Вы в большей степени симпатизируете?», были получены следующие результаты (табл. 6).

Выборы Палату представителей Национального Собрания Республики Беларусь проходили в 2008 года и в 2012 году. Все депутаты были избраны в I туре по традиционной мажоритарной схеме. Хотя в парламенте представлены депутаты от партий, лояльных режиму, однако практически не работают партийные группы в законодательных органах. На последних выборах более 60 мест получили представители пропрезидентского движения «Белая Русь»

Как отмечает доктор социологических наук, депутат нескольких созывов белорусского парламента И.В. Котляров «В настоящее время белорусская многопартийность находится в глубочайшем кризисе». Среди проблем большинства политических партий выделяется отсутствие теоретической работы. «Наблюдается эффект «замороженности» белорусских политических партий, не учитывающих современные политические реалии». Присутствует параллелизм в деятельности партий, а именно: наличие двух более партий имеющих практические близкие программные цели и уставные дефиниции (БНФ и БНФ-ХП, КПБ и ПКБ, наличие более пяти партий социал-демократического толка и т.д.). Партии мало узнаваемые и часто ничем не отличаются друг от друга. Лишь две коммунистические партии имеют регулярно издаваемую периодику. Не у всех партий есть реально обновляемые сайты в Интернете. При этом отметим практически нулевой уровень появления партий на отечественном телевидении и фрагментарный в государственных периодических изданиях. Большинство белорусских политических партий не имеет полноценной социальной базы, социальные слои и группы слабо структурированы и дифференцированы в многопартийной системе.

Об аномичности белорусской партийной системы говорит тот факт, что по данным конкретно-социологического исследования, проведенного под руководством автора в 2005 году в г. Бресте более 72% респондентов ответили, что не поддерживают ни одну из политических партий Беларуси.

Следует особо подчеркнуть, что белорусское законодательство не способствует усилению роли партий в политической жизни общества. Чтобы стать реальной политической силой, необходимо вместо разрешительного принципа образования политических партий законодательное введение заявительного принципа. Изменение мажоритарной избирательной системы на выборах в Па-

лату представителей на пропорциональную или, как первый шаг, на смешанную. Такой путь прошли все наши соседи: Россия, Украина, Литва, Латвия и Польша. Важно также формирование избирательных комиссий из представителей всех партий, участвующих в выборах, а в дальнейшем имеющих депутатские мандаты, введение государственного финансирования политических партий получивший на выборах определенный процент голосов.

Северин Э.Н.

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

Endhause1982@mail.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Для обоснования прав человека приводятся различные, частично исключаящие друг друга, теоретические и практические модели. Современные политические процессы также не дают оснований утверждать, что этот прогноз будет оправдан в ближайшем будущем. Надежда мирового сообщества на то, что политическая и экономическая трансформация политических режимов бывших стран системы социализма и волна демократизации в развивающихся странах в конце XX века в целом повлияют на ситуацию с защитой прав человека и, по крайней мере, практика массовых нарушений прав человека останется в истории ушедшего века, не подтвердилась. В этом смысле актуальность изучения проблем прав человека современной политической наукой только усиливается.

Длительное время права человека находились вне поля систематических исследований, проводимых в рамках политологии, оставаясь предметом исследования юридической науки и смежных с ней дисциплин. Права человека, за редким исключением, рассматриваются политологами в рамках различных концепций и в качестве одного из многих факторов. Данная проблематика является скорее побочным продуктом заимствований преимущественно из философии и юриспруденции, которые, наряду с политической историей (и историей политических идей) являются основными теоретико-методологическими и понятийными предшественниками политической науки [1, с. 107]. Тем не менее, именно появление и укоренение прав человека способствовало превращению

граждан в «живых субъектов политики», защищённых от государственного и общественного произвола. Как отмечает английский политолог профессор Эссекского университета Тод Ландман, политическая наука преодолела свою историческую амбивалентность о правах человека и активно развивает собственные субдисциплины по правам человека, которые проводят исследования на всех уровнях анализа и по всем видам теоретических подходов. [2, с. 7].

Для того, чтобы предметно показать тесную взаимосвязь феномена прав человека и политической науки необходимо детально рассмотреть взаимосвязь данного феномена с ключевыми категориями политологии «политика» и «политическая власть» и производными от них понятиями.

Категория «политика» имеет множество определений в умах мыслителей и в рамках различных научных подходов и традиций. Она рассматривается как сфера общественной жизни, включающая отношения между её субъектами, властно-управленческую и организаторскую деятельность и поведение людей, их социально-политические интересы, потребности, мотивы и интересы [3, с. 156]; сфера деятельности, связанная с реализацией потребностей и интересов индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом, ядром которой является борьба за завоевание, удержание и использование средств государственного подчинения [4, с. 301] и др. На наш взгляд, рассматривать права человека в качестве так или иначе мета-политических, враждебных к власти и находящихся вне властных отношений было бы ошибкой. Это можно легко показать путём нескольких различий. С точки зрения их обоснованности, права человека, действительно, имеют сильные моральные устои, так или иначе ограничивающие мощь власти. Права человека – это соотношение человек – власть [5, с.23]. Нельзя не сказать и о том, что права человека устанавливают моральные стандарты легитимности государственной политики, поскольку понятие «права», по мнению известного американского политолога Джека Донелли, имеет два основных значения – моральное и политическое [6, с. 33]. Кроме того, с точки зрения политической ориентации, права человека, равно расположены как за пределами левого, так и правого спектров, так как они совместимы с любой политической доктриной, которая не связана с их нарушением. Тем не менее, необходимо признать, что права человека взаимодействуют с властью на определенных уровнях и для того, чтобы их освободительные цели были реализованы, они должны работать в политической сфере. Таким образом, утверждает канадский политолог, профессор университета Торонто Майкл Игнатъев, как деятельность права человека являются одной из форм политики [7, с. 67].

Одним из центральных вопросов политики была проблема нахождения правильного баланса между правами человека и интересами государства. В то время как сильная власть и суверенитет государства имеют важное значение для поддержания порядка и стабильности в стране, права человека создают условия для всестороннего развития личности индивида. Таким образом «права» и «власть» не противостоят друг другу, они имеют тесную диалектическую связь. Иными словами, права человека дополняют полномочия и возможности государства, данные политические феномены формируют характер, значимость и содержание друг друга. Права человека могут найти лучшую защиту в упорядоченной и стабильной политической системе. Кроме того, тип политической системы определяет наличие и степень защиты прав человека в государстве. Большинство современных политических систем и политических режимов, в зависимости от степени и видов прав человека, гарантированных гражданам, помечены как демократические или авторитарные. Исторический опыт показывает, что приоритет прав человека по отношению к политике существует только в условиях демократических режимов. Именно права и свободы, их четкая формулировка и реальное наполнение обуславливают формирование и реализацию политики государства и такой ее неотъемлемой составляющей, как политика в области прав человека. По мнению американского политолога Ханны Арендт: «... там, где политика занята властью, одной лишь властью, она может обернуться чем угодно, но только не свободой, законностью и демократией» [8, с. 175]. Исходя из вышесказанного, всё, что связано с правами и свободами на уровне государства происходит в плоскости взаимоотношений человек — власть, они выступают как средство достижения власти, удержания власти, легитимности власти, ограничения, контроля и неповиновения власти.

Права человека и трансформации конфликта рассматриваются как неразрывно связанные между собой и дополняют друг друга. Права человека были восприняты в качестве краеугольного камня для развития стабильной обстановки в постконфликтных обществах, преобразования разрушенного войной государства и большинство мирных соглашений включают права человека [9. С. 49]. Тем не менее, права человека не стоит рассматривать в качестве панацеи в проблеме возникновения, развития и преодоления политического конфликта.

Современная концепция прав человека подтверждает факт того, что права человека, установленные международными соглашениями, являются результатом политического процесса. Государства, которые придерживаются международных норм в области прав человека, неоспоримо выделяются с международной точки зрения как государства реальной демократии, а законность способст-

вует стабильной и успешной деятельности власти. Права человека, таким образом, являются очень весомой частью мировой политики [10, с. 107].

В последние годы исследователи и политики анализируют проблему прав человека в связи с процессами глобализации и распространением таких явлений, как «гуманитарная интервенция», «гуманитарное вмешательство», «гуманитарная бомбардировка». Страны, находящиеся на различных этапах развития имеющие разные политико-правовые традиции, по-разному понимают и претворяют в жизнь права человека. Неопределенность принципов прав человека, а потому их декларативность, то есть невключенность в механизм реализации прав человека, ведёт к расширению политики «двойных стандартов». Вышеназванная проблема ведёт к кризису легитимности международных стандартов прав человека.

Между тем, открытость политической науки, ее готовность к творческому восприятию теоретико-методологического инструментария и концептуально-понятийного аппарата других общественных наук позволяют ей стать одной из наиболее перспективных отраслей науки для междисциплинарных и сравнительных исследований проблем прав человека. Политология с ее способностью к формированию интегрированных областей познания открывает новые горизонты для выработки курсов эффективной политики в сфере прав человека, совершенствования правозащитных механизмов и политических технологий по утверждению прав человека. [11, с.3].

На наш взгляд, на сегодняшний день политической науке необходимо продвинуться от политологии прав человека к прикладной политологии прав человека, отнестись к данной концепции не только как к теоретическому механизму, но и как к объективно существующей стороне современной международной и национальной политики. Основной целью данного междисциплинарного исследования должна стать разработка конкретных политических технологий, направленных на преобразование политико-правовых условий (государства, региона), влияющих не только на защиту и реализацию прав человека, но и защиту самого человека. Объектом исследования вышеназванного исследования являются права человека как политическая практика. В качестве предмета исследования данного научного направления – причины и закономерности нарушений прав человека. Использование глобального, регионального и странового видов анализа позволит не только установить факты нарушения прав человека, но и определить причины их нарушения, т.е. почему права человека были нарушены (нарушаются) и, соответственно, продумать систему политических, экономических, социальных и иных мероприятий, направленных на за-

щиту прав, «срочных интересов» человека от предсказуемых опасностей, разработать технологии по устранению причин и последствий нарушения прав человека, технологии обеспечения и реализации данного политико-правового феномена. Политология прав человека в данной ситуации станет теоретической основой прикладной политологии прав человека.

Научный диалог по правам человека доступен для неограниченного круга субъектов. Теория прав человека, государственная политика в области прав человека, организация взаимодействия государственной власти разных уровней, международная политика в данной области иной обширный материал, накопленный политологией прав человека, философией политики, на нынешний момент является значимой частью предмета исследования интегративной науки о политике – политической науки.

Литература

1. Сунгуров, А.Ю. Права человека как предмет политической науки и междисциплинарная концепция / А.Ю. Сунгуров // Полис. – 2010. №6. С. 90 – 105.
2. T. Landman, Empirical Political Science and Human Rights Essex Human Rights Review Vol. 5 No. 1 July 2008.
3. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / Нац. обществ.-науч. Фонд; Рук. проекта Г.Ю. Семигин; Науч. ред. совет: пред. Совета Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 759 с.
4. Мельник, В.А. Современный словарь по политологии. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 640 с.
5. Марек Новицкий. О правах и свободах человека / Марек Новицкий // Введение в права человека. – М.:Московская Хельсинская Группа, 2009. С.21-51.
6. Донеллі Джек. Права людини у міжнародній політиці / Джек Донеллі; [пер. з анг. Т. Завалія] // Львівська лабораторія прав людини і громадянина НДІ державного будівництва та місцевого самоврядування; Акад. правов. наук України / Наук. ред. П. Рабінович. – Львів: Кальварія, 2004. – 280
7. Ignatieff, Michael (2001), Human Rights as Politics and Idolatry, Oxford: Princeton University Press.
8. Лапицкий, М.И. О времени и о труде «Vita Activa» Ханны Арендт / М.И. Лапицкий // Полис. – 2001. №5. С. 174-182.
9. Thomas Diez and Emily Pia. Conflicts and the Politics of Human Rights Invocations. Berghof Handbook Dialogue No. 9. pp. 47-55

10. Малевич, Ю. И. Права человека в мировой политике (вторая половина XX века) / Ю. И. Малевич. – Минск : Технопринт, 2001. — 256 с.

11. Исакова, Г. К. Политология прав человека: учебное пособие / Г. К. Исакова. – 2-е изд. – Астана, 2007. – 407 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ СИМПОЗИУМА

Кафедра политологии в Казанском университете была образована одной из первых в России в 1990 году. Кафедра реализует образовательные программы по направлению подготовки «политология» (бакалавриат и магистратура). Функционирует аспирантура и докторантура, совет по защите докторских и кандидатских диссертаций. Таким образом, создан полный цикл обучения профессиональных политологов.

Сегодня на кафедре работает 12 штатных преподавателей. Среди них 3 доктора наук и 6 кандидатов наук. Кафедру возглавляет доктор юридических наук, профессор Олег Иванович Зазнаев.

Тематика исследований преподавателей кафедры весьма разнообразна: федерализм, политическая регионалистика, формы государственного правления и взаимоотношения между ветвями государственной власти, этнополитические процессы, политические традиции, политическая идентичность, выборы и избирательный процесс. На протяжении ряда лет кафедра занимается методологическими вопросами политологии.

Монографии и учебные пособия преподавателей кафедры неоднократно становились призерами ежегодных конкурсов – на лучшее печатное издание Казанского государственного университета и на лучшие научные работы российских политологов Российской ассоциации политической науки. Преподаватели кафедры регулярно получают гранты на проведение политологических исследований, поездки на научные конференции и стажировки за рубежом. На базе кафедры политологии регулярно проходят научные мероприятия (конференции и круглые столы). Кафедра занимается разработкой проблем, имеющих прикладной характер, осуществляя анализ и прогноз процессов политической жизни Республики Татарстан.

Кафедра политологии оказывает учебно-методическую помощь Набережночелнинскому институту КФУ при подготовке бакалавров-политологов.

Адрес: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 35. Ауд. 1603.

Тел: (843)2337704

E-mail: political.science@mail.ru

Страница кафедры:

<http://kpfu.ru/institutes/isfnmk/struktura/otdeleniya/socialno-politicheskikh-nauk/kafedra-politologii>

Кафедра политологии и социологии в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина существует с 1997 года. Кафедра является общеуниверситетской и основная задача – обеспечение учебного процесса преподаванием таких дисциплин, как политология, социология, основы идеологии белорусского государства, права человека и др.

На кафедре работает 11 штатных преподавателей, из них: докторов наук – 2; кандидатов наук – 5. Руководит кафедрой Скакун Евгений Всеволодович, кандидат политических наук, доцент.

Преподаватели кафедры принимают активное участие в публикации научных статей, статей и тезисов докладов в сборниках материалов конференций, как в Беларуси, так и за рубежом. За последние годы изданы 7 монографий, ряд учебных пособий, опубликовано около 50 научных статей в изданиях, входящих в перечень ВАК. Основное направление научно-исследовательской деятельности – «Политические процессы в Республике Беларусь и права человека». Кроме того проводятся социологические исследования в университете, г. Бресте и Брестской области по самым различным проблемам.

Кафедра является инициатором и организатором проведения международных и республиканских конференций по проблемам современной социологии. Так за последнее время были проведены: Международная научно-теоретическая конференция «Социология: традиции и современность», посвященная 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма (2008 г.), Республиканская научно-практическая конференция «Демографическая и социальная структура общества в период системной трансформации» (2011 г.).

В 2003 году при кафедре открыта социологическая учебно-методическая лаборатория с целью развития социологической науки, обеспечения социологического мониторинга качества обучения и воспитания студенческой молодежи.

Адрес: 224016, г. Брест, Бул. Космонавтов, 21, ауд. 324.

Тел: (+375 162) 23 02 63

E-mail: skakun@brsu.brest.by

Предыдущие выпуски
серии «Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии»:

Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики: Материалы круглого стола по проблемам идентичности / под ред. О. И. Зазнаева, А. Г. Большакова; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань: Отечество, 2012. – 72 с. (Вып. 1. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии)

Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века: сборник статей Международного научного симпозиума, г. Набережные Челны, 31 мая –1 июня 2013 г. / науч. ред.: О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 264 с. (Вып. 2. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии)

Серию выпускает
кафедра политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

**ЭТНОПОЛИТИКА И МИГРАЦИЯ
КОНФЛИКТЫ, СОГЛАСИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ
В XXI ВЕКЕ**

**Сборник статей
Международного научного симпозиума
г. Набережные Челны
23 июня 2014 г.**

Выпуск 3

Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии

Дизайн обложки
М.А. Ахметова

На обложке фото **Василия Кононова**

Подписано в печать 18.01.2016.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15,46.
Тираж 100 экз. Заказ 247/12

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28